ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)»

На правах рукописи

Вуйчич Ярослав Викторович

НЕЗАКОННОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
Позднышов Алексей Николаевич

Ростов-на-Дону – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....3

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОРЯДКА УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ……...14

1.1. Понятие и содержание незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом……...…14

1.2. Обоснованность криминализации незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом …….……35

1.3. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом.……..…52

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕЗАКОННОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ (СТ. 185.4, 185.5 УК РФ)……..66

2.1. Объективные признаки составов преступлений, посягающих на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом……...…...67

2.2. Субъективные признаки составов преступлений, посягающих на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом…….....115

ГЛАВА 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕЗАКОННОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ……...133

3.1. Состояние, тенденции и детерминанты преступности, связанной с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом.....133

3.2. Особенности личности преступника, совершившего преступление, посягающие на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом……148

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……174
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ……189
ПРИЛОЖЕНИЕ……...208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире, как было отмечено на VII Петербургском Международном Юридическом Форуме, в рамках господствующего способа производства все чаще уголовно-правовые инструменты задействуются в целях проникновения внутрь корпоративных взаимоотношений. Практика преследования в публично-правовом порядке лиц, незаконно пытающихся установить контроль над деятельностью хозяйствующего субъекта, распространена повсеместно и связана с легализацией преступных доходов, отмыванием денег, налоговой ответственностью, а также иными публичными механизмами. Наличие в действующем уголовном законодательстве ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ и других подобных статей свидетельствует о том, что российская правовая действительность шагнула в сторону использования инструментария уголовного права. С одной стороны, такая практика призвана обеспечить прозрачность рынка, а с другой, ведёт к подрыву стабильности гражданского оборота, т.к. деформируется сама сущность корпоративных отношений.[1] Применительно к ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ данная проблема осложняется тем, что они были введены в действие как «антирейдерские» нормы, хотя, по сути, регулируют корпоративные конфликты, перешедшие в криминальную фазу. Опыт показал, что правоприменитель успешно борется с рейдерскими захватами, используя уголовно-правовой инструментарий, существовавший до появления вышеуказанных норм. Эти нормы обеспечивают борьбу с рейдерством лишь опосредовано, на самых ранних стадиях и то лишь в тех случаях, когда корпоративный конфликт провоцируется рейдерами. В чистом виде эти составы преступлений всегда охраняют отношения, связанные с установлением законного корпоративного контроля над хозяйствующим

[1]VII Петербургский Международный Юридический Форум16-20 мая 2017 года в Санкт-Петербурге/ Проблемы уголовной ответственности бенефициаров, участников и иных лиц: вызовы нашего времени/ Трек: 6. Судебная и арбитражная практика// Петербургский Международный Юридический Форум / URL: http://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_6_6

субъектом самими владельцами или участниками такого субъекта.С30.12.2012г., когда впервые в предмет гражданско-правового регулирования были включены корпоративные отношения, отечественный законодатель еще раз подтвердил конституционный принцип свободы экономической деятельности, что вновь поставило вопрос об эффективности ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ при защите корпоративных отношений. Как показывает статистика, практика применения таких норм незначительна и даже возбужденные уголовные дела в массе своей не доходят до суда. С 2011года по 2016 год в Российской Федерации было возбуждено 1 уголовное дело по ст.185.4 УК РФ, по ст.185.5 УК РФ более сотни дел. Однако лишь незначительная их часть доходит до суда. Например, из 67 дел, возбужденных по ст.185.5 УК РФ до суда дошло лишь 5 дел.

Такая статистика является вполне логичной и приемлемой, поскольку разработчики вышеуказанных уголовно-правовых норм исходили из социальных, экономических и политических условий именно того периода и могли лишь отчасти спрогнозировать дальнейшее развитие общества. Безусловно определенные успехи в борьбе с незаконным установлением контроля над хозяйствующими субъектами были достигнуты, но в то же время не удалось избежать и определенных просчетов. Современные формулировки диспозиций ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ не позволяют эффективно бороться с преступлениями, посягающими на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом.

Учеными и практическими работниками отмечается отсутствие теоретического осмысления данной проблематики, четкой концепции в формулировках, излишняя перегруженность ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ, серьезные недостатки законодательной техники. Некоторые положения данных уголовно-правовых норм не только не отражают последние изменения гражданского права, но и вступают в противоречие с действующим законом. Это, безусловно, порождает дискуссии в науке уголовного права, затрудняет применение закона, порождает ошибки в правоприменении.

Сегодня нет единой правоприменительной практики при квалификации посягательств, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. Недостаточно разработаны, меры по профилактике преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ. В то же время проблемы уголовно-правовых средств реагирования на установление незаконного корпоративного контроля на фоне непрекращающейся модернизации уголовного законодательства требуют дальнейшего развития и изучения данного института.

Все вышеизложенное обусловливает актуальность темы диссертационного исследования и ее выбор автором.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на свое незначительное по времени существования в УК РФ составов преступлений, предусмотренных ст.ст.185.4, 185.5 УК РФ, в научной литературе им уделяется достаточно большое внимание. Проблемы корпоративного контроля касались такие авторы как Абдулмуслимов М.А., Алехина А.В., Антонян Ю.М., Брагин И.А., Бриллиантов А.В., Валласк Е.В., Винокуров В.Н**.,** Гилинский Я.И., Горбов В.В., Гританс Я.Н., Зинченко А.И., Зинченко Е.А., Исаев О.Ю., Карпович О.Г., Клепицкий И.А., Козловская А.Э., Комиссаров В.С., Лавров М.В., Ларичев В.Д., Лопашенко Н.А., Лупашко С.В., Милюков С.Ф., Нефедов И.В., Осипенко О.В., Пикуров Н.И., Праслов Ю.П., Пряников Р.В., Рарог А.И., Семёнов Т.В., Соколов И.А., Улезько С.И., Федоров А.Ю., Шимбарева Е.В. Однако серьезных монографий, касающихся анализа данных составов преступлений, нет. Отдавая должное тому, что данная проблематика прорабатывалась в науке уголовного права, тем не менее, отметим, что в работах названных авторов лишь в ограниченном объеме рассматриваются вопросы понятийного аппарата, рекомендации по правоприменению и оптимизации уголовной политики в сфере борьбы с незаконным установлением корпоративного контроля над хозяйствующим субъектом. Исследования, носящего комплексный характер, посвящённого конкретному анализу ст.ст.185.4,185.5 УК РФ, не проводилось.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения в сфере уголовно-правовой охраны установленного законом порядка корпоративного контроля над хозяйствующим субъектом.

Предмет диссертационного исследования составляют нормы действующего отечественного уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного законодательства, судебная практика, статистические данные, современное зарубежное законодательство, юридическая литература (монографии, диссертации, статьи, учебники и учебные пособия).

Цель исследования заключается в комплексном исследовании уголовно-правовых средств реагирования на незаконное установление корпоративного контроля для разработки и научного обоснования теоретических выводов и практических рекомендаций по оптимизации уголовного закона в части обеспечения установленного законом порядка осуществления корпоративного контроля.

Достижение указанной цели возможно путем решения следующих задач:

- установить социально-правовые предпосылки законодательного закрепления средств реагирования на незаконное установление корпоративного контроля;

- выявить сущность незаконного установления корпоративного контроля;

- проанализировать объективные и субъективные признаки составовпреступлений, посягающих на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, предусмотренных ст. 185.4, 185.5 УК РФ;

- выявить состояние, тенденции и детерминанты преступности, связанной с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом;

- рассмотреть особенности личности преступника, совершившего преступление, посягающего на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом;

- выработать предложения по оптимизации уголовно-правовых средств реагирования на незаконное установление корпоративного контроля.

Методологической основой исследования является диалектический метод, а также общенаучные и частно-научные методы познания социальной действительности. Исторический метод используется автором при выявлении причин и условий, способствовавших закреплению средств уголовно-правового реагирования в отношении незаконного установления корпоративного контроля; формально-юридический – при анализе правовых источников, позволивших выявить сущность института незаконного установления корпоративного контроля; системный – при формировании классификационных групп правовых средств реагирования на незаконное установление корпоративного контроля; сравнительно-правовой – при изучении зарубежного опыта борьбы с незаконным установлением корпоративного контроля;структурный – при анализе объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконное установление корпоративного контроля. Кроме того, в работе использованы социологический, лингвистический, документальный и другие методы.

Нормативной базой исследования являются Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, федеральные законы Российской Федерации, нормы международного права и уголовного законодательства зарубежных стран, регулирующие ответственность за незаконное установление корпоративного контроля, указы Президента РФ, постановления Правительства и иные подзаконные акты, затрагивающие вопросы настоящего исследования.

Эмпирическая база исследования состоит из статистических данных ГИАЦ МВД России, статистической отчетности Верховного Суда РФ, информационно-аналитических и справочных материалов правоприменительных органов, данных, полученных в ходе самостоятельного изучения 25 приговоров судей общей юрисдикции и мировых судей по изучаемым преступлениям, а также информации, полученной из интернет-сайтов, материалов периодической печати (изучено более 200 источников подобной информации). Еще одним источником эмпирической информации стали данные, полученные в результате анкетного

опроса 200 работников прокуратуры, адвокатуры, следователей, судей, практикующих юристов, преподавателей юридических вузов, работников и участников корпоративных объединений. В диссертации использованы опубликованные результаты эмпирических исследований, полученные другими авторами при изучении спорных и проблемных вопросов, касающейся темы исследования.

Теоретическую базу исследования составляют работы российских и зарубежных ученых по общей теории права, гражданскому, административному уголовному праву и криминологии. В основу исследования положены работы ведущих специалистов, которые представлены в рубрике «Степень разработанности темы исследования». При разработке темы диссертации широко использовались материалы научно-практических конференций, семинаров, круглых столов, публикации в журналах и других научных изданиях.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на монографическом уровне предпринята попытка комплексного исследования средств уголовно-правового реагирования на незаконное установление корпоративного контроля. К новым результатам исследования можно отнести предложенные автором определения корпоративного контроля, видового и непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ; выявление и обоснование объективных и субъективных признаков незаконного установления корпоративного контроля; обоснование необходимости уголовно-правовой защиты сферы корпоративных конфликтов, декриминализация ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ и закрепление в УК РФ новой уголовно-правовой нормы на базе двух вышеуказанных общественно-опасных деяний.

Основные положения, выносимые на защиту.

1.Сложившиеся на этапе перестройки социально-экономические условия в России, активное перераспределение собственности на фоне существенных упущений в правовом регулировании перехода прав корпоративного контроля, слабая система государственного регулирования такого контроля, несоответствие нормативно-правовой базы сложившимся социально-экономическим условиям,

отсутствие эффективной политики государственного управления в Российской Федерации предопределило криминализацию корпоративных отношений, появление различных способов посягательств, направленных на противоправное установление контроля над хозяйствующими субъектами. Участникам корпоративных отношений свойственно постоянное стремление к установлению контроля над хозяйствующим субъектом. Объективно сложившаяся в постсоветской России неэффективная модель корпоративного управления перманентно заложила основу для ее смены, в том числе и криминальными средствами.

2.Незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом представляет собой действия (бездействие) участников корпоративных отношений, нарушающие законодательно определенный порядок установления возможности для участника этих отношений влиять на деятельность, законные права участников корпорации, определять судьбу имущества хозяйствующего субъекта, стратегические, тактические и управленческие решения.

3. Анализ зарубежного опыта регламентации уголовно-правовых запретов деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, позволяет выделить три направления. Первое характерно странам англосаксонской системы, в которых искоренение подобных деяний осуществляется посредством детальной регламентации перехода корпоративного контроля в гражданско-правовой сфере вотсутствии их запрета в уголовном законе. Второе направление предполагает установление рядом стран общих уголовно-правовых запретов, позволяющих в случае необходимости применять их к преступникам, совершившим деяние, направленное на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. Третье направление связано с криминализацией некоторыми странами в уголовном законе различных способов противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами. Россия в настоящее время придерживается третьего направления, в рамках которого были введены ст. 185.4 и 185.5 УК РФ.

4. Видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4 185.5 УК РФ,является комплекс общественных отношений, характеризующий легально установленный порядок контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 185.4 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с установленным законом порядком реализации прав субъектов корпоративных объединений, касающихся участия и управления в них. Частью таких управленческих отношений, на которые сделал акцент сам законодатель, является установленный им порядок корпоративного контроля за деятельностью акционерного общества, закрытых паевых инвестиционных фондов и владельцев облигаций.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, можно считать общественные отношения, касающиеся установленного легального порядка корпоративного контроля. Охраняемые ст.185.4 УК РФ общественные отношения носят дуалистический характер. Общественные отношения, охраняемые ст.185.5 УК РФ, являются защищающими.

5. Современные тенденции криминального установления контроля над хозяйствующим субъектом, проявляются в том, что, во-первых, такая преступная деятельность четко разделилась на два уровня: рейдерство и криминальный корпоративный конфликт. Во-вторых, вектор посягательств смещается от крупного бизнеса в сторону среднего, несколько реже малого, так как они являются менее защищенными. В-третьих, изменилась отраслевая структура рассматриваемой преступной деятельности: все больше криминальных явлений подобного рода наблюдается в торговле, машиностроении, в сфере недвижимости, пищевом секторе, сельском хозяйстве, легкой промышленности, все больше происходит смещение географии посягательств из центра на периферию.

6. Личность преступника, совершившего вышеуказанное деяние, предусмотренное ст. 185.4 или 185.5 УК РФ, выглядит следующим образом: это мужчина в возрасте от 30 до 45 лет, на момент совершения преступления, как правило, имеющий высшее образование, обладающий достаточно высоким

интеллектуальным уровнем развития, состоящий в браке, ранее несудимый, и при всей этой совокупности антикриминогенных факторов попадающий в категорию асоциальных лиц. При всей положительности социально-психологическая подсистема личности преступника характеризуется девиантной направленностью, проявляющейся в негативно-пренебрежительном отношении к важнейшим правам человека, в частности праву на свободную экономическую деятельность, корыстных и частнособственнических взглядах, обусловленных не эмоциональным состоянием личности, а трезвым расчетом, искаженной системе ценностей, где благополучие, высокий жизненный уровень, успешность в карьере превалируют над правосознанием и законопослушанием.

7. Необходимо декриминализовать ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ и выработать на их основе одну уголовно-правовую норму в следующей редакции: «незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов с целью установления контроля за деятельностью хозяйствующего субъекта, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние

Наказывается…..»

Теоретическое и практическое значение исследования определяется тем, что оно обращено к актуальной и требующей разрешения в современных условиях проблемы уголовно-правовой защиты установленного законом порядка корпоративного контроля в хозяйствующих субъектах. Диссертация частично восполняет пробелы в этой сфере и создает предпосылки для развития теоретических положений, связанных с уголовно-правовой охраной корпоративных отношений.

Выводы и предложения диссертанта могут быть интересны при разработке и реализации уголовно-правовой политики России, подготовке законодательных и иных нормативно-правовых актов, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в процессе дальнейшего осуществления реформы уголовного и административного законодательства. Материалы диссертации

могут использоваться в учебном процессе при преподавании дисциплин «Уголовное право», «Криминология», «Преступления в сфере экономики». Результаты исследования могут быть учтены в правоприменительной деятельности по предупреждению преступлений в сфере незаконного установления корпоративного контроля.

Апробация результатов исследования. Выводы и положения проводимого исследования излагались диссертантом на международных, межрегиональных научно-практических конференциях: «Уголовно-правовой анализ преступлений, направленных на блокирование принятия решений органами хозяйствующих субъектов» (г. Ростов-на-Дону, «РГЭУ (РИНХ)», 24 апреля 2015г.), «Понятие рейдерства в России» г. Ростов-на-Дону «РГЭУ (РИНХ)», 17-18 ноября 2016 г.), «Недружественное поглощение и корпоративный шантаж (гринмейл)», г. Ростов-на-Дону, ГЭиП ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», 24 марта 2017г.), Незаконное установление корпоративного контроля над хозяйствующим субъектом: уголовно-правовой и криминологический аспекты, г. Ростов-на-Дону, «РГЭУ (РИНХ)», 27 апреля 2017г.Материалы диссертации отражены в пяти научных публикациях автора: из которых три научных статьи, опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК. Основные положения и выводы диссертации обсуждались и прошли апробацию на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Объем и структура диссертации обусловлены целями и задачами исследования. Диссертация выполнена в объеме, предусмотренном высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, состоит из введения, трех глав, включающих 7 параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОПРЕДЕЛЕННОГО ЗАКОНОМ ПОРЯДКА УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ

1.1. Понятие и содержание незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом

В современном мире экономическая сфера является самой динамично развивающейся.

Общественно-опасные деяния в сфере экономики проявляются в процессе взаимодействия государства и экономики. В ходе реализации этого взаимодействия государство в лице своих органов, учреждений пересекается с автономными субъектами экономических отношений, наделенных суверенными полномочиями в указанной сфере. Экономика представляет собой объект государственного регулирования, а государство выступает субъектом этого регулирования. Основы правового регулирования современных экономических отношений, в общем, и корпоративных отношений в частности в Российской Федерации заложены Конституцией Российской Федерации в статьях 8, 34, 35, 36. В статье 8 утверждается гарантия единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности. Статья 34 устанавливает гарантии прав граждан на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Статьи 35, 36 декларируют право частной собственности и его охрану законом. Примечательно, что еще на ранних этапах становления капиталистических отношений государство осознавало, что признание свободы экономических отношений не означает отказа от их государственного регулирования.

Указанные гарантии, провозглашенные Конституцией РФ с 1993 года, явились необходимыми предпосылками для успешного развития корпоративных отношений. Однако, исходя из понимания того, что законодательство в своем развитии опирается на практические интересы и потребности общества, включает разные по своей отраслевой природе нормы[1], государство задействовало комплекс публично-правовых средств для обеспечения надлежащего правого поведения в сфере корпоративных отношений.

Названную сферу общественных отношений в современной России регулирует значительное количество нормативно-правовых актов, что также говорит о достаточной зрелости этих отношений. К важнейшим нормативно-правовым актам относятся: Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об инвестиционных фондах», «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», «О приватизации государственного и муниципального имущества», «О рынке ценных бумаг», «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». К подзаконным актам, регулирующим рассматриваемую сферу деятельности относятся: Указ Президента РФ «О некоторых мерах по защите прав вкладчиков и акционеров» от 18.11.1995 № 1157, «Положение о стандартах эмиссии ценных бумаг, порядке государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, государственной регистрации отчетов об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг», утвержденное Банком России 11.08.2014 № 428-П и пр.

Указанные нормативные правовые акты регламентируют правила осуществления и перехода корпоративного контроля над хозяйствующими субъектами. Внимание государства к регулированию отношений, связанных с

---

[1]Гританс Я. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм. - М.: ВолтерсКлувер, 2005. - С. 12.

корпоративным контролем, не является какой-то российской особенностью. Необходимость такого регулирования – это объективная общемировая тенденция. Она предопределена тем, что по некоторым оценкам, в последние два десятилетия более 80 % всех международных капиталовложений тратилось не на создание новых производств, а на приобретение активов уже существующих предприятий.[1] То есть современная экономика развивается не столько за счет создания новых предприятий, сколько путем перехода контроля над уже существующими хозяйствующими субъектами.

В России переход к рыночным отношениям обусловил появление новых форм общественно-опасного поведения, неся для современного российского общества серьезную опасность, так как причиняют материальный, репутационный вред гражданам, организациям и государству в целом. Одним из таких негативных социально-экономических явлений стали противоправные деяния, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом.

Порядок установления такого контроля в хозяйствующем автономном субъекте регламентирован государством. Поэтому любые посягательства на такой контроль, должны найти адекватную реакцию со стороны государства. Преступная деятельность, связанная с противоправным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, непосредственно затрагивает сферу корпоративных отношений. Она носит исключительно изменчивый характер, представляя собой один из наиболее подвижных, меняющихся видов общественно-опасной деятельности. Необходимость вмешательства государства в рассматриваемую сферу отношений диктует само развитие российской экономики. Практика преследования в публично-правовом порядке лиц, незаконно пытающихся установить контроль над хозяйствующим субъектом, распространена повсеместно и связана с легализацией преступных доходов,

---

[1] Лупашко С.В. Слияния и поглощения как фактор роста конкурентоспособности экономических систем: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2007. - С. 3.

отмыванием денег, налоговой ответственностью, а также иными публичными механизмами.[1]

Корпоративный контроль возможен лишь в корпоративных отношениях. 18 декабря 2012 года после продолжительных дискуссий в научных кругах и длительного законодательного обсуждения проекта Федерального закона № 47538-56/1 корпоративные отношения были включены в круг отношений, регулируемых нормами гражданского права. П. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации обозначил корпоративные отношения как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими[2].

Несмотря на ныне существующее легальное определение корпоративных отношений, дискуссия по поводу их сущности не закончилась, ученые по-прежнему дают различные толкования данному понятию, рассматривая его как в узком, так и в широком смысле.

Так, Т.Н. Меркулова достаточно широко определяет корпоративные отношения как «совместное, подчиненное одной или нескольким общим целям действие либо волеизъявление заинтересованных лиц, объединенных между собой корпоративными взаимосвязями правового характера»[3]. Его поддерживает С.А. Чеховская, которая считает, что определение субъектов корпоративных правоотношений, которое дано в ст. 2 ГК РФ, неполное. Построение национальной модели корпоративного управления без учета всей системы корпоративного управления, где могут быть представлены также интересы и

---

[1] VII Петербургский Международный Юридический Форум 16-20 мая 2017 года в Санкт-Петербурге / Проблемы уголовной ответственности бенефициаров, участников и иных лиц: вызовы нашего времени / Трек: 6. Судебная и арбитражная практика / URL: http://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_6_6

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 5.12.1994. - № 32. - Ст. 3301. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 259–ФЗ).

[3] Меркулова Т.Н. Корпоративные отношения: определение места в системе гражданско-правового регулирования современных общественных отношений / Защите прав: проблемы теории и практика реализации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Верховный Суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2014. - С. 84.

других лиц, осуществляющих деятельность, включенную в корпоративные процедуры, или являющихся инвесторами корпорации, в форме, не связанной с прямым участием в корпорации, представляется не в полной мере соответствующим международной корпоративной практике.[1]

Другие авторы подходят к определению рассматриваемого термина достаточно узко и включают в это понятие лишь «отношения участников, как в договорных отношениях, а также отношения между участниками и самой корпорацией, ее членами, органами управления и участниками корпораций, членами органов управления и самой корпорацией (ст. 66, 67, 106, 123 ГК РФ)»[2].

В рамках настоящего исследования мы за основу возьмем определение, данное Ю.П. Прасловым, так как оно, на наш взгляд, в большей степени отражает сущность корпоративных отношений, которая заложена в рамках всего объема норм корпоративного права. Корпоративные отношения – это «общественные отношения имущественного, организационно-управленческого и информационно-коммуникативного характера, регулируемые корпоративными нормами, соглашениями, обычаями и иными источниками корпоративного права, возникающие на основе правового института корпоративного участия (членства), совместной деятельности, единства корпоративных интересов и целей, между участниками корпорации и самой корпорацией по поводу внутренней организации и деятельности корпорации, управления ею и ее имуществом в целях достижения законного корпоративного интереса, полученияпозитивногосоциально-экономического эффекта, ожидаемой доли (части) корпоративной прибыли (корпоративного дохода), удовлетворения имущественных и неимущественных потребностей, с применением корпоративного законодательства и норм корпоративного саморегулирования, методов корпоративно-правового воздействия, корпоративно-правовой защиты и

[1]Чеховская С.А. Субъекты корпоративного управления: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2016. № 2./Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] Зинченко А.И., Зинченко Е.А. Корпоративные отношения: теоретико-правовой анализ // Правовая культура. - 2017. - № 1 (28). - С. 76.

ответственности»[1]. Данное определение не противоречит ст. 2 ГК РФ, однако в указанном определении должно быть сделано одно существенное уточнение: под субъектами (участниками) корпоративных отношений нужно понимать не только участников (членов) общества, но и коллективные и индивидуальные органы управления хозяйствующего субъекта, не обладающие статусом участника, но активно принимающие участие в отношениях имущественного, организационно-управленческого и информационно-коммуникативного характера[2].

Необходимо отметить, что в настоящее время ГК РФ различает корпоративные и унитарные юридические лица, при этом корпоративные делятся на коммерческие корпоративные организации и некоммерческие корпоративные организации.

В настоящем исследовании к хозяйствующим субъектам, являющимся субъектами корпоративных отношений, будут относиться хозяйственные

---

[1]Праслов Ю.П. Корпоративные отношения как предмет гражданского права // Территория науки. - 2013. - № 2. - С. 265.

[2] Ст. 2 ГК РФ определяет корпоративные отношения как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. В научной литературе высказаны различные взгляды на понимание участия в корпоративных организациях. Так, например, С.Ю. Поваров включает в членские корпоративные отношения «все отношения, складывающиеся между участником и акционерным обществом (по поводу участия акционеров в управлении организацией, получения дивиденда, приобретения и выкупа акционерным обществом размещенных акций и т.д.)»; Д.В. Ломакин утверждает, что «участие - это комплекс связей участников (членов) корпорации с самой корпорацией, что проявляется в наличии у них субъективных прав и обязанностей, являющихся элементами содержания правоотношения участия (членства)». Большинство представленных позиций можно свести к единому знаменателю: участие в корпорации - это реализация участниками своих прав по отношению к хозяйственному обществу, каковыми являются члены этого общества. Однако ст. 2 ГК РФ наряду с участием указывает управление корпорации как составляющее корпоративных отношений. Обращаясь к ст. 65.3 ГК РФ, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ, можно отметить, что к числу лиц, осуществляющих управление корпорацией относится не только высший орган корпорации, которым является общее собрание ее участников, но и единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель и т.п.), а также коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет). Таким образом, если отношения участия предполагают субъектный состав – только участников (членов) корпорации, то управление корпорации как элемент корпоративных правоотношений предполагает более широкий круг лиц и включат в себя коллективные и индивидуальные органы управления хозяйствующего субъекта.

общества, в отношении которых его участники имеют обязательственные права: акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью с разделенными на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом (коммерческие корпоративные организации)[1] (ч. 4 ст. 66 ГК РФ).Под организациями, осуществляющими предпринимательскую деятельность и частично обладающими корпоративной структурой можно подразумевать инвестиционные фонды, в том числе паевые инвестиционные фонды, представляющие собой имущественные комплексы без образования юридического лица (такая точка зрения не противоречит действующему законодательству - ч. 7 ст. 66 ГК РФ, Федеральному закону от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «Об инвестиционных фондах»[2]).

В настоящее время в российской экономике хозяйственные общества занимают преобладающее место среди хозяйствующих субъектов. Согласно статистическим данным количество обществ с ограниченной ответственностью (ООО) насчитывает примерно 4 миллиона, акционерных обществ (АО) - около 170 тыс., что говорит о существенном развитии корпоративных отношений.

Центральной категорией корпоративных отношений является понятие корпоративного контроля[3], который также называют контролем над управлением хозяйствующим субъектом. При этом необходимо подчеркнуть, что вопрос контроля над любым хозяйствующим субъектом является приоритетным вопросом деятельности любого такого субъекта, его участников.[4] Главной целью любой предпринимательской деятельности является получение прибыли. Завладение контролем над хозяйствующим субъектом позволяет субъекту корпоративных отношений принимать решения по распоряжению его активами,

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. - 8-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2012. - С. 470.

[2] Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49 - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

[3] Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. - 2009. - № 3. - С. 144.

[4]Хечиев А. Корпоративный контроль: проблемы правового регулирования // Отрасли права. Аналитический портал / URL: http://отрасли-права.рф/article/18146

определять финансовую политику компании, извлекать большую прибыль, в связи с чем, зачастую корпоративный контроль становится преступной целью общественно-опасных посягательств.

Понятие корпоративного контроля не раскрывается в действующем российском законодательстве, тем не менее, его применение можно встретить в судебной практике[1]. В научных трудах понятие корпоративного контроля трактуется по-разному. Так, в диссертационном исследовании М.В. Лавровым было предложено авторское определение понятию корпоративный контроль, который «представляет собой вид корпоративных отношений, при котором участник корпорации способен оказывать определяющее воздействие на принятие стратегических и оперативных решений контролируемой корпорации. Корпоративный контроль является объектом сделок между субъектами корпоративных отношений, в результате которых он может переходить от одного лица к другому»[2].

В рамках диссертационного исследования Е.В. Шимбарева сущность корпоративного контроля видит в «способности субъекта корпоративных отношений оказывать влияние на деятельность корпорации, основанием установления – факт приобретения доли в уставном капитале или акций»[3].

Я.Н. Гританс предлагает под корпоративным контролем понимать возможность определять стратегические и оперативные решения по вопросам создания и деятельности корпораций[4].

Д.И. Степанов пишет: «контроль в корпоративно-правовых отношениях сводится к фактической и/или юридически обеспечиваемой возможности

---

[1]Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 23 сентября 2013 г. по делу № А53-26504/2011 / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2]Лавров М.В. Риск в сфере корпоративного контроля: гражданско-правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2006. - С. 28.

[3]Шимбарева Е.В. Корпоративные конфликты и контроль: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-дону, 2010. - С. 82.

[4]Гританс Я.Н. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм. - М.: ВолтерсКлувер, 2005. - С. 6-7.

оказывать влияние на корпоративное образование, а также на принимаемые его органами решения»[1].

Сущность большинства определений контроля над хозяйствующим субъектом сводится к его пониманию как возможности для участника корпоративных отношений влиять на деятельность, законные права участников корпорации, определять судьбу имущества хозяйствующего субъекта, стратегические, тактические и управленческие решения. То есть контролирующий корпоративные отношения субъект может предопределять решения, принимаемые этим хозяйствующим субъектом, в частности связанные с распоряжением принадлежащего такому субъекту имущества либо с обеспечением законных прав участников такого хозяйствующего субъекта. Вышеназванный аспект корпоративного контроля зачастую становится объектом интереса недобросовестных участников корпоративных отношений. Само установление такого контроля превращается, таким образом, в инструмент воспрепятствования осуществлению законных прав владельцев хозяйствующего субъекта.

Корпоративный контроль устанавливается в результате распределения сил, власти среди субъектов корпоративных отношений. Он проявляется в возможности навязывать волю как самому хозяйствующему субъекту, в лице его органов, так и другим его участникам, не обладающим необходимым влиянием.

Установление корпоративного контроля достигается, прежде всего, посредством реализации прав, заключенных в инструментах, отражающих долю в уставном капитале организации (акциях, долях, паях), а потому, чем больше доля в уставном капитале и в общем количестве голосов, тем больше таких возможностей у лица, ими обладающего.

Корпоративные отношения не имеют классического обязательственного содержания (кредитор – должник), то есть в общем случае взаимные права и обязанности их субъектов по отношению друг к другу отсутствуют, за

---

[1] Степанов Д.И. Там же. - С. 147.

исключением некоторых специальных случаев.[1] При этом носители этих прав имеют в общем случае различные цели и интересы по отношению к хозяйствующему субъекту и по отношению друг к другу.

Различия в интересах участников хозяйствующего субъекта побуждают их предпринимать действия, направленные на реализацию их интересов, на достижение целей, отличных от целей других участников корпоративных отношений. Зачастую борьба за реализацию интереса предполагает перехват контроля над хозяйствующим субъектом, в связи с чем, возникает корпоративный конфликт, т.е. столкновение, противоборство сторон.

Проблема конфликта интересов участников корпоративных отношений возникает с момента создания хозяйствующего субъекта и «сопровождает» всю его дальнейшую деятельность. Законодательного определения корпоративного конфликта до сих пор не выработано, в связи с чем, в науке даются различные трактовки данному понятию. В самом общем виде суть корпоративного конфликта сводится к разногласиям:

- между участниками хозяйствующего субъекта;
- между участниками и менеджментом хозяйствующего субъекта;
- между хозяйствующим субъектом и инвестором.[2]

При совместной организации бизнеса неизбежно возникают проблемы, связанные с правом контроля над хозяйствующим субъектом. Реализация этих прав участниками хозяйствующего субъекта осуществляется по согласованию друг с другом. Как показывает практика, выработка согласованного решения по проблемам, возникающим в процессе деятельности организации, – задача сложная. Поэтому в корпоративных отношениях участники действуют из

---

[1]Например, лицо, приобретающее 20 и более процентов голосующих акций АО и намеревающееся совершить сделку с самим АО, обязано информировать и АО о своей заинтересованности и получить согласие других акционеров на совершение такой сделки.

[2]Садыков А. Просто, кратко и понятно о корпоративных конфликтах // Юридический блог Альберта Садыкова / URL: http://lawyerlife.ru/korporativnoe-pravo/prosto-kratko-i-ponyatno-o-korporativnyx-konfliktax.html

принципа большинства[1]. Как следствие, зачастую при недостижении согласованного решения пытаются незаконными способами увеличить пакет ценных бумаг или долю в уставном капитале организации, либо, используя обман и злоупотребление доверием, предопределить решение в свою пользу.

Участникам корпоративных отношений свойственно постоянное стремление к установлению контроля над хозяйствующим субъектом. Установление такого контроля обостряет конфликт между ними и является причиной злоупотреблений наиболее влиятельных участников.[2] Справедливо указание на то, что корпоративный конфликт является причиной, а не результатом противоправных действий. Поэтому необходимым видится такое урегулирование конфликта, при котором был бы установлен справедливый баланс интересов и как следствие сохранен контроль над хозяйствующим субъектом и перспективы эффективного развития.[3]

В юридической литературе рассматриваются различные классификации корпоративных конфликтов, чаще всего они разделяются на два подвида: корпоративные споры (например, споры, связанные с эмиссией ценных бумаг, с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица, споры об обжаловании решений общества и т.д.) и иные корпоративные конфликты, к которым относят корпоративные поглощения, корпоративный шантаж (гринмейл). Некоторые авторы ко второму виду относят еще и такое явление как рейдерство.

Любой конфликт, в том числе связанный с установлением контроля над хозяйствующим субъектом, может быть разрешен как законными способами, так и с преступным нарушением корпоративных прав.

---

[1]Ерахтина О.С. Корпоративные конфликты и правовые способы их минимизации // Вестник Пермского университета. - 2010. - № 3 (9). - С. 103-107.

[2]Дедов Д.И. Конфликт интересов. - М.: ВолтерсКлувер, 2004. - С. 112.

[3]Осипенко О.В. Корпоративный контроль: Экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Книга первая: Установление корпоративного контроля. - М.: Статут, 2013. - С. 319-320.

Необходимо отметить, что законными способами установления контроля над хозяйствующим субъектом являются: покупка голосов, прямое приобретение акций, реорганизация в порядке слияния или присоединения, покупка активов.

Осуществление вышеуказанных способов установления контроля достигается путем концентрации в одних руках или у одной какой-либо стороны блокирующего[1] или контрольного пакета[2] ценных бумаг или долей уставного капитала общества.[3]

Переход контроля над хозяйствующим субъектом от одних участников экономических отношений к другим является нормальным явлением для рыночной экономики, но лишь тогда, когда соответствует предусмотренным законодательством правилам такого перехода[4].

Действия участников корпоративных отношений по установлению контроля над хозяйствующим субъектом могут нарушать установленные нормативно-правовыми актами правила перехода такого контроля, в связи с чем, можно говорить о корпоративных конфликтах, разрешающихся незаконными и даже криминальными способами.

В целом в России криминализация корпоративных отношений имеет глубокие исторические корни.

---

[1]Блокирующий пакет – это доля ценных бумаг или уставного капитала, позволяющая их владельцам блокировать (наложить вето) на любое принимаемое хозяйствующим субъектом, в лице его органов, решение, если оно не устраивает участника или группу участников, имеющих в совокупности такой пакет (например, если уставом АО предусмотрено, что решение по какому-то конкретному вопросу может быть принято квалифицированным большинством, в 3/4 голосов, то блокирующим пакетом будет 25 % акций плюс 1 акция)

[2]Контрольный пакет представляет собой такую долю ценных бумаг или уставного капитала, которая дает их владельцу возможность самостоятельно принимать решения в вопросах функционирования акционерного общества, в том числе назначать руководящий состав (например, безусловным контрольным пакетом является 50 % плюс 1 акция).

[3] Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. - 2009. - № 3./ Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[4] Яценко Т.С. Гражданско-правовые меры пресечения незаконного завладения корпоративным контролем // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2015. - № 4 (29). - С. 62.

Массовая приватизация в России создала огромное количество компаний, главным образом существующих в форме открытых обществ. Хаотичный характер стихийно возникших корпоративных взаимосвязей предопределил массу проблем: конфликты интересов, слабое корпоративное управление[1], в связи с чем, в российской экономике шли интенсивные процессы постоянного перехвата корпоративных прав и, как следствие, перераспределения собственности. Эти процессы шли по пути установления корпоративного контроля, как правило, вне организованных рынков с активным использованием неправомерных, зачастую криминальных способов: преднамеренных банкротств, внутрикорпоративных манипуляций с акционерным капиталом[2]. Часто при установлении контроля над хозяйствующими субъектами использовались силовые способы захватов, с применением угроз и насилия, опасного для жизни и здоровья участников хозяйствующих субъектов, с применением оружия и т.д.

Сложившаяся ситуация в стране характеризовалась наличием существенных упущений в проведении реформ в политической, правоохранительной и иных сферах государственной деятельности, значительным ослаблением системы государственного регулирования и контроля, несоответствием нормативно-правовой базы сложившимся социально-экономическим условиям, отсутствием эффективной политики государственного управления в Российской Федерации. Все это предопределило криминализацию корпоративных отношений, появление различных способов посягательств, направленных на противоправное завладение контролем и активами хозяйствующих субъектов. После приватизации в России появились целые бизнес-структуры, главной функциональной задачей которых, был криминальный захват активов юридических лиц.[3]

---

[1] Богданов А. Переход на «единый инвестиционный пай» // Рынок ценных бумаг. - 2006. - № 19 (322).- С. 48.

[2] Корпоративный контроль и управление предприятий // Альманах Ассоциации независимых центров экономического анализа. - 2004. - № 5.

[3] Козловская А.Э. Уголовно-правовая охрана имущества юридических лиц от незаконных корпоративных захватов (криминологическое и уголовно-правовое исследование): Дисс. ...канд. юрид. наук. - М., 2009. - С. 23.

В итоге поставленные в приватизационных программах цели, связанные с повышением экономической эффективности, в том числе в сфере корпоративного управления, были отодвинуты на второй план, на первый – вышло изменение характера собственников. Фактически владельцами стал прежний менеджмент: директора, управляющие, - которые получили предприятия, недвижимость не по рыночной стоимости, а в основном путем обмана, злоупотребления доверием и дезориентацией миноритарных акционеров. Проведённая приватизация в последующем сформировала деструктивную модель корпоративного управления и отрицательно сказалась на эффективности[1]. Это, в свою очередь, заложило основу для смены такой неэффективной модели корпоративного управления, в том числе и криминальными средствами.

Нами уже отмечалось, что истоками противоправных деяний в корпоративных отношениях необходимо считать корпоративные конфликты, виды которых нами также были обозначены. Также было указано, что некоторые авторы склонны выделять в рамках разновидности корпоративных конфликтов рейдерство. По нашему мнению, сегодня взгляд на рейдерство и его рассмотрение с точки зрения легального закрепления корпоративных отношений должно быть следующим. В настоящее время некоторые ученые, мнение которых нами всецело поддерживается, руководствуясь накопленной практикой расследования дел, связанных с криминальным установлением контроля над хозяйствующими субъектами, предлагают различать рейдерство и корпоративные конфликты, перешедшие в криминальную фазу[2]. Содержание этих понятий ставится в зависимость от того, какое отношение имеет субъект преступления к хозяйствующему субъекту – цели посягательства (является ли он одним из собственников или руководителем, например), а также степени организованности совершаемых противоправных деяний. Рейдерство противопоставляется иной

---

[1]Андрефф В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. - 2003. - №12. - С. 124.

[2] Сычев П.Г. Новые законодательные инициативы: защита системы корпоративного управления или подарок рейдерам? // Безопасность бизнеса. - 2011. - № 1. - С. 30-35.

криминальной деятельности, направленной на противоправное установление контроля над хозяйствующим субъектом, а именно криминальному разрешению корпоративного конфликта.

Отнесение рейдерства к разновидности корпоративного конфликта является ошибочным, поскольку, на наш взгляд, рейдерство имеет природу отличную от криминального корпоративного конфликта. Рейдеры преследуют цель захвата активов предприятия, а не получение каких-либо дополнительных корпоративных прав или привилегий. Получение контроля над хозяйствующим субъектом для рейдеров — это промежуточный этап, поскольку именно получение такого контроля обеспечивает доступ к имуществу хозяйствующего субъекта. Таким образом, рейдерство – это посягательство, в первую очередь, на собственность, но не на корпоративные права.

Тем не менее, рейдерство как негативное социальное явление тесно связано с корпоративными конфликтами. В настоящее время рейдеры активно используют «конфликтные технологии» –отслеживают конфликтные ситуации или самостоятельно их провоцируют с целью измотать компанию-жертву или загнать в угол мажоритарного участника общества. Таким образом, с завидной частотой корпоративные конфликты используются рейдерами как условие осуществления захвата хозяйствующего субъекта.[1]

В настоящее время в прошлое ушли откровенно насильственные методы рейдерских атак, хотя совершенно отвергать насильственную составляющую не приходится. Отличительными особенностями рейдерства остаются групповой характер совершения преступлений.[2]Современноерейдерство представляет собой высоко-интеллектуальный криминальный бизнес, который специализируется на противоправной деятельности в области захвата имущества хозяйствующих

---

[1] Алехина А.В. Корпоративный конфликт как условие осуществления рейдерского захвата // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2014. - № 4 (28). - С. 97-98.

[2] Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности // Российская юстиция. - 2012. - № 3. - С. 55.

субъектов. В настоящее время такие структуры обросли собственным капиталом, административным ресурсом в законодательной или исполнительной власти, значительно реже – в различных силовых структурах. Такой бизнес крайне рентабелен, минимальная выгода от «проекта» составляет 500 %.[1]

Ежегодно в России фиксируется свыше 60 тыс. рейдерских атак, в результате которых разрушаются стратегические предприятия, банкротятся эффективные производства, снижается инвестиционная привлекательность целых отраслей, при этом давление рейдеров на бизнес ежегодно отнимает у страны до 1% экономического роста.[2]

Определения рейдерства (рейдерского захвата) законодательство Российской Федерации не содержит. Нет общепризнанного определения и в науке. При этом термин рейдерство «объясняется через другие понятия: «враждебное поглащение» недружественное поглащение», «корпоративный захыват» порой являются синонимами этих понятий.[3]

Не останавливаясь на конкретном определении, выделим лишь основные признаки рейдерства.

Рейдерство носит организованный внешний характер, т.е. посягательство на хозяйствующий субъект осуществляется лицами, не имеющими к нему непосредственного отношения, с использованием коррупционных ресурсов и силовых методов. Профессиональные рейдеры, как правило, не имеют непосредственного отношения к хозяйствующему субъекту. Цель рейдеров – находящееся у хозяйствующего субъекта в собственности имущество.

Проводя сравнительный анализ криминального корпоративного конфликта и рейдерства, необходимо отметить следующее. Криминальное разрешение

---

[1] Пряников Р.В. Ретроспективный анализ развития института рейдерства в России // Социально-экономические явления и процессы. - 2012. - № 4 (38). - С. 116.

[2] Федоров А.Ю. «Антирейдерская» реформа уголовного законодательства // Адвокат. - 2010. - № 10 / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[3] Исаев О.Ю., Ларичев В.Д. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия (рейдерство): Монография - М.: Юрлитинформ, 2013. – С.15.

корпоративного конфликта путем противоправного установления контроля над хозяйствующим субъектом носит внутренний характер и предполагает неправомерные действия со стороны одного или группы субъектов корпоративных отношений –участников или менеджмента организации, результатом которых является незаконный переход контроля к ним над всем хозяйствующим субъектом или его частью. При корпоративном конфликте субъекты корпоративных отношений, имеющие непосредственное отношение к хозяйствующему субъекту, чаще всего криминальным способом борются именно за право управления им, возможностью единолично получать прибыль от его деятельности.

Именно на эти критерии обращает внимание правоприменитель, отграничивая рейдерство от криминального разрешения корпоративного конфликта.

Так, бизнесмен Н. О. Марченко в апреле 2016 года за рейдерский захват ООО «Алтэкс» был приговорен к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Приговором Индустриального районного суда города Барнаула Алтайского края от 20.04.2016 г. признан виновным в фальсификации решения общего собрания участников хозяйственного общества, фальсификации единого государственного реестра юридических лиц и в покушении на мошенничество в особо крупном размере.

В соответствии с приговором суда: «Марченко Н.О., не являясь участником ООО «Алтэкс», признан виновным в умышленном воспрепятствовании свободной реализации права Щ. при принятии решения на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью, путем несообщения сведений о проведении общего собрания участников хозяйственного общества, искажении результатов голосования на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью, путем фальсификации решения участника Общества «Алтэкс» о прекращении полномочий директора ОбществаЩ. и возложении полномочий исполнительного органа Общества на управляющую организацию ООО УК «Атропос», датированного <..>, решения участника

Общества «Алтэкс» о внесении изменений в Устав Общества в связи с увеличением уставного капитала Общества с 000 рублей до 000 рублей и принятием в состав Общества нового участника Марченко Н.О, изменений в Устав ООО «Алтэкс» о размере уставного капитала Общества, датированного <..>, заявления участника Общества Щ. о прекращении его участия в Обществе, а также незаконном принятии решения ООО «Алтэкс», датированного <..>, единственного участника Общества, об утверждении выхода из состава участников ООО «Алтэкс» Щ. и передачи его доли номинальной стоимостью 000 рублей в уставном капитале Обществу, в период <..> года, но не позднее <..>, в городе «адрес»[1].

Примером криминального корпоративного конфликта может послужить дело № 10-10/2015, в соответствии с которым приговором мирового судьи судебного участка № 12 Индустриального района г. Перми Курицын А.В. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст. 185.5 УК РФ, а именно, являясь соучредителем ООО «ААА» в период с <..> по <..> совершил фальсификацию решений общих собраний участников общества, выразившуюся в умышленном искажении результатов голосованияприпринятии решений на общих собраниях участников ООО «ААА», путем внесения в протоколы общих собраний от <..>, <..> и <..> заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших и результатах голосования, несообщения сведений о проведении общих собраний участников соучредителю гр. В. в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, об одобрении крупной сделки, обизменении состава органов управления (единоличного исполнительного органа общества) и об увеличении уставного капитала хозяйственного общества.

[1]Дело № 22-2870/2016 Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края // «РосПравосудие» - судебная практика / URL: http://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-rraj-s/act-535052433/

Из материалов дела следует, что Курициным АВ. совместно с ФИО-1 было создано ООО «ААА» с уставным капиталом 10000 рублей, в котором 51% принадлежал ФИО-1, а 49% принадлежало Курицыну А.В. Директором Общества был назначен гр. Ж., который являлся родственником Курицына А.В. Общество выполняло подрядные работы. Несмотря на успешную деятельность предприятия, ФИО-1 ни разу не получал дивиденды, в связи с чем у него возникли подозрения в отношении гр. Ж. и Курицына А.В., которые, в свою очередь, поясняли, что все доходы идут на развитие Общества. <..> ФИО-1 потребовал назначения его на должность заместителя директора в ООО «ААА», рассчитывая, что сможет контролировать финансовую деятельность Общества. С момента назначения ФИО-1 на должность зам. директора у него с гр. Ж. и Курицыным А.В. стали возникать конфликты, так как ФИО-1 не допускался к бухгалтерской документации. ФИО-1 полагал, что Курицын А.В. и гр. Ж. похищают денежные средства предприятия. <..>ФИО-1 высказал свои претензии Курицыну А.В. и гр. Ж. После чего, придя на следующий день на работу, узнал от Курицына А.В., что гр. Ж. его уволил с должности зам. директора предприятия. Следствием данного корпоративного конфликта стала попытка соучредителем Курицыным А.В. противоправного единоличного завладения управлением в данном Обществе путем совершения преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ[1].

Практика показывает, что деяния рейдерских группировок, в отличие от криминальных корпоративных конфликтов в хозяйствующих субъектах, редко включает в себя такие способы незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом, как фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров. Это связано с тем, что для квалификации, например, по ст. 185.5 УК РФ необходимо фактическое проведение собрания или совета, решения которых в последующем фальсифицируются. Профессиональные рейдеры стараются

[1]Дело № 10-10/2015 Архив Мирового суда судебного участка № 12 Индустриального района г. Перми // https://rospravosudie.com/court-industrialnyj-rajonnyj-sud-g-permi-permskij-kraj-s/act-469556099/

действовать быстро и скрытно, избегая публичности. Однако наличие корпоративного конфликта, например, между собственниками или миноритарными и мажоритарными акционерами существенно увеличивает шансы рейдеров на успех, поскольку применение «конфликтных технологий» входит в перечень инструментов рейдеров. Если рейдеры найдут «компромисс с находящимися в конфликтных отношениях лицами на шаг ранее законных собственников, у последних возникает реальная опасность лишиться своих активов»[1], поскольку цель рейдерской атаки не меняется – изъятие имущества хозяйствующего субъекта. Поэтому грамотное правовое урегулирование корпоративных конфликтов имеет существенное значение, как для отдельного хозяйствующего субъекта, так и для сферы бизнеса в целом, и является профилактикой рейдерства. Именно с этой точки зрения сегодня нужно объяснять, почему ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ являются инструментами уголовно-правовой охраны в рамках так называемого «антирейдерского пакета», хотя, по сути, эти нормы регулируют корпоративные конфликты, перешедшие в криминальную фазу. В чистом виде эти составы преступлений всегда охраняли отношения, связанные с установлением законного корпоративного контроля над хозяйствующим субъектом самими владельцами или участниками такого субъекта.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно отметить, что центральным звеном корпоративных отношений является корпоративный контроль, который зачастую становится объектом интереса недобросовестных участников рассматриваемых отношений, поскольку позволяет получить господство над хозяйствующим субъектом. При этом противоправное установление такого контроля превращается в инструмент воспрепятствования осуществлению принадлежащих участникам корпоративных отношений прав, а в некоторых случаях и последующего отъема собственности у законных владельцев.

---

[1]Алехина А.В. Корпоративный конфликт как условие осуществления рейдерского захвата // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2014. - № 4 (28). - С. 98.

Переход прав контроля над хозяйствующим субъектом от одних участников экономических отношений к другим является нормальным явлением для рыночной экономики. Однако сложившиеся на этапе перестройки социально-экономические условия в России, активное перераспределение собственности на фоне существенных упущений в правовом регулировании перехода прав корпоративного контроля, слабая система государственного регулирования такого контроля, несоответствие нормативно-правовой базы сложившимся социально-экономическим условиям, отсутствие эффективной политики государственного управления в Российской Федерации предопределило криминализацию корпоративных отношений, появление различных способов посягательств, направленных на противоправное установление контроля над хозяйствующими субъектами. Таким образом, под незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом можно понимать действия (бездействие) участников корпоративных отношений, нарушающие законодательно определенный порядок установления возможности для участника корпоративных отношений влиять на деятельность, законные права участников корпорации, определять судьбу имущества хозяйствующего субъекта, стратегические, тактические и управленческие решения.

Криминализация корпоративных отношений имеет глубокие исторические корни. Возникновение посягательств, связанных с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, обусловлено переходом России от одной социально-экономической формации к другой – от плановой экономики к рынку. Незрелость общественных отношений, возникших в переходный период в России, их новизна, отсутствие соответствующего правового регулирования повлекли на начальном этапе формирования российского рынка доминирование примитивных способов установления контроля над управлением и активами хозяйствующих субъектов. По мере развития корпоративных отношений в условиях запаздывающего их законодательного регулирования такие способы трансформировались от физического устранения участников корпоративных отношений и насилия над ними до высокоинтеллектуальных, псевдо-легальных.

В настоящее время незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, в зависимости от того, какое отношение имеет субъект преступления к организации-цели (является ли он одним из собственников или руководителем, например), а также степени организованности совершаемых посягательств, необходимо рассматривать в двух направлениях: криминальный корпоративный конфликт и рейдерство. Незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом может быть, как результатом преступных действий недобросовестных участников корпоративных отношений при корпоративном конфликте, так и способом обеспечения доступа к имуществу хозяйствующего субъекта в рамках рейдерской атаки.

Указанные виды посягательств побуждают государство предпринимать меры, в том числе, уголовно-правового характера для урегулирования данной сферы общественных отношений.

1.2. Обоснованность криминализации незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом

К 2008-2009 гг. качество и количество общественно-опасных деяний по установлению незаконного контроля над хозяйствующими субъектами достигло критического уровня. На заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте РФ 23 ноября 2009 г. было заявлено, что ежедневно на сайт Национального антикоррупционного комитета России обращаются от полутора до двух тысяч человек с заявлениями о совершенных рейдерских поглощениях[1]. Укрепившиеся за годы перестройки и передела собственности в сознании граждан России искаженные представления о рынке как об экономической системе жульничества, афер и всеобщего надувательства, где одурачивание населения и отдельных лиц является одним из основных источников и способов обогащения, зачастую с нарушением уголовного

[1]Федоров А.Ю. «Антирейдерская» реформа уголовного законодательства // Адвокат. - 2010. - № 10./ Справочная правовая система «Консультант Плюс».

закона, породили криминальную модель корпоративных отношений. Государство, осознав недостаточность и неэффективность существующего механизма противодействия незаконному установлению контроля над хозяйствующими субъектами, было вынуждено предпринять дополнительные меры по вмешательству в уже сложившиеся к этому времени корпоративные отношения.

Такие действия, как незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг, проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума, незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании, фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, успешно использовались недобросовестными участниками корпоративных отношений для неправомерного установления контроля над хозяйствующими субъектами на протяжении всех этапов криминализации корпоративных отношений с 1990-х гг., и до 2009-2010 гг. не признавались преступными. Это было связано с неразвитостью как экономических отношений в целом, так и корпоративных отношений в частности, с отсутствием сформированного правого регулирования данной сферы, какой-либо корпоративной культуры. Резкое изменение общественно-политического и экономического строя показало неготовность власти быстро сориентироваться в возникших условиях и обеспечить своевременную защиту корпоративных прав. Кроме того, вышеуказанные способы создавали видимость легальности. Например, несообщение сведений о проведении общего собрания акционеров общества предполагало заведомое направление письма-уведомления на адрес, по которому акционер не проживает и получить это уведомление не сможет. Такие действия зачастую безуспешно оспаривались в рамках гражданского судопроизводства.

На протяжении 15 лет с 1988 г. по 2008 г. происходила криминализация корпоративных отношений, при этом трансформировались способы противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами от

физического устранения собственников и насилия над ними до высокоинтеллектуальных псевдо-легальных, формировались тесные корреляционные связи с легализацией преступных доходов, отмыванием денег, налоговой преступностью и т.п. По различным экспертным оценкам ущерб от криминального установления контроля над хозяйствующими субъектами в России ежегодно достигает от 20 до 50 млрд. долларов ежегодно.[1]

Поскольку к 2008 году криминализация корпоративных отношений вышла на новый качественный и количественный уровень, качество и количество общественно-опасных деяний по установлению незаконного контроля над хозяйствующими субъектами, а также по криминальному завладению имуществом не снижалось, 31 июля 2008 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым был утвержден Национальный план противодействия коррупции, где захват имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий, рейдерство было признано проблемой государственного масштаба.[2] Тогда же одним из приоритетных направлений деятельности Правительства России в сфере обеспечения национальной безопасности на период до 2012 г. было продекларировано осуществление комплекса мероприятий по противодействию криминализации корпоративных отношений, наносящей значительный ущерб российской экономике и имеющей большой общественный резонанс[3]. В рамках этого документа посягательства на корпоративный контроль в хозяйствующем субъекте впервые были признаны государством преступными. Было определено, что в деле регулирования корпоративных отношений уголовному праву принадлежит не последняя роль, что основной путь

---

[1]Материалы «Свободной газеты»// Свободная Интернет-Газета / URL: http://svob-gazeta.ru/blogs

[2] Национальный план противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы от 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Российская газета. - № 164, 05.08.2008.(в посл. ред. от 14 января 2011 г.)

[3]Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» от 17 ноября 2008 г. № 1663-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1 декабря 2008. - № 48. - Ст. 5639. (в посл. ред. Распоряжения Правительства РФ от 14 декабря 2009 г. № 1926-р)

противодействия этому криминальному явлению - борьба с ним с помощью уголовно-правовых мер. Ущерб, причиняемый экономике России от рейдерских атак, объективно привел к пониманию того, что необходимо организовать профилактику данного явления на ранней стадии, на стадии принятия управленческих решений. С одной стороны, такие решения часто являются необходимым звеном в рейдерской атаке, с другой –являются краеугольным камнем, приводящим к криминальному разрешению корпоративных конфликтов. Поскольку управленческие решения являются элементом корпоративных отношений, которые существенно криминализированы, потребовалась необходимость вмешательства в них государства.

Необходимо отметить, что до вступления в силу вышеуказанных поправок действия лиц, предполагающие незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, квалифицировались как мошенничество (ст. 159 УК РФ), однако применить указанный состав можно было только в том случае, если удавалось доказать посягательство на собственность, в противном случае дела «рассыпались». То есть за указанные посягательства уголовная ответственность наступала не всегда. Очевидно, что уголовный закон не в полной мере выполнял охранительную и регулятивную функции в сфере корпоративных отношений. Поэтому в соответствии с заявленными президентом требованиями уголовной политики были предприняты изменения в рамках уголовно-правового регулирования корпоративных отношений – в уголовный закон введены составы ст. 185.4 УК РФ[1] и ст.185.5 УК РФ[2]. По замыслу законодателя ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ являются специальными по отношению к ст. 159 УК РФ. Это подтверждает и практика правоприменения. Так, Судебная коллегия по

---

[1]Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 30 октября 2009 № 241-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2 ноября 2009. - № 44. - Ст. 5170. (последняя редакция)

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 30 октября 2009 № 241-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2 ноября 2009. - № 44. - Ст. 5170. (последняя редакция)

уголовным делам Московского областного суда в кассационном определении пояснила: «Решение суда о переквалификации действий Сальвука Д.А. со ст.159 ч.4 УК РФ на ст.185.5 ч.1 УК РФ принято в соответствии с изменениями в Уголовный кодекс РФ от 01.07.2010г., в соответствии с которыми суд сделал правильный вывод о том, что введенная данными изменениями ст.185.5 ч.1 УК РФ является специальной по отношению к ст.159 УК РФ»[1].

Комментируя внесенные изменения, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Владимир Груздев пояснил, что принятые поправки «позволят привлекать рейдеров к уголовной ответственности уже на начальных этапах рейдерского захвата. Он подчеркнул, что благодаря новым составам, удастся упреждать «наступление последствий, при которых истребование захваченного имущества ограничено институтом защиты добросовестного приобретателя», а также отметил, что данная мера направлена на повышение эффективности противодействия рейдерским захватам имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий»[2].

Такую позицию законодателя поддержали ряд ученых: И.А. Клепицкий, С.Ф. Милюков[3] и другие. Однако представлена в юридической науке и противоположная позиция. Так Я.И. Гилинский, В.С. Комиссаров, Н.А. Лопашенко[4] считают, что необходимо сдержанное отношение к роли уголовного

---

[1]Дело № 22-180/2012 Архив Подольского городского суда Московской области // «РосПравосудие» - судебная практика / URL: https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-482224512/

[2]Комментарий депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2003 - 2011 гг.) Владимира Груздева о поправках, внесенных Федеральным законом от 01 июля 2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Группа РБК / URL:http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100609133235.shtml

[3]Клепицкий С.И. Система хозяйственных преступлений. - М., 2005. - С. 122-125; Милюков С.Ф. О концептуальных подходах к Уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики / Под ред. В.И. Горобцова.- Красноярск, 2003. №. 6. - С. 23-27.

[4]Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль: Избранные статьи. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - С. 201-215; Комиссаров В.С. Оценка

законодательства в решении отдельных социально-экономических конфликтов. Мы придерживаемся точки зрения, что в «основу уголовно-правового запрета преступлений в сфере экономической деятельности положена концепция обмана, а не концепция насилия. Пока обмана нет, рыночные отношения свободны и регулируются исключительно частным правом. Когда он возникает, уголовно-правовая реакция целесообразна, легитимна и неизбежна».[1] Криминализация деяний, предусмотренных ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, наглядно иллюстрирует эту идею.

Криминализация деяний, направленных на существенное нарушение корпоративных прав и противоправное установление контроля над хозяйствующим субъектом, осуществлена во исполнение предписаний норм международного права и в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством. Имеющие фундаментальное значение нормы международного права провозглашают принципы неприкосновенности частной собственности, соблюдения прав и свобод граждан, в том числе корпоративных. Данные положения основываются на общечеловеческих ценностях и находят свое отражение в основном законе страны – Конституции Российской Федерации, которая закрепляет свободу экономической деятельности и неприкосновенность частной собственности, что подчеркивает исключительную значимость и ценность данных принципов.

Общественная опасность установления незаконного корпоративного контроля была оценена государством достаточно высоко. Поэтому от мер

состояния УК РФ и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30 - 31 мая 2002 г. - М.: ЛексЭст, 2003.- С. 11-17; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. - СПб., 2004. - С. 310-314.

[1]Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография / Отв. ред. А.В. Габов. - М.: ИНФРА-М, 2014 / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

административной профилактики (ст. 15.23.1КоАП РФ[1]), оно практически сразу же перешло к уголовно-правовым запретам.

Уголовно-правовое воздействие, являясь крайней формой юридического воздействия, по задумке законодателя призвано переломить сложившуюся ситуацию. Данный вектор развития регулирования рассматриваемых отношений выбран государством с тем, чтобы при помощи своих специфических средств (в основном, угрозой применения наказания) защищать корпоративные правоотношения от опасных, преступных посягательств[2].

Рассматривая социальную обусловленность установления уголовного запрета, полезным является обращение к этапам развития криминального явления. А.Ю. Федоров в своей работе выделил несколько основных этапов криминализации корпоративных отношений[3].

Появление криминальных деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом связано с началом приватизации в 1990-х гг. С 1988 по 1991 гг. происходила «узкоклановая приватизация» финансовой системы страны, образовалась финансовая олигархия. При этом переделе собственности активно использовались пробелы в несформированном законодательстве переходного периода от плановой экономики к рыночной.

1992-1995 гг. охарактеризовались разграблением директоратом назначенных к приватизации государственных арендных предприятий. Возник бурный рост

---

[1]Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части уточнения определения и конкретизации признаков манипулирования ценами на рынке ценных бумаг» от 09 февраля 2009 № 9-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 16.02.2009. - № 7. - Ст. 777. (в посл. ред. Федерального закона 23 июля 2013 № 249-ФЗ)

[2]Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М., 2010. - С. 14.

[3] Федоров А.Ю. Правовая охрана корпоративных отношений: Актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт // Библиотека FictionBook.lib / URL: www.fictionbook.ru/author/f_yu_fedorov

различных ОПГ, стремившихся взять под контроль промышленность страны. В этот период происходили силовые захваты предприятий при помощи ЧОПов, 1993 – 1995 - годы процветания бандитского рэкета.

1995-1997 гг. связаны с началом борьбы за корпоративный контроль, когда использовались такие незаконные методы как «размывание» пакетов акций, создавались дублирующие органы управления хозяйствующих субъектов, проводились параллельные собрания акционеров и т.д.

1998-2002 гг. ознаменовались принятием ФЗ от 8.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который превратил преднамеренное банкротство в ключевой инструмент по захвату корпоративного контроля и в дальнейшем собственности.

2002-2003 гг. в связи с принятием нового ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» произошло резкое уменьшение количества инициированных преднамеренных банкротств. Преступная деятельность по незаконному установлению контроля над хозяйствующими субъектами изменила свой вектор в сторону внешнего управления лицами, действующими в интересах «захватчиков» с целью установления неправомерного контроля над хозяйствующими субъектами. К таким лицам относились бывшие собственники, партнеры по бизнесу или акционеры компаний-целей, а также представители государственных регулирующих органов, кредиторов и т.д.

С 2003 по 2008 год окончательно сформировалась современная преступная деятельность, связанная с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, со всеми присущими ей признаками и преобладанием высокоинтеллектуальных, псевдо-легальных способов противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами.

Установленный законом порядок функционирования корпоративных отношений в связи с массовым применением псевдо-легальных способов установления контроля над хозяйствующими субъектами значительно деформировался. Такая деформация стала существенной угрозой не только корпоративным отношениям, но уже представляла значительную общественную

опасность для развития российской экономики. Государство обязано было реагировать на возникшие угрозы. Так, корпоративные отношения из ноумена или «вещи в себе» стали превращаться в феномен или «вещи для нас». Начала происходить активная криминализация общественно опасных деяний, связанных с этим феноменом.

Появление в современном отечественном уголовном законодательстве ст.ст. 185.4, 185.5 УК РФ и других подобных статей свидетельствует о том, что российская правовая действительность шагнула в сторону использования инструментария уголовного права.[1]

Нами уже было отмечено, что переход от социализма к рынку в нашей стране, предопределил появление и развитие новых форм экономической деятельности. Возникновение новых форм отношений, таких как корпоративные отношения, в условиях несистемного перехода от одной формации к другой и почти полного отсутствия правовой обеспеченности такого перехода привело к злоупотреблениям и нарушениям в этой сфере. Более того, корпоративные отношения, будучи частью экономической сферы жизни общества, которая связана с потоками денежных средств, товаров и услуг имущественного характера не могли не привлечь внимания преступников, стремящихся извлечь сверхприбыль.

Достаточно логичным представляется, что в зависимости от характера противоправного поведения, последствий и прочих факторов с течением времени возник вопрос о системе мер охраны прав участников корпоративных отношений. В частности, перед законодателем стал вопрос о целесообразности и необходимости наряду с гражданско-правовыми средствами, задействовать и публично-правовые (административные и уголовные) средства для обеспечения надлежащего правового поведения.

---

[1]VII Петербургский Международный Юридический Форум16-20 мая 2017 года в Санкт-Петербурге/ Проблемы уголовной ответственности бенефициаров, участников и иных лиц: вызовы нашего времени/ Трек: 6. Судебная и арбитражная практика// Петербургский Международный Юридический Форум / URL: http://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_6_6

В части признания корпоративных отношений в качестве объекта уголовно-правовой охраны, убедительную позицию высказал Т.В. Семёнов, согласно которой «при понимании корпоративных отношений как отношений по участию в корпоративной организации и управлению ею следует, что соответствующее право участия (членства), а также права, являющиеся содержанием корпоративного управления, потенциально могут рассматриваться в качестве объекта уголовно-правовой охраны, если данные права принадлежат физическому лицу»[1]. Данный тезис не противоречит ч. 1 ст. 2 УК РФ, в соответствии с которой уголовный закон в качестве объектов признает охрану прав и свобод человека и гражданина. Однако Т.В. Семёнов, рассматривая право участия в корпорации с точки зрения его формального обозначения – акция, доля, пай и т.д., практически отождествляет его с правом собственности[2], что, на наш взгляд противоречит сущности корпоративных отношений. Как участие, так и управление корпорацией являются особым благом, закрепляющим специфические формы присвоения имущественных и неимущественных благ, посягательства на которые создают угрозу конституционно установленным экономическим правам граждан, что, в свою очередь, приводит к разбалансированию всей экономической системы страны.. Такое понимание рассматриваемых отношений говорит о целесообразности и необходимости их защиты средствами уголовно-правового воздействия.

Признав возможность установления уголовно-правовой охраны корпоративных отношений, необходимо обратиться к важнейшему основанию криминализации, обуславливающему ее целесообразность и необходимость, общественной опасности деяний, предусмотренных в статьях 185.4 и 185.5 УК РФ. «Под общественной опасностью в современной теории права понимается объективное свойство деяний, влекущих негативные изменения или содержащие

[1]СемёновТ.В. Уголовно-правовая охрана корпоративных отношений // Право. - 2014. - № 3. - С. 144–158.

[2]СемёновТ.В. Там же.- С. 144–158.

угрозу таких последствий в социальной действительности, нарушающие упорядоченность системы сложившихся общественных отношений»[1].

Общественная опасность свойственна и административным правонарушениям. Административно-деликтные и уголовно-правовые отношения «фактически имеют единую природу, обусловленную общим генезисом, публичным характером и охранительной направленностью»[2]. В основе разделения средств административного и уголовного воздействия лежит исследование и учет степени и форм общественной опасности противоправных деяний. Рассмотреть целесообразность и необходимость установленного уголовно-правового запрета можно путем измерения степени общественной опасности криминализованных законодателем деяний. Сравним степень общественной опасности деяний, признанных административным правонарушением в рамках состава 15.23.1 КоАП, и деяний, криминализированных в статьях 185.4 и 185.5 УК РФ.

Нарушение прав владельцев ценных бумаг, в частности прав, связанных с участием в общих собраниях акционеров, участников обществ с ограниченной ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов, не всегда связанно с попытками неправомерного установления контроля над хозяйствующим субъектом. Часто такие правонарушения связаны с неисполнением должностными лицами своих обязанностей, оплошностью, халатностью, нежеланием проводить собрание, строго соблюдать корпоративное законодательство, распределять полученную прибыль по итогам года и т.д.

Так, Генеральный директор ЗАО «Экситон Аналитик» Б. привлечен к административной ответственности в соответствии с ч. 5 ст. 15.23.1 Кодекса РФ

---

[1]Кашепов В.П. О разграничении пределов административной и уголовной ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / Отв. ред. Н.Г. Доронина. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2016. - С. 102.

[2]Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Дис. ... докт. юрид. наук. - Рязань, 2011. - С. 139.

об административных правонарушениях. По делу «было установлено, что должностным лицом – Б. были нарушены положения п. 2 ст. 50 ФЗ «Об акционерных обществах», 28.09.2011 года было принято решение о проведении внеочередного общего собрания в форме заочного голосования с повесткой дня: о распределении нераспределенной прибыли прошлых лет, о выплате дивидендов (вопросы, предусмотренные п.п. 11 п. 1 ст. 48 ФЗ «Об акционерных обществах», разрешение которых не может проводиться в форме заочного голосования)»[1].

И.В. Порошина была привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 15.23.1 КоАП РФ. Из решения: «З., являющаяся акционером Общества, владеющая 3,96 % голосующих акций Общества, направила в адрес последнего предложение от 15.01.2011 г. о выдвижении двух кандидатов в Совет директоров Общества и одного кандидата в ревизионную комиссию Общества для включения их в список кандидатур для голосования на годовом общем собрании акционеров Общества в 2011 году. Указанное предложение поступило в Общество 24.01.2011 года и зарегистрировано за входящим номером ... от 24.01.2011 г. Согласно протоколу №1 от 04.02.2011 г. заседания Совета директоров ОАО «ЭЗСО «Д.» предложение Акционера З. от 15.01.2011 г. рассмотрено на заседании Совета директоров Общества, состоявшемся 04.02.2011, на котором присутствовали члены Совета директоров Общества Ш., М., Порошина И.В. На указанном заседании Совета директоров Общества принято решение об отказе во включении предложенных Акционером кандидатов в список кандидатур для голосования на годовом общем собрании акционеров Общества, в связи с отсутствием выписки по счету депо акционера. Учитывая, что в ФЗ от 26.12.1995 года №208-ФЗ «Об акционерных обществах» определен исчерпывающий перечень оснований для отказа акционеру во включении предложенных им вопросов в повестку дня общего собрания акционеров, принятое Советом директоров Общества 04.02.2011 года решение об отказе во включении в список кандидатур для голосования по

[1]Дело № 12-294/12 Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга // Судебные решения РФ / URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2262121

вопросам об избрании членов Совета директоров и ревизионной комиссии на годовом общем собрании акционеров кандидатов, предложенных Акционером, не соответствует требованиям п.5 ст.53 ФЗ «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 года, в связи с чем, является незаконным»[1].

Очевидно, что такие деяния представляют определенную общественную опасность, поскольку нарушают установленный государством порядок участия субъектов корпоративных прав в управлении хозяйствующим субъектом и контроля над его деятельностью, но не являются преступлениями. Однако деяния, описанные в ст. 15.23.1 КоАП РФ, преследующие особую цель установления контроля над хозяйствующим субъектом, извлечения дохода в крупном размере и, как следствие, причинение крупного ущерба, создают ситуацию такой степени общественной опасности, которая равнозначна преступлению. Таким образом, можно утверждать, что наличие названных обстоятельств, повышающих степень общественной опасности, деяний, описанных в ст. 15.23.1 КоАП, создают основание для их криминализации. В связи с чем, законодатель, устанавливая уголовный запрет в составах ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, обозначил повышенную общественную опасность рассматриваемых деяний (по сравнению с составом 15.23.1 КоАП) с учетом их особой корыстной цели, а именно в ст. 185.5 «незаконного захвата управления в юридическом лице», в ст. 185.4 УК РФ – извлечения дохода в крупном размере и, как следствие, причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Таким образом, деликтолизация деяния, установленного ст. 15.23.1 КоАП, в отличие от рассматриваемых уголовно-правовых запретов, не имеет своей задачей противодействовать посягательствам, направленным на установление контроля над хозяйствующим субъектом или связанным с извлечением дохода в крупном размере. Действия лиц, направленных на существенное нарушение корпоративных прав, противоправное установление контроля над хозяйствующим субъектом, невозможно регулировать только в рамках административной

[1]Дело № 12-163/12 Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода // Судебные решения РФ / URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/226455

ответственности еще по причине того, что единственной существенной мерой государственного принуждения в рамках административной ответственности является штраф. Поскольку большая часть действий, направленных на противоправное установление контроля над хозяйствующим субъектом имеет существенную общественную опасность и носит явный криминальный оттенок, существует необходимость дифференцированного подхода к мерам государственного воздействия, которыми располагает уголовный закон. Отсутствие уголовной ответственности за такие деяния и возможность «откупиться» сравнительно небольшими штрафами, учитывая 500% рентабельность рейдерских атак, в рамках гражданской, дисциплинарной и административной ответственности может порождать лишь чувство безнаказанности у преступников и побуждать их к совершению новых правонарушений данного вида. Таким образом, в современных условиях ни одна из видов юридической ответственности, кроме уголовной, не способна создать надежный барьер для рейдеров и недобросовестных участников корпоративных отношений.

Распространенность рассматриваемых преступных деяний является следующим обязательным принципом криминализации. Основа общественной опасности преступления кроется в том, что преступное поведение или преступная деятельность, имея свойства прецедента, создает угрозу повторения таких противоправных деяний в будущем. Рост противоправных деяний оказывает негативное влияние на социальные условия функционирования человека, общества и государства.[1]

В настоящем параграфе был отмечен колоссальный объем обращений граждан по поводу посягательств на незаконное установление контроля в хозяйствующем субъекте. В рамках данного исследования нами был проведен опрос 200 акционеров, участников и директоров хозяйствующих субъектов (АО и ООО). За последние три года 57% респондентов столкнулись в своих компаниях с

[1] Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2008. - № 4 (327). - С. 149.

экономическими преступлениями. 13 % участников опроса отметили, что преступления были направлены на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, из них 9% утверждали, что такая преступная деятельность осуществлялась с целью захвата их бизнеса. Участники опроса, столкнувшиеся с посягательствами, направленными на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, указывали на существенные финансовые потери от таких противоправных деяний, которые составили от 1 млн. до 150 млн. руб. 60% респондентов не возлагают больших надежд на новое «антирейдерское» законодательство, считая его точечным и «заказным», хотя в целом приветствуют введение рассматриваемых норм (ст. 185.4 и 185.5 УК РФ). Только 65% респондентов обратились в правоохранительные органы за защитой своих прав, 33% обратились в суд для оспаривания неправомерных решений, 2% решили не предпринимать каких-либо действий по защите своих нарушенных прав. Посягательства, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, достаточно распространены, при этом они обладают значительной степенью латентности, реальное число посягательств на данную сферу общественных отношений достаточно высокое. Таким образом, законодатель, осуществив криминализацию рассматриваемых посягательств, избрал верный путь сдерживания роста числа подобных деяний, поскольку в условиях повсеместного их распространения, именно жесткое уголовно-правовое регулирование представляется необходимым, целесообразным и способным переломить отрицательную динамику преступности.

При этом проведенный нами анализ 25 приговоров по уголовным делам показал, что 97% преступных посягательств, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, квалифицируемых по ст. 185.5 УК РФ, осуществлялись не в рамках рейдерских атак, а относились к внутрикорпоративным конфликтам между собственниками (участниками) обществ с ограниченной ответственностью. Посредством совершения незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом, указанные участники пытались установить единоличный корпоративный контроль, вытеснив

иных участников, лишив их права руководить деятельностью общества и распоряжаться активами. Исследование уголовных дел о рейдерских захватах, показало, что квалификация таких деяний по ст. 185.5 составляет всего 3%, при этом квалификация по 185.4 УК РФ отсутствует вовсе.

Незначительная правоприменительная практика, в особенности ст. 185.4 УК РФ, при достаточно высокой распространенности деяний, на данном этапе не позволяет достичь поставленных законодателем целей. Это связано, прежде всего, с недостатками юридической техники при конструировании диспозиции данной уголовно-правовой нормы.

Очередной принцип криминализации заключается в том, что необходим учет возможных последствий установления уголовно-правового запрета, его ожидаемые положительные последствия должны превышать отрицательные.

Если рассматривать этот признак с точки зрения криминальных корпоративных конфликтов, то, на наш взгляд, криминализация рассматриваемых деяний, с учетом необходимых поправок юридической техники ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, которые будут рассмотрены и предложены в следующей главе, позволит вовремя пресекать противоправную деятельность виновных лиц. Вследствие чего участники хозяйствующих субъектов, обратившиеся в правоохранительные органы с заявлениями о совершении в отношении их прав преступных посягательств, предусмотренных ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, будут иметь возможность на начальном этапе пресечь противоправную деятельность и отстоять свои корпоративные права на управление корпоративной организацией и, как следствие, сохранить имущество.

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо отметить следующее: стабилизация общественных отношений в государстве приводит к постепенному урегулированию корпоративных отношений посредством более продуманной их законодательной регламентации в рамках различных отраслей права.

Криминализация деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующими субъектами, предпринятая в рамках ст.ст. 185.4 и 185.5 УК РФ,соответствует общепризнанным научным критериям

криминализации деяний, и на момент принятия данных норм являлась социально обусловленной. Однако, правоприменительная практика в настоящее время испытывает сложности из-за того, что законодатель при разработке уголовно-правовых норм исходил из социальных, экономических и политических условий именно того периода и мог лишь частично спрогнозировать последующее развитие общественных отношений. Неточность прогноза проявилась в недостатках законодательной техники, очевидных противоречиях положений диспозиций статей, что не дает возможность эффективно бороться с преступлениями, посягающими на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. Этим обусловлена необходимость их пересмотра.

С введением данных норм сложилась достаточно парадоксальная ситуация. Данные нормы принимались как «антирейдерские», т.е. нормы, призванные предупреждать рейдерские захваты. Однако ожидаемое по замыслу законодателя дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации составами, предусматривающими ответственность за отдельные способы рейдерских атак, а именно: воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ) и фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5 УК РФ), не привело к повышению эффективности уголовно-правового противодействия рейдерству. Как показывает практика, криминализация деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, не снизила уровень рейдерских захватов, очевидно, что данные нормы в отношении таких внешних посягательств несут лишь предупредительную и регулятивную функцию уголовного закона.

Посредством введения в Уголовный кодекс Российской Федерации рассматриваемых составов законодатель нашел меры уголовно-правовой защиты прав участников хозяйствующих субъектов при внутренних корпоративных конфликтах между ними, т.е. в ситуации, при которой реальны значительные негативные экономические последствия недобросовестного поведения отдельного

субъекта корпоративных отношений или их группы для хозяйственного общества, других участников корпоративного образования. Особенно актуально это в условиях повсеместного распространения в России злостных нарушений корпоративных прав.

Таким образом, сегодня можно говорить о том, что законодатель, введя уголовную ответственность за преступления, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, в рамках предупредительной функции уголовного закона с одной стороны, криминализировал один из возможных способов рейдерского захвата, с другой – защитил права участников хозяйствующих субъектов от попыток перераспределения таких прав соучредителями и руководителями при внутреннем конфликте интересов.

1.3. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом

Необходимость исследования иностранных уголовно-правовых запретов деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, вызвана рядом факторов. С одной стороны, незначительное количество рассмотренных уголовных дел указанной категории, согласно российским статистическим данным, с другой – реальная картина правонарушений, причиняющая вред всей экономической системе страны. Парадоксальная ситуация, сложившаяся с введением рассматриваемых норм, описанная в предыдущем параграфе, требует обращения к позитивному подходу, требующему расширения используемой профессиональной информации – привлечение внимания к иным национальным уголовно-правовым системам[1]. Сравнительное правоведение способствует пониманию, какие ошибки

[1]ЖалинскийА.Э.Уголовно-экономическое право: проблематика определенности закона (российские и немецкие взгляды) / Материалы III совместного российско-германского круглого стола «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт». - М.: ООО «Изд-во «Элит», 2012. - С. 66.

допускаются при осуществлении государственной политики противодействия криминальным деяниям и какие меры по ее улучшению можно предпринять.

В странах с развитой рыночной экономикой корпоративное право прошло долгий путь становления и развития. Защита прав участников хозяйственных обществ в англосаксонской системе происходит путем детальной регламентации гражданско-правового положения корпорации, уголовно-правовым запретам при этом отводится второстепенная роль. Наиболее развитым в этом плане являются законодательства Великобритании и США, корпоративное право которых является эталоном для многих других развитых стран. Так, к примеру, основным источником нормативной базы Великобритании является Кодекс Сити о поглощениях, разделяющий дружественные и недружественные поглощения.[1] Задача уголовного права в рассматриваемых странах сводится к пресечению откровенно противоправных действий – направленного ухода от налогообложения, криминальных банкротств, мошенничества. Так, в Великобритании и США предусмотрена защита от незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами и захвата активов такого субъекта уголовно-правовыми нормами о мошенничестве, где любое из деяний, таких как подделка документов, фальсификация протоколов собраний хозяйствующих субъектов, рассматриваются как способ совершения указанного деяния.[2]

Система континентального права в ряде государств наоборот идет по пути криминализации отдельных способов незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами и активами предприятия, устанавливая схожие уголовно-правовые заперты, как те, что предусмотрены ст. 185.4 и 185.5 УК РФ.

Так, например, во Франции статья L.242-6 Титула IV Торгового кодекса Французской Республики «Положения уголовного законодательства» предусматривают уголовную ответственность за недобросовестное использование

---

[1] Степанов Д.И. Поглощение, осуществляемое путем приобретения крупного пакета акций, и вытеснение миноритарных акционеров // Хозяйство и право. - 2006. - №3-6. - С. 32.

[2] Примерный уголовный кодекс США // «Юридическая Россия» - правовой портал / URL:http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498

управляющих полномочий и права голоса; подлежит наказанию воспрепятствование участию акционера в общем собрании акционеров (ст. L.242-9). По своей сути указанная норма соответствует установленным в диспозиции ст. 185.4 УК РФ условиям. Однако российский законодатель в отличие от французского пошел по пути перечисления различных способов воспрепятствования осуществлению корпоративных прав. В соответствии со ст. L.242-15 незанесение любого решения в протокол наказывается штрафом. Указанный состав частично коррелируетсяс составом ст. 185.5 УК РФ, который предусматривает не только незанесение в протокол информации, но и умышленное занесение заведомо недостоверной информации о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования и т.д. Сравнивая нормы, предусмотренные законодательством Франции с таковыми, установленными в отечественном уголовном законе, можно отметить, что российский законотворец пошел по пути перечисления всех возможных вариантов воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг и фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, что представляется не совсем эффективным с точки зрения требований современной российской уголовной политики. Быстрые темпы развития корпоративных отношений и еще более быстрые темпы адаптации к ним преступников, предполагают возникновение все новых способов воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг и фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, не описанных в составах, что позволяет преступникам уходить от ответственности.

Согласно ст. 292 главы XIII «Преступления против интересов объединений» Испанского Уголовного кодекса наказуемым признаются действия тех, кто примет или использует для себя либо для третьих лиц наносящее ущерб решение, фиктивно принятое, используя подписанный чистый бланк, незаконно присвоив

право голоса, либо иным подобным способом.[1] В сравнении с составами ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, испанская статья также не перегружена альтернативными вариантами совершения противоправного деяния.

Интересную формулировку содержит Уголовный кодекс Дании: §304. «(1) Любое лицо, которое, если имущественные права исправимы решением путем голосования, приобретает для себя или для других лиц неправомерное разрешение или полномочия на участие в такой процедуре иди предоставляет больше голосов, чем ему дано на это право, или действует таким образом, который незаконно влияет на голосование, подлежит штрафу или простому заключению под стражу»[2].

Ни французское, ни испанское, ни датское законодательство не содержат уточнения о характере причиненного такими действиями (бездействием) вреда, то есть наступление уголовной ответственности при нарушении корпоративных прав не поставлена в зависимость от материальных последствий. Предусмотренные в них составы преступлений носят формальный характер. Такая мера является достаточно жесткой. Общественную опасность представляет само посягательство на определенный государством порядок установления корпоративного контроля вне зависимости от наступившего результата.

Во многих развитых странах уголовно-правовые запреты деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, в уголовном законе не содержатся, так как нет их социально-правовой обусловленности.[3] Процедуры перехода корпоративного контроля настолько регламентированы гражданским и корпоративным законодательством и находятся

---

[1]Турнаев А.В. Уголовно-правовые аспекты противодействия рейдерским деяниям за рубежом // Вестник Нижегородской Академии МВД России.- 2013. - № 4. - С. 267.

[2]Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С.С. Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского канд. юрид. наук С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. - С. 228.

[3]Были проанализированы Уголовные законы Австралии, Бельгии, Швеции, Канады, Японии и др.

под пристальным вниманием государственных органов и общественности, что не возникает необходимости в их охране уголовно-правовыми средствами.

Интересным представляется опыт стран по предупреждению незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами, возникших на постсоветском пространстве. Необходимо отметить, что во многих странах постсоветского пространства, нынешних участниц СНГ, незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом получило повсеместное распространение. Такая ситуация обусловлена схожестью гражданско-правовой нормативной базы указанных стран, общими социально-экономическими проблемами, с которыми столкнулись государства после распада СССР. Разница заключается лишь в том, что каждой стране в большей степени свойственны свои характерные способы совершения таких посягательств – корпоративных конфликтов, соответственно, законодатель в рамках противодействия указанным негативным явлениям, криминализует те или иные способы их совершения. Аналогичность социально-экономической обстановки и недочетов в правовой регламентации корпоративных отношений обусловливает сходство способов совершения преступлений, посягающих на права участников хозяйствующих субъектов. Так, в Российской Федерации и Казахстане существует разветвленная сеть хозяйствующих субъектов с преобладанием коммерческих компаний в форме акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью (в РФ) и товариществ (в Казахстане). Отсутствие в нормативных актах эффективных норм по урегулированию корпоративных конфликтов определяет подверженность таких хозяйствующих субъектов посягательствам, направленным на незаконное установление контроля в них. В Белоруссии, где экономические отношения носят более централизованный характер и преобладает государственная собственность и унитарные предприятия, корпоративные конфликты не получили столь масштабного распространения. Основными способами незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами здесь являются криминальные банкротства.

Некоторые страны СНГ все же криминализировали в своих уголовных законах подобные деяния.[1]

Так, анализ уголовно-правовой нормы ст. 245-9 Уголовного кодекса Республики Молдова[2] позволяет констатировать аналогию ее конструкции со ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ в части описания неправомерных действий и бездействий. Статья 245-9 УК РМ «Воспрепятствование реализации прав участников (акционеров) коммерческих обществ и незаконное лишение этих прав» гласит:

«(1) Нарушение законодательства о созыве и проведении общего собрания участников (акционеров) коммерческих обществ, в результате которого был причинен ущерб в крупных размерах, совершенное путем:

a) отказа или уклонения от созыва общего собрания участников (акционеров) коммерческих обществ;

b) неуведомления в установленном законом порядке о проведении общего собрания участников (акционеров) или заседания совета или раскрытии явно ложной информации о дате, времени и месте проведения общего собрания или заседания совета;

c) незаконного отказа в регистрации лиц, имеющих право на участие в общем собрании участников (акционеров);

d) проведения общего собрания участников (акционеров) в отсутствие необходимого кворума;

e) препятствования свободному осуществлению права голоса при принятии решения на общем собрании участников (акционеров) или на заседании совета коммерческого общества либо намеренного искажения результатов голосования путем внесения в протокол, выписку из протокола общего собрания или заседания совета, а также в другие документы, которые содержат информацию о порядке и результатах голосования, явно ложной информации о количестве голосов, кворуме или результатах голосования; путем составления списка с явно ложными

---

[1]Семенов Т.В. Уголовно-правовые запреты в сфере корпоративных отношений: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2015. - № 3. - С. 88-99.

[2]С 1945 по 1991 год на правах союзной республики входила в СССР.

данными о лицах, имеющих право на участие в общем собрании участников (акционеров) или в заседаниях совета; путем ложного подсчета голосов или бюллетеней для голосования;

f) блокирования или ограничения доступа участников (акционеров) коммерческого общества или какого-либо члена совета для осуществления права голоса;

g) голосования от имени участника (акционера) коммерческого общества или от имени члена совета на основании явно ложной доверенности (мандата) или при явном отсутствии полномочий;

h) утверждения решений о внесении изменений и/или дополнений в учредительные документы (устав) коммерческого общества или об изменениях состава органов управления коммерческого общества, или о назначении новой управляющей организации, или о назначении администратора, или об увеличении уставного капитала коммерческого общества либо о реорганизации или ликвидации коммерческого общества с нарушением законодательства;

i) любые другие деяния, совершенные с целью незаконного установления контроля за коммерческим обществом, наказываются ….»[1].

Общность исторического развития стран постсоветского пространства, перехода к рыночным отношениям, криминализация корпоративных отношений, возникновение аналогичных угроз незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами позволяет говорить о социальной обусловленности установления в законодательстве схожих уголовно-правых запретов.

Уголовный кодекс Республики Казахстан содержит норму об ответственности за рейдерский захват. Статья 249. «Рейдерство» УК РК:

«1. Незаконное приобретение права собственности на долю участия в юридическом лице, а равно имущества и ценных бумаг юридического лица или установление контроля над юридическим лицом в результате умышленного искажения результатов голосования либо воспрепятствования свободной

[1] Уголовный кодекс Республики Молдова от 1 апреля 2002 г. № 985-XV // Законодательство стран СНГ / URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3835

реализации права при принятии решения высшим органом путем внесения в протоколы собрания, заседания, в выписки из них заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования либо составления заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа акционера, участника, члена органа управления или члена исполнительного органа к голосованию, несообщения сведений о проведении собрания, заседания либо сообщения недостоверных сведений о времени и месте проведения собрания, заседания, голосования от имени акционера, участника или члена органа управления по заведомо подложной доверенности, путем нарушения, ограничения или ущемления права преимущественной покупки ценных бумаг, а равно умышленное создание препятствий при реализации права преимущественной покупки ценных бумаг либо иные незаконные способы, повлекшие причинение существенного вреда правам или охраняемым законом интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, - наказываются...»[1].

Анализируя установленную в УК КР норму об ответственности за рейдерство, необходимо отметить следующее. Во-первых, законодатель Казахстана не разделяет рейдерство и корпоративный конфликт. Во-вторых, рейдерство – это многоплановое социальное явление, оно не сводится только к тем действиям, которые перечислены в ст. 249 УК РК. Само по себе «незаконное приобретение права собственности на долю участия в юридическом лице, а равно имущества и ценных бумаг юридического лица» предполагает совершение любых криминальных действий в рамках должностных преступлений, преступлений портив собственности и т.п. В-третьих, казахский законодатель выходит за рамки охраны корпоративных отношений, так как участниками охраняемых им отношений могут быть все юридические лица, а не только корпорации.

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 декабря 2016 г.) // Параграф / URL:http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=2490000

Действительно, рейдерство может быть применимо к любому хозяйствующему субъекту независимо от формы собственности. В четвертых, законодатель РК в отличие от российского грамотнее оперирует терминологическим аппаратом при конструкции статьи. Так, если в УК РФ используется понятие «незаконного захвата управления в юридическом лице», то УК КР употребляет более правильное, соответствующее терминологическому аппарату, принятому в корпоративных отношениях понятие «установления контроля над юридическим лицом». В-пятых, понятие «установления контроля над юридическим лицом» УК КР связывает с рейдерством, подчеркивая их неразрывную связь, поскольку осуществление рейдерской атаки — вывода имущества из хозяйствующего субъекта возможно только после установления контроля над ним. Тем не менее, на наш взгляд, в УК КР название статьи «рейдерство» не соответствует ее внутреннему содержанию. Рейдерство — посягательство на охраняемые законом права собственности, диспозиция же ст. 249 УК КР предполагает нарушение как корпоративных прав, так и прав собственности. По сути, законодатель указывает на охрану равноценных объектов преступления: общественные отношения в сфере собственности и экономической деятельности. Что заставило разместить данное общественно опасное деяние в главе преступления в сфере экономической деятельности, а не преступления против собственности, остается вопросом.

Уголовный кодекс Эстонской Республики (ЭР) в главе 7 «Хозяйственные преступления» содержит статью 148.11. «Неисполнение обязанности уведомления или подачи заявления», согласно которой: «Неисполнение членом правления товарищества с ограниченной ответственностью или акционерного общества обязанности по созыву собрания участников или общего собрания акционеров в случае, если из баланса явствует, что имущество составляет менее половины паевого или акционерного капитала либо менее установленного законом минимального размера паевого или акционерного капитала,…»[1]. Таким образом, в

[1]Уголовный кодекс Эстонской Республики // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=446&page=4445

Эстонской Республике криминализирован почему-то только один способ воспрепятствования законным правам участников хозяйствующего субъекта. Эстонский законодатель увидел общественную опасность незаконного установления незаконного корпоративного контроля только в единственном деянии «неисполнение обязанности по созыву собрания». Анализ диспозиции статьи 148.11 УК ЭР показывает, что эстонский законодатель ограничивает число участников корпоративных отношений акционерными обществами и товариществами с ограниченной ответственностью. Из диспозиции видно, что субъект данного преступления специальный - член правления товарищества с ограниченной ответственностью или акционерного общества, на которого возложена обязанность по созыву собрания участников или общего собрания акционеров. В любом случае такое положение дел снижает эффективность влияния уголовно-правового запрета в сфере корпоративных отношений. Российский опыт в данном случае является более предпочтительным. Думается, что эстонский законодатель переоценивает значение существующей уголовно-правовой нормы в деле противодействия посягательствам на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что уголовные кодексы большинства государств мира не содержат специальных составов, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. При этом большинство уголовных законов содержат общие нормы, позволяющие в случае необходимости привлечь лицо за совершение действий или бездействий, содержащихся в ст. 185.4 и 185.5 УК РФ. К таким общим нормам относятся: злоупотребления полномочиями в коммерческих организациях и фальсификация документов.

Так, Уголовный кодекс Грузии в главе XXIX «Преступления против интересов службы в предпринимательских или иных организациях» содержит статью 220 «Злоупотребление полномочиями», в соответствии с которой «использование руководящих, представительских или иных специальных

полномочий на предприятии или в иной организации вопреки законным интересам этой организации, в целях извлечения выгоды или преимущества, для себя или других лиц, повлекшее значительный ущерб, - наказывается ...»[1]

Уголовный кодекс Республики Польша в главе XXXVI «Преступления против хозяйственного оборота» в ст. 296. в § 1 устанавливает: «кто, будучи обязанным на основании положений закона, решения соответствующего органа или договора заниматься имущественными делами или хозяйственной деятельностью, злоупотребляя наделенными правами или возложенными на него обязанностями, причиняет значительный имущественный ущерб физическому, юридическому лицу либо организационной единице без образования юридического лица, подлежит наказанию...». В § 2 «Если виновный в преступлении, предусмотренном в § 1, действует с целью получения имущественной выгоды, подлежит наказанию...»[2]. Глава XXXIV «Преступления против достоверности документов» содержит норму (ст. 270), в соответствии с которой «§ 1. Кто с целью использования в качестве подлинного подделывает или переделывает документ или использует такой документ как подлинный, подлежит наказанию… § 2. Такому же наказанию подлежит тот, кто заполняет бланк, на котором имеется чужая подпись, проставленная без согласия подписавшегося и ему во вред, либо такой документ использует...»[3].

Двенадцатый раздел Уголовного кодекса Австрийской Республики «Преступные деяния против достоверности документов и средств доказывания» в § 223 «Подделка документов» устанавливает следующее: «(1) Кто производит поддельный документ или подделывает подлинный документ, если эти действия совершаются с намерением использовать их в правовом обороте для доказывания существования права, правоотношений или наличия определенного факта, тот

---

[1]УголовныйкодексГрузии/URL:https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf

[2]Уголовный кодекс Республики Польша // Конституции государств (стран) мира / URL: http://constitutions.ru/?p=446&page=3

[3] Там же.

наказывается….»[1].

Подобные нормы о подделке документов и злоупотреблении полномочиями в коммерческих организациях с определенными характерными каждой стане уточнениями содержатся во многих уголовных законах различных стран: ст. 293, 301,489 Уголовного кодекса Аргентины[2], ст. 214 Уголовного кодекса Республики Армения[3], ст. 225, 226 Уголовного кодекса Голландии[4] и т.д.

Российский Уголовный кодекс напротив не содержит общей нормы о подделке документов, в главе 32 «Преступления против порядка управления» в ст. 327 закреплена ответственность за подделку официального документа, т.е. такого документа, который издан официальным (публичным) субъектом, которые могут быть представлены такому субъекту или внутренние документы официального субъекта, т.е. находящиеся в его документообороте. Очевидно, что, выписка из протокола общего собрания акционеров, протокол заседания совета директоров, список лиц, участвовавших в голосовании не относятся к официальным документам. Таким образом, в отсутствие ст. 185.5 УК РФ подделка протокола общего собрания не была запрещена в рамках УК РФ. Деяния, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, могут быть совершены собственниками общества, иными лицами, не имеющими непосредственного отношения к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, потому такая категория лиц до введения в Кодекс ст. 185.4 и 185.5 не могла быть привлечена к ответственности.

Крайне интересным представляется опыт США, законодательство которых изобилует нормами, регулирующими корпоративные отношения. В США переход

---

[1] Уголовный кодекс Австрийской Республики // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=446&page=2

[2]Уголовный кодекс Аргентины / Науч. редактирование и вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Ю. В. Голика; перевод с испанского Л.Д. Ройзенгурта. - СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. - С. 135.

[3]Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=446&page=6584

[4]Уголовный кодекс Голландии/ Науч. ред. докт. юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ, проф. Б.В.Волженкин, пер. с англ. И.В.Мироновой. - 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: «Юридический центр Пресс», 2001. - С. 392.

корпоративного контроля настолько детализирован и законодательно урегулирован, что возможности незаметно осуществить какие-либо криминальные деяния с целью неправомерного установления контроля над хозяйствующим субъектом сведены к минимуму. Так, Федеральной торговой комиссии предоставлено право «вето» на приобретение какой-либо частной корпорацией акций или активов другого хозяйствующего субъекта в случаях, когда это может неблагоприятно сказаться на процессах конкуренции. Документы касательно предполагаемых слияний или поглощений компании в настоящее время инициаторы должны направлять в Федеральную торговую комиссию и Министерство юстиции США. В соответствии с законом Харта-Скотта-Родино (1976 г.) указанные инстанции рассматривают полученную заявку в тридцатидневный срок. Судебный механизм предполагает систему прямых и производных исков, созданную для управления корпорациями в обеспечение права справедливости. Значительную помощь в регулировании сферы корпоративных отношений оказывают саморегулируемые организации. Заметное место в сфере обеспечения и защиты прав акционеров на информацию в США принадлежит негосударственной организации Национальная ассоциация дилеров ценных бумаг. Сфера корпоративных отношений в США регулируется комплексно, приоритет при этом отдается созданию условий для недопущения корпоративных конфликтов, а не для разрешения уже совершившихся конфликтов.[1] В связи с чем в рамках уголовного законодательства США специальные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, не предусмотрены, поскольку отсутствует социально-правовая необходимость в них. В уголовном законодательстве США, как и многих развитых странах, установлены лишь общие нормы. Так, статья 224.1. предусматривает ответственность за подлог документа: «1. Определение. Лицо виновно в подлоге документа, если с целью обмануть кого-либо или причинить

[1] Данельян А.А. Корпорация и корпоративные конфликты. - М., 2007. - С. 44-45.

кому-либо вред или зная, что оно облегчает совершение кем-либо обмана или причинение кем-либо вреда, это лицо:

a) вносит изменения в выполненный другим лицом документ без его на то разрешения;

b) изготавливает какой-либо документ, завершает его составление, оформляет его или свидетельствует его подлинность так, что документ выглядит как выполненный другим лицом, которое не давало разрешения на подобные действия, или как оформленный не в то время, не в том месте или не под тем порядковым номером, как это было на самом деле, или как копия оригинала в тех случаях, когда оригинала не было;

c) пускает в обращение какой-либо документ, который заведомо для него подделан способом, указанным в параграфах «a» или «b».

«Документ» включает печатный или любой другой способ записи информации…»[1].

Таким образом, основываясь на проведенном анализе зарубежного опыта регламентации уголовно-правовых запретов деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, можно сделать следующие выводы. Проблема неправомерного установления корпоративного контроля в мире решается в целом в трех различных направлениях. Первый из которых характерен странам англосаксонского права, в частности США и Великобритании. Их опыт регулирования корпоративных отношений путем обеспечения всеобъемлющего как правового, так государственного и общественного контроля корпоративных отношений обусловил трансформацию корпоративных конфликтов в часть экономической жизни общества, протекающей в границах правового поля с соблюдением интересов всех участвующих в ней сторон. В связи с чем корпоративные отношения рассматриваемой группы стран в нынешних социально-правовых условиях не нуждаются в предупредительной функции уголовного закона, а, следовательно, и

[1] Примерный уголовный кодекс США // Конституции государств (стран) мира / URL: http://constitutions.ru/?p=5849

криминализации возможных способов противоправного установления контроля в хозяйственном обществе. Второе направление связано с установлением такими государствами как Армения, Аргентина, Голландия, Польша, Литва, Латвия, Грузия и др. общих уголовно-правовых запретов, позволяющих в случае необходимости применять их к преступникам, совершившим противоправный захват хозяйственного общества, в том числе путем совершения деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. Третье направление предполагает криминализацию в уголовном законе различных способов противоправного установления контроля над управлением и активами хозяйствующих субъектов. В рамках такого направления и было осуществлено введение в УК РФ составов ст. 185.4 и 185.5. Однако, учитывая изменчивость способов противоправного установления контроля над управлением и активами хозяйствующих субъектов, было бы крайне полезно постепенно с учетом российских реалий перенимать и адаптировать опыт стран первых двух направлений. Прежде всего, избавиться от излишней регламентированности, касающейся описания конкретных способов осуществления общественно опасного деяния. А затем перенять опыт англосаксонской системы, искореняя подобные деяния не посредством их запрета в уголовном законе, а посредством более детальной регламентации перехода корпоративного контроля в гражданско-правовой сфере.

В странах, где существуют уголовно-правовые нормы аналогичные ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ, составы таких преступлений формальные. Это безусловно облегчает работу правоприменителей.

Обращает на себя внимание тот факт, что так же как и в России, преступления, направленные на незаконное установление корпоративного контроля, являются экономическими. Их родовым объектом являются охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере экономической деятельности.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕЗАКОННОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ (ст. 185.4, 185.5 УК РФ)

2.1. Объективные признаки составов преступлений, посягающих на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом

Говоря об объекте преступления, предусмотренного статьями 185.4 и 185.5 УК РФ, следует определиться с общими положениями уголовного права, касающихся данной категории. В настоящее время по этому вопросу не достигнуто единого мнения. Мы придерживаемся традиционной точки зрения, что объект преступления характеризует охраняемые уголовным законом общественные отношения. Традиционно существует классификация объектов преступления «по-вертикали» (общий – родовой – видовой – непосредственный), с позиции которой сформирована Особенная часть УК РФ.[1] Видовой объект присущ только научной классификации.[2]

Так как обе статьи расположены в восьмом разделе УК РФ «Преступления в сфере экономики», соответственно интегрированным объектом каждого из составов данных преступлений являются общественные отношения в сфере экономики, охраняемые 8 разделом УК РФ.

Современная экономика определяется как совокупность объективно сложившихся общественных отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления, материальных благ в рамках капиталистического способа производства. Основой любой экономики является собственность и

---

[1]Исаев О.Ю., Ларичев В.Д. Родовой и видовой объекты преступлений, совершаемых на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия // Библиотека криминалиста. - № 6 (11). - 2013. - С.136.

[2]Улезько С.И. Проблемы уголовно-правовой охраны налоговой системы Российской Федерации: Монография/РГЭА. - Ростов-н/д, 1998. – С. 51-72.

экономическая деятельность общества. Поэтому логично, что законодатель в 8 разделе УК РФ предусмотрел охрану собственности (глава 21 УК РФ) и экономической деятельности (глава 22 УК РФ).

В связи с тем, что ст. ст. 185.4, 185.5 УК РФ помещены законодателем в главу 22 УК РФ, родовым объектом вышеназванных составов преступлений являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, охраняемые 22 главой УК РФ.[1] Экономическая деятельность представляет собой деятельность по поводу создания и распределения общественного продукта, связанного с жизнеобеспечением общества и государства в рамках исторически-определенного способа производства.[2]

Помещение законодателем ст. ст.185.4 и 185.5 УК РФ в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» стало возможным, потому что общественно опасные деяния, предусмотренные вышеуказанными нормами, осуществляются путем нарушения, как правило, норм законодательства, регулирующего вопросы функционирования юридических лиц, то есть самых различных правил осуществления экономической деятельности.[3] Поэтому родовой объект преступлений, помещенных в главу 22 УК РФ, определяется в науке уголовного права как комплекс общественных отношений, обеспечивающих соблюдение уставленного законом порядка осуществления экономической деятельности.[4] Данное определение можно взять за основу, уточнив лишь понятие самой экономической деятельности. С учетом этого родовой объект преступлений, предусмотренных ст. ст.185.4 и 185.5 УК РФ представляет собой комплекс

---

[1]Кошаева Т.О. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: пути развития российского уголовного законодательства // Журнал российского права. - 2014. - № 6. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2]Улезько С.И. Проблемы уголовно-правовой охраны налоговой системы Российской Федерации: Монография. - Ростов-н/д.: РГЭА, 1998. - С. 111.

[3] Соколов И.А. Состояние и развитие уголовно-правового механизма противодействия незаконному захвату юридических лиц (рейдерству): Автореф. дис. ... канд.юрид. наук. - М., 2014. - С. 7-28.

[4]Улезько С.И., Серегина Е.В., Подройкина И.А. и др. Уголовное право: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. 3-е изд. /Под редакцией Улезько С.И., Серегиной Е.В. - М.: Юрайт, 2016. - С.277.

общественных отношений, обеспечивающих соблюдение уставленного законом порядка, касающегося производства, обмена и распределения общественного продукта в рамках капиталистического способа производства.

То, что эти преступления относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности, подтверждается и п.7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», который четко определяет, что совершенные преступления, предусмотренные статьями 171 - 174, 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4 УК РФ, относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности.[1] Выпадение из этого перечня ст.185.5 УК РФ является досадным упущением, которому нет логического объяснения.

По поводу непосредственного объекта преступления, касающегося воспрепятствованию осуществлению или незаконного ограничения права владельцев ценных бумаг в науке и практике нет единого понимания. Одни объектом такого преступления считают общественные отношения, складывающиеся на рынке ценных бумаг.[2]

Эта позиция представляется нам слишком общей. Так как такой же объект наблюдается, например, в составах преступлений, предусмотренных ст.185 УК РФ (злоупотребление при эмиссии ценных бумаг), статьей 185.1 УК РФ (злостное уклонение от раскрытии или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах), ст.185.2 УК РФ (нарушение порядка учета прав ценные бумаги), ст.185.3 УК РФ (манипулирование рынком), ст. 185.6 УК РФ (неправомерное использованиеинсайдерской информации), ст.186 УК РФ (изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг). Все

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19 декабря 2013 № 41 // Российская газета. - № 294, - 27.12.2013. (в посл. ред. Постановления Правительства РФ от 24мая 2016г. № 2).

[2] SciCenter.online / URL: https://scicenter.online

вышеперечисленные составы преступлений охраняют общественные отношения, складывающиеся на рынке ценных бумаг. А по общему правилу основной непосредственный объект присущ только конкретному составу преступления, описанному в статье УК РФ. Во-вторых, вышеизложенная позиция не отражает специфику установленного нами родового объекта, где объектом охраны являлся установленный законом порядок осуществления экономической деятельности. Поэтому логично было бы говорить не о рынке ценных бумаг, а об установленном законом порядке, регулирующем рынок ценных бумаг. Тогда бы родовой и основной непосредственный объект лежали бы в одной плоскости, что требует методология построения объекта по-вертикали.

Анализ диспозиций ст.185.4 УК РФ позволяет утверждать , что данная норма охраняет не порядок, регулирующий рынок ценных бумаг, а установленный порядок, касающийся осуществления прав владельцев ценных бумаг. Именно на это обращают внимание ученые, которые непосредственным объектом вышеуказанных преступлений считают установленный порядок осуществления прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов.[1]

Эта позиция более верная, но ее недостаток проявляется в том, что она сужает объект уголовно-правовой охраны, так как говорит лишь о правах владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, формально игнорируя права иных владельцев ценных бумаг. Объем прав владельцев ценных бумаг и эмиссионных ценных бумаг не совпадает. Противоречие данной позиции в том, что в самой диспозиции статьи четко указывается на других участников охраняемого общественного отношения: владельцы любых ценных бумаг.

Третьи под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 185.4 УК РФ, понимают установленный порядок относительно:

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). -2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. Т.1. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

- созыва общего собрания владельцев ценных бумаг;

- регистрации для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании;

- проведения общего собрания владельцев ценных бумаг;

- права владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов.[1]

По сути, сторонники этой точки зрения учли и творчески переработали все вышеуказанные мнения, касающиеся объекта преступления. Эта позиция является беспроигрышной, т.к. по существу дословно повторяет диспозицию ст.185.4 УК РФ, делает акцент на установленный порядок, касающийся осуществления прав участников охраняемых общественных отношений, и перечисляет всех участников этих отношений.

Не оспаривая эту позицию, нам хотелось бы несколько детализировать ее, подвергнув анализу саму сущность тех общественных отношений, которые защищаются данной уголовно-правовой нормой. Сегодня с учетом изменений, произошедших в экономике, гражданском законодательстве можно утверждать, что данной нормой защищаются корпоративные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими.[2] Общественные отношения по созыву, регистрации и участию в общем собрании владельцев ценных бумаг являются частью установленного порядка корпоративных отношений, связанных с установленным законом порядком управления в корпорации, а, если быть более точными, то с порядком установления контроля над корпорацией. В соответствии со статьей 65.3. ГК РФ «Управление в

---

[1]Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ) //Российский следователь.- 2013. - № 22. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2]Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 31.12.2012. - № 53 (часть I). - Ст. 7627. (в посл. ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 21-ФЗ)

корпорации» высшим органом в корпорации является общее собрание ее участников.[1]

В диспозиции статьи 185.4 УК РФ указан предмет преступного посягательства[2]–установленные законом права владельцев ценных бумаг.

Несмотря на то, что в диспозиции статьи обращается внимание на то, что уголовный закон охраняет лишь те права, которые установлены законодательством Российской Федерации, в некоторых случаях практические, да и научные работники, игнорируют это прямое указание закона. Они считают, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, с учетом того, что диспозиция ст.185.4 УК РФ является бланкетной, права владельцев, упомянутые в любом нормативном акте и не противоречащие закону, охраняются ст.185.4 УК РФ.

Помимо ГК РФ, Кодекса торгового мореплавания РФ[3], Закона «О рынке ценных бумаг»[4], «Об акционерных обществах»[5]и «Об инвестиционных фондах»[6],

---

[1]Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.- 12.05.2014. - № 19.- Ст. 2304.(в посл. ред. Федерального закона от 3июля2016г. № 236-ФЗ).

[2]Улезько С.И. Теоретические основы исследования уголовно-правовой охраны налоговой системы России: Дис. ... докт. юрид. наук. - Москва, 1998. - С.129-134.

[3] Кодекс торгового мореплавания (КТМ РФ) от 30 апреля1999 г. № 81-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.05.1999. - № 18. - Ст. 2207. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 177-ФЗ).

[4]Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ //Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. -Ст. 1918.(в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

[5] Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ //Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1.(в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

[6] Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12. 2001. - № 49 - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

«О приватизации государственного и муниципального имущества»[1], «О переводном и простом векселе»[2] эти права прописаны, например, в постановлении Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2004 г. № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции»)[3], постановлении Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 600 «Об утверждении Типовых правил доверительного управления биржевым паевым инвестиционным фондом»[4], уставах общества и других нормативных актах.

В ходе проведенного нами опроса 200 акционеров, менеджеров компании, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей юридических вузов, установлено что, более 75 % опрошенных считают, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов речь идет о правах, упомянутых в любом нормативном акте и не противоречащих закону. Среди сотрудников правоохранительных органов так считают 70 % опрошенных, среди менеджмента компании такой позиции придерживается 87%, а среди акционеров – 98% (2 % затруднялось ответить на этот вопрос), 50 % преподавателей юридических вузов. Сложившаяся ситуация свидетельствует о негативной тенденции в понимании сущности данной уголовно-правовой нормы, которая

---

[1] Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципальногоимущества» от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации.- 28.12.2002. - № 4. - Ст. 251.(в посл. ред. Федерального закона от 1 июля 2017 г. № 155-ФЗ).

[2] Федеральный закон «О переводном и простом векселе» от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации.- 17.03.1997. - № 11. - Ст. 1238.

[3]Постановление Правительства РФ «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции»)» от 3 декабря 2004 г. № 738 //Российская газета. - № 489, - 15.12.2004. (в посл. ред. Постановления Правительства РФ от 19 июля 2017 г. № 851-ФЗ).

[4]Постановление Правительства РФ «Об утверждении Типовых правил доверительного управления биржевым паевым инвестиционным фондом»от 15 июля 2013 г. №600 //Собрание законодательства РФ. - 29.07.2013. - №30 (часть II). - Ст. 4111.

может изменить правоприменительную практику в сторону, явно противоречащую закону.

Из грамматического толкования диспозиции статьи 185.4 УК РФ видно, что законодатель в данной норме, характеризуя предмет преступного посягательства, выделяет права владельцев ценных бумаг, связанные с участием в общем собрании владельцев, права владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, которые могут быть как связанными с участием в общем собрании владельцев (корпоративные отношения, связанные с управлением), так и иными (корпоративные отношения, связанные с участием). Таким образом, предметом преступного посягательства , предусмотренного ст.185.4 УК РФ, в первом приближении являются права владельцев ценных бумаг. Под последними в гражданском праве понимаются акции, векселя, закладные, инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда, коносаменты, облигации, чеки и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке.[1] Ценные бумаги подразделяются на эмиссионные и неэмиссионные.

Неэмиссионные ценные бумаги предусмотрены законодательством РФ, выпускаются (выдаются) по мере необходимости и удостоверяют индивидуальный объем прав (векселя[2], инвестиционные паи[3],чеки[4], коносаменты[5], складские свидетельства[1]). Владельцы этих бумаг, кроме

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 5.12.1994. - № 32. - Ст. 3301. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ).

[2]Федеральный закон «О переводном и простом векселе» от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации. - 17.03.1997. - № 11. - Ст. 1238.

[3]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49 - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

[4]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 29.12.1996. - № 32. - Ст. 3301 (в посл. ред. Федерального закона от 29июля2017 г. № 259-ФЗ).

[5]Кодекс торгового мореплавания (КТМ РФ) от 30 апреля1999г. № 81-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.05.1999. - № 18. - Ст. 2207 (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 177-ФЗ).

инвестиционных паев[2], априори не могут обладать правами, связанными с управлением в хозяйствующем субъекте.

Инвестиционный пай является именной бездокументарной ценной бумагой. Согласно ст.10Закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах», под паевым инвестиционным фондом понимается обособленный имущественный комплекс, не являющийся юридическим лицом, состоящий из имущества, которое передано в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией.[3] Владельцы инвестиционного пая могут в соответствие со ст. 18 Закона от 29 ноября 2001 г. N 156-ФЗ«Об инвестиционных фондах» при наличии определенных условий самостоятельно созвать общее собрание владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда. Возможность созыва общего собрания определяет владелец инвестиционного пая закрытого паевого инвестиционного фонда как участников корпоративного отношения, связанных с управлением.

Понятие, особенности и признаки эмиссионных ценных бумаг, их выпуск и обращение закреплены в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Закон выделяет четыре вида эмиссионных ценных бумаг: акция, облигация, опцион эмитента, российская депозитарная расписка.

Право на участие в общем собрании владельца акции оговорено в ст.51 Закона от 26 декабря 1995г. №208«Об акционерных обществах».

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 29.12.1996. - № 32. - Ст. 3301 (в посл. ред. Федерального закона от 29июля2017 г. № 259– ФЗ).

[2]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12. 2001. - № 49 - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

[3]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12. 2001. - № 49 - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

В соответствии с главой 6.1. Федерального закона «О рынке ценных бумаг»облигационер может участвовать в общем собрании владельцев облигаций отдельно по каждому выпуску облигаций и принимать решения по вопросам, указанным в статье 29.7 вышеназванного закона. В этой части он становится участником отношений, связанных с управлением.

Опцион эмитента – закрепляет право владельца купить в оговоренный срок и/или при наступлении определенных обстоятельств установленное сторонами количество акций эмитента такого опциона по определенной в нем цене. Владелец опциона эмитента не имеет никаких полномочий связанных с участием в общем собрании или управлении организацией.

Российская депозитарная расписка (ДР) - именная эмиссионная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, удостоверяющая право собственности на определенное количество представляемых ценных бумаг (акций или облигаций иностранного эмитента либо ценных бумаг иного иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении акций или облигаций иностранного эмитента) и закрепляющая право ее владельца требовать от эмитента российских депозитарных расписок получения взамен российской депозитарной расписки соответствующего количества представляемых ценных бумаг и оказания услуг, связанных с осуществлением владельцем российской депозитарной расписки прав, закрепленных представляемыми ценными бумагами. В случае, если эмитент представляемых ценных бумаг принимает на себя обязательства перед владельцами российских депозитарных расписок, указанная ценная бумага удостоверяет также право ее владельца требовать надлежащего выполнения этих обязанностей.[1] Приобретая депозитарную расписку, ее владелец, по сути, становится собственником лежащих в ее основе эмиссионных ценных

[1]Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ //Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. -Ст. 1918.(в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

бумаг (в основном акций.)[1] Депозитарные расписки – производные бумаги, базовым активом по которым являются акции (облигации) российского эмитента.[2] Поэтому права владельцев ДР производны от прав владельцев акций и облигаций. То есть, в итоге владельцы ДР являются либо акционерами, либо облигационерами. Особенностью правового положения владельцев депозитарных расписок является то, что они ограничены в объеме и не могут лично участвовать в общем собрании акционеров или облигационеров. Такая возможность предоставляется только депозитарию, до которого доведена воля владельцев депозитарных расписок.

Как видно из вышесказанного, из всех владельцев ценных бумаг только владельцы закрытого паевого инвестиционного фонда, облигаций, акций имеют право на участие в общем собрании. Именно эти субъекты являются участниками корпоративных отношений, связанных с управлением. Следует иметь в виду, что владельцы облигаций, акций обладают такими правами не только сами по себе , но и в рамках закрытого паевого инвестиционного фонда(ЗПИФа), т.к. существуют ЗПИФы облигаций, смешанных инвестиций и акций.[3]

Особый статус владельцев ЗПИФов, сложившиеся в ходе экономической деятельности, подвигнул законодателя обеспечить уголовно-правовую охрану этого статуса наряду с акционерами и облигационерами, не являющихся участниками ЗПИФов

Помимо этих прав ст. 185.4 УК РФ в части иного воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения установленных законодательством

---

[1]Свирин Ю.А., Скотецкий А.Н. Проблема защиты прав владельцев депозитарных расписок в свете реформы гражданского законодательства // Предпринимательство и право. Информационно-аналитический портал / URL:http://lexandbusiness.ru/

[2] Ушаков О.,Сизова М. Новеллы законодательства в отношении депозитарных расписок 2013.// «Рынок Ценных Бумаг» / URL:http://www.rcb.ru/dep/2013-01/208688/

[3]ЗПИФы облигаций. Долговые инструменты должны составлять не менее 50% активов фонда, а вот доля акций не должна превышать 20%. ЗПИФ акций. Непосредственно в акции должно быть инвестировано не менее 50% активов ПИФа Помимо акций в портфеле также могут быть и облигации, но не более 40%. ЗПИФ смешанных инвестиций. Соотношение акций и облигаций может быть любым, но суммарно ценные бумаги должны занимать не менее 70% портфеля фонда.

Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов защищает и другие права таких владельцев. Как правило, такие права связаны с участием в корпорации. Инвестиционный пай, являясь ценной бумагой (но не эмиссионной), предоставляет своему владельцу следующие права, которые тоже являются предметом охраны ст.185.4 УК РФ:право на долю общего имущества фонда в виде определенном количестве ценных бумаг, денег или иного имущества. Эта доля не может быть выделена или представлена в натуре; право требования от управляющей компании надлежащего доверительного управления паевым инвестиционным фондом; право получать денежную компенсацию в случае, если договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом со всеми владельцами инвестиционных паев этого паевого инвестиционного фонда прекращен; право требования от управляющей компании владельца открытого и закрытого паевого инвестиционного фонда погасить инвестиционный пай и выплатить денежную компенсацию.

Согласно Закона «О рынке ценных бумаг» акция закрепляет право владельца получать в виде дивидендов часть прибыли акционерного общества (АО), в случае ликвидации АО на часть, остающегося его имущества. Кроме этих прав, отмеченных в Законе «О рынке ценных бумаг», Закон «Об акционерных обществах» конкретизирует права акционеров с учетом категории акций и типа акционерного общества[1];устанавливает право на получение информации о деятельности акционерного общества; фиксирует права акционеров, связывая их с наступлением оговоренных обстоятельств: а) в случае аккумулирования акционером определенного пакета акций; б) в случае выпуска или приобретения обществом размещенных акций; в) в случае принятии решений на общем собрании о реорганизации общества, о совершении крупной сделки, о внесении

[1] Права акционеров, обусловленные категорией акции, включают в себя соответственно права акционеров - владельцев обыкновенных акций и права акционеров, владеющих привилегированными акциями. Права акционеров, обусловленные типом акционерного общества, дифференцируются на права акционеров открытых акционерных обществ и права акционеров закрытых акционерных обществ.

изменений и дополнений в устав акционерного общества. Что касается прав владельца опциона эмитента, то он, как было сказано ранее, обладает правом купить в оговоренный срок и/или при наступлении определенных обстоятельств установленное сторонами количество акций эмитента опциона по определенной в нем цене. Воспрепятствовать или ограничивать это право закон в контексте ст.185.4 УК РФ запрещает. На первый взгляд, абсолютно не понятно, почему законодатель в этой части ст. 185.4 УК РФ выделил охрану прав только владельца опциона эмитента, исключив при этом владельцев векселя, чека, коносамента, складского свидетельства. Ведь речь и в том и другом случае идет о защите в основном имущественных прав. Такое противоречие можно объяснить тем, что правовая культура отечественного законотворца еще не в полной мере восприняла сущностные категории, касающиеся оборота ценных бумаг. Законотворец усмотрел логическую связь охраны прав тех участников корпоративных отношений, которые участвуют в управлении ведь владелец опциона эмитента, по сути, владелец акций.

Права владельцев российских депозитарных расписок приравниваются, хотя и с ограничениями, к правам владельцев облигаций и акций. Таким образом, владельцы самих российских депозитарных расписок, как было отмечено ранее, являются участниками охраняемых ст.185.4 УК РФ общественных отношений.

Следовательно, в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов речь идет о правах, связанных с участием в общем собрании владельцев, фактически только для владельцев облигаций, акций, инвестиционных паев закрытых инвестиционных фондов. Что же касается остальных прав всех владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, то они в полном объеме охраняются ст.185.4 УК РФ, если предусмотрены действующим отечественным законодательством.

Следует подчеркнуть, что выделив в этой части корпоративных отношений «части, касающейся участия в корпорации» не всех владельцев ценных бумаг, а лишь владельцев эмиссионных ценных бумаг и владельцев паевых инвестиционных фондов, законодатель по существу не изменил круг участников охраняемого уголовным законом общественного отношения. Это те же участники, которые являлись субъектами корпоративных отношений, связанных с управлением.

Подытоживая сказанное, возвращаясь к подробно проанализированной нами второй позиции, касающейся определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 185.4 УК РФ, можно с уверенностью сказать, что данной нормой охраняются общественные отношения, связанные с установленным законом порядком реализации прав субъектов корпоративных объединений, касающихся участия и управления в них. Частью таких управленческих отношений, на которые сделал акцент сам законодатель, является установленный им порядок корпоративного контроля за деятельностью акционерного общества, закрытых паевых инвестиционных фондов и владельцев облигаций.

Непосредственный объект преступления, предусмотренный ст.185.5 УК РФ, в науке уголовного права тоже четко не определен. По этому поводу существуют разные мнения. Одни ученые считают таким объектом установленный порядок деятельности, реорганизации и ликвидации хозяйственных обществ.[1]Это слишком широкое определение. Во-первых, абсолютное большинство статей УК РФ, расположенных в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» регулируют отношения, связанные с установленным порядком деятельности, реорганизации и ликвидации хозяйственных обществ. Во-вторых, данная норма при ее дословном понимании не регулирует порядок деятельности,

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). - 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. Т.1. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. /Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

реорганизации и ликвидации общества. Речь идет о принятии при голосовании решения, касающегося деятельности, реорганизации и ликвидации, или об искажении такого решения принятого при голосовании.

Вторые непосредственным объектом преступлений считают права и законные интересы акционеров, права участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью.[1]Эта спорная точка зрения также нуждается в уточнении. В связи с изменениями в гражданском законодательстве речи о правах и интересах участников общества с дополнительной ответственностью быть не может, т.к. таких обществ сейчас России просто нет. В ст.185.5 УК РФ законодатель четко ограничил сферу охраняемых отношений голосованием и принятием решений на общем собрании. В первом случае уголовный закон определяет эту сферу через « умышленное искажение результатов голосования», во втором – через «воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения». Поэтому не понятно, почему сторонники этой точки зрения говорят о защите всех прав и законных интересов акционеров, участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью.

Третьи непосредственным объектом данного состава преступления справедливо считают отношения по установленному законодательством порядку управления хозяйственным обществом.[2]

Нарушение этого порядка является результатом искажения результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения на общем собрании акционеров, общем собрании участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью или на заседании совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества.

---

[1]Карпович О.Г Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями в отношении владельцев ценных бумаг. Правила квалификации //Российский следователь. - 2011. - № 9. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

[2]Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 7 е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.И. Рарог. - М.: Проспект, 2011. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

В ст.185.5 УК РФ законодатель дал четкую классификацию хозяйственных обществ, которая на момент принятия данной нормы полностью совпадала с гражданско-правовой классификацией хозяйственных обществ и определяла участников охраняемых общественных отношений:

- общество с ограниченной ответственностью (ООО). Обществом с ограниченной ответственностью признается созданное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале общества;

- общество с дополнительной ответственностью (ОДО). Общество с дополнительной ответственностью – общество, учрежденное одним или несколькими лицами, уставный капитал которого разделен на доли определенных учредительными документами размеров. Отличие общества с дополнительной ответственностью от общества с ограниченной ответственностью состоит в размерах ответственности участников. Ответственность участников общества с дополнительной ответственностью по его обязательствам не ограничивается размером их первоначального вклада в уставный капитал. Участники этого общества солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам своим имуществом в одинаковом для всех размере, кратном стоимости их вкладов, определяемом учредительными документами общества. При банкротстве одного из участников его ответственность по обязательствам общества распределяется между остальными участниками пропорционально их вкладам, если иной порядок распределения ответственности не предусмотрен учредительными документами общества;[1]

[1]Такая форма хозяйственного общества не существует с 01.09.2014 г. согласно Федеральному закону «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 12.05.2014. - № 19. - Ст. 2304. (в посл. ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ).

- акционерное общество (АО). В соответствии со ст. 96 ГК РФ «Акционерным обществом признается хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на определенное число акций; участники акционерного общества (акционеры) не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им акций».[1]

В связи с изменениями в ГК РФ о том, что с 1.09.2014 года обществ с дополнительной ответственностью не существует, необходимо исключить такие общества из диспозиции ст. 185.5 УК РФ. В соответствии с п.4. ст. 66 ГК РФ хозяйственные общества имеют лишь две легальные организационно-правовые формы: акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью. Если бы ранее законодатель не перечислял виды хозяйственных обществ в диспозиции ст.185.5 УК РФ, а ограничился лишь общим указанием, как это было сделано в названии статьи, то это внесло бы определенную стабильность в уголовно-правовую охрану корпоративных отношений. С учетом этого опыта в новой редакции ст.185.5 УК РФ следовало бы говорить о хозяйственных обществах, не перечисляя их конкретные формы. Это позволит избежать постоянного редактирования уголовного законодательства в связи с появлением или упразднением тех или иных легальных видов хозяйственных обществ.

Согласно п.1 ст.66 ГК РФ хозяйственными обществами признаются корпоративные коммерческие организации. Указание на участников корпоративных отношений позволяет нам говорить о том, что ст.185.5 УК РФ охраняет корпоративные отношения. Но не в полном объеме, а в той лишь части, которая касается управления. Если быть еще точнее, то совершая преступления, предусмотренные ст. 185.5 УК РФ, преступник посягает на легальный порядок установления корпоративного контроля.

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 5.12.1994. - № 32. - Ст. 3301. (в посл. ред. Федерального закона от 29июля2017 г. № 259-ФЗ).

Следовательно, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, можно считать общественные отношения, касающиеся установленного легального порядка корпоративного контроля.

Анализ ст. ст. 185.4 185.5 УК РФ показал, что в обеих статьях помимо прочих охраняются общественные отношения по обеспечению порядка корпоративного контроля в соответствии с требованиями российского законодательства прав. Именно эти отношения очень четко проявляются при подробном анализе непосредственных объектов данных составов преступлений. Именно они выступают объединяющим критерием этих двух преступлений.

С учетом всего изложенного можно утверждать, что видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4 185.5 УК РФ являются комплекс общественных отношений, характеризующий легально уставленный порядок контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов. С точки зрения четкости формулировок нужно говорить именно о хозяйствующих субъектах. Эта категория охватывает участников корпоративных отношений в широком смысле в соответствии с международной практикой, которая в систему корпоративного управления интегрирует других лиц, осуществляющих деятельность, включенную в корпоративные процедуры, или являющихся инвесторами корпорации.[1]

Национальная модель корпоративного права не считает инвестиционный фонд корпорацией.[2]Данное определение не вызовет споров у правоприменителя, потому что оно легально закреплено в ст.4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции»: «хозяйствующий субъект - коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо,

[1]Чеховская С.А Субъекты корпоративного управления: правовые аспекты// Предпринимательское право. - 2016. - № 2. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

[2] Хотя в гражданско-правовой науке по этому поводу существую разные мнения. Возможно, с развитием корпоративных отношений в России круг участников корпоративных отношений будет легально расширен.

не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации».[1]

Общественные отношения как объект преступления классифицируются некоторыми учеными на защищаемые и защищающие отношения, которые возникают с момента вступления в силу закона, закрепляющего наказание за совершение конкретного преступления[2]. В науке уголовного права нет единства мнений по поводу того, к какому из двух видов отношений отнести объекты преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ. Защищаемые отношения –это личные неимущественные и имущественные отношения, существующие между физическими и юридическими лицами, по поводу возможности беспрепятственно пользоваться определенными благами.

Защищающие отношения –это управленческие и комплексные отношения между физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и государством в лице его органов с другой стороны, урегулированные нормами публичных отраслей права, предназначенные для нормального функционирования защищаемых отношений или их неприкосновенности.

Значение выделенных видов отношений определяется тем, что от неприкосновенности и нормального функционирования защищающих отношений зависит состояние личных неимущественных и имущественных отношений. Поэтому практически все составы, предусматривающие наказание за посягательства на защищающие отношения, сформулированы по типу формальных, когда, по сути, преступление нарушает запрет, установленный государством, в то время как при посягательстве на защищаемые (личные

---

[1] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.- 31.07.2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3434 (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017г. № 279–ФЗ).

[2] Филимонов В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. - 2003. - № 2. - С. 83.

неимущественные и имущественные) отношения учитывается причинение фактического вреда (за исключением ряда норм, например ст. ст. 162, 163, 185.5 УК РФ, когда момент окончания преступления перенесен на момент совершения действий, указанных в диспозиции нормы)[1]. Утверждение В.Н.Винокурова, по поводу того, что составы преступлений, предусмотренных ст.ст.185.4,185.5 УК РФ, посягают на защищаемые отношения, является спорным. Отметив, но, не проанализировав суть явления, автор увидел, как ему кажется, существующее противоречие и с целью избежать острых углов, вывел его в качестве исключения. Именно этим объясняется позиция автора, согласно которой он относит охраняемые ст.185.5 УК РФ общественные отношения к защищаемым. Хотя конструкция уголовно-правовой нормы, избранная законодателем, позволяет отнести данные отношения к защищающим. Более того, сама сущность этих отношений, которая нами была проанализирована при исследовании непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, говорит о том, что эти отношения связаны с установленным порядком управления в корпоративной организации. А защищающие отношения –это управленческие. Следовательно, и по сути охраняемые ст. 185.5 УК РФ общественные отношения являются защищающими. Что касается ст.185.4 УК РФ, то безапелляционное отнесение охраняемых ее отношений к защищаемым не столь однозначно. На наш взгляд, существует ряд охраняемых законом общественных отношений, которые в ряде случаев могут относиться как к защищаемым, так и к защищающим общественным отношениям. Именно такие дуалистичные отношения охраняет состав преступления, предусмотренный ст. 185.4 УК РФ. Все решает воля законодателя. Объект преступления, предусмотренный ст. 185.4 УК РФ, в одни случаях выступает как защищаемые общественные отношения, в других –как защищающие. То есть, законодатель в случае незаконного отказа в созыве или уклонении от созыва общего собрания

[1] Винокуров В.Н.Классификация отношений как объектов преступлений и применение уголовного закона //Российский юридический журнал. - 2014. - № 1. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

владельцев ценных бумаг, незаконного отказа регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании, проведении общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума предусматривает ответственность за причинение фактического вреда управленческим, т.е. защищающим отношениям. Как отмечалось ранее при анализе непосредственного объекта ст.185.4 УК РФ, частью таких отношений, на которые сделал акцент сам законодатель, является установленный порядок управления деятельностью акционерного общества, закрытых паевых инвестиционных фондов и владельцев облигаций. Иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов предусматривает ответственность и за причинение фактического вреда личным имущественным и неимущественным отношениям. В этой части охраняемые отношения будут являться защищаемыми. Двойственная природа охраняемых ст.185.4 УК РФ общественных отношений отмечается не только нами. Так, Н.И. Пикуров предлагает следующую классификацию экономических преступлений:

1) преступления, посягающие преимущественно на публичные интересы государства или общества в сфере экономики, где среди прочих упоминается ст. 185.4 УК РФ;

2) преступления, посягающие преимущественно на интересы физических и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность;

3) преступления, в результате совершения которых в зависимости от конкретных обстоятельств страдают и публичные, и частные интересы. В том числе, это касается воспрепятствования осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных.[1] Таким образом, ученый относит ст. 185.4 УК РФ к преступлениям, посягающим на публичный интерес, и к преступлениям,

[1]Пикуров Н.И. Четвертая пятилетка УК РФ: востребованность норм об ответственности за экономические преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2013. - № 10. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

которые в ряде случаев могут относиться к третьей категории.[1] Примечательно, что по существу доминирует защита публичных интересов т.к. они предусмотрены в первом и третьем случае предложенной классификации. Публичные интересы регулируются публичными отраслями права. Ни для кого не секрет, что такой отраслью помимо уголовного права является административное. Именно здесь в статье 15.20 КоАП РФ предусмотрена ответственность за воспрепятствование осуществлению прав, удостоверенных ценными бумагами за исключением случаев, предусмотренных ст. 15.23.1 КоАП РФ. В этой статье говорится о нарушении требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов. Значительная часть нарушений этих требований перенесена в ст. 185.4 УК РФ. Такая позиция говорит о том, что и легальная доминанта в ст. 185.4 УК РФ определена как посягательство на публичный интерес. Охраняются требования законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью, т.е. речь идет о нарушении установленного государством запрета. А это составляет сущность защищающих отношений. Опосредовано еще одним аргументом в пользу того, что общественные отношения, охраняемые ст. 185.4 УК РФ, относятся к защищающим отношениям, является их публичный характер. Потерпевшим от данного преступления может быть государство, юридическое или физическое лицо, являющееся владельцем эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов.[2]

---

[1]Именно поэтому отнесение законодателем и рядом вышеназванных ученых объекта ст. 185.4 УК РФ кзащищающимвполне обоснованно. Необходимо установить лишь легальную доминанту.

[2]Валласк Е.В. Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства // Юрист. - 2012. - № 6./ Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Так как анализируемый нами состав преступления принят в рамках «антирейдерского пакета», то логично, что законодатель уже на момент принятия ст.185.4 УК РФ определился с легальной доминантой, отнеся охраняемые данной статьей УК РФ общественные отношения к категории защищающих. Однако изъяны в законодательной технике, отсутствие опыта при формулировке требований по защите порядка регулирования корпоративных отношений, недостаточная зрелость самих этих отношений привели к дуалистической природе охраняемых ст.185.4 УК РФ отношений. Сегодня с учетом современных тенденций необходимо однозначно оценить общественные отношения, охраняемые ст. 185.4, 185.5. УК РФ, как защищающие, т.е. управленческие и комплексные отношения между физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и государством, урегулированные нормами публичных отраслей права, предназначенные для нормального функционирования защищаемых отношений или их неприкосновенности. Результатом такой оценки должна стать новая уголовно-правовая норма, объединившая в себе элементы обоих составов преступлений, предусмотренных ст. 185.4, 185.5. УК РФ. Формулировка новой статьи исключит уголовно-правовую охрану корпоративных отношений, связанных с участием в корпоративном объединении. Это позволит минимизировать вмешательство уголовного права в корпоративные отношения, связанные с участием в корпоративном объединении. Если законодатель примет наше предложение, то непосредственным объектом нового состава преступления выступят только защищающие общественные отношения, касающиеся установленного законом порядка, связанного с осуществлением контроля в хозяйствующем субъекте.

Объективная сторона любого состава преступления представлена в форме деяния, которое в свою очередь проявляется в форме действия или бездействия. Анализ норм уголовного права показал, что действующий УК РФ содержит более 70 составов, способных реализоваться на практике в форме как действия, так и

бездействия.[1] Бездействие представляет собой неисполнение (например, в форме уклонения) уполномоченным органом либо лицом определенных нормативными актами обязанностей, по обеспечению исполнения установленных законодательством Российской Федерации прав. Уголовная ответственность за бездействие наступает в случае наличия у лица специальной юридической обязанности и правовой возможности действовать надлежащим образом. [2] Под преступным действием следует понимать телодвижения человека, использование им технических средств, производственных процессов, свойств предметов.

В нашем случае диспозиции ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ сконструированы так, что у большинства ученых не вызывает никакого сомнения, что объективная сторона анализируемых нами преступлений представляет собой как действие, так и бездействие. Причем в диспозициях обеих статей перечислены даже конкретные способы осуществления таких деяний. Тем не менее, объективная сторона обоих преступлений носит смешанный характер. Об этом свидетельствует употребление законодателем такого термина как воспрепятствование установленных законодательством Российской Федерации прав. Уголовное законодательство использует эту категорию не впервые. Например, ст. 141 УК РФ говорит о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав и работе избирательных комиссий, где последнее считается возможным как в форме действия, так и в форме бездействия, т.е. носит смешанный характер.

В самом общем виде объективная сторона преступления, предусмотренного ст.185.4 УК, сформулирована как воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав. Воспрепятствование и ограничение не являются синонимами, но взаимно дополняют друг друга по смысловому содержанию. При воспрепятствовании создаются помехи для осуществления прав субъектом,

---

[1]Рудавин А.А. Преступное бездействие: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов / URL: http://www.dissercat.com/content/prestupnoe-bezdeistvie#ixzz4fLBzHUF0

[2]Рудавин А.А. Там же. / URL: http://www.dissercat.com/content/prestupnoe-bezdeistvie#ixzz4fLBzHUF0

«воспрепятствовать»– значит помешать чему-то, не дать чего сделать, не допускать, сделать в чем-то помеху, воспротивиться, возбранить.[1] «Ограничить»– значит поставить в какие-нибудь рамки, границы, определить какими-нибудь условиями, а также сделать меньше, сократить охват кого, чего-нибудь.[2] В нашем случае, воспрепятствовать значит не дать осуществиться праву. При ограничении право может быть осуществлено, но уменьшено в какой-то своей важной части, влияющей на конечный результат. С этой точки зрения описание объективной стороны преступления, выбранное законодателем безупречно, т.к. в полном объеме описывает возможное преступное деяние.

В диспозиции ст. 185.4 УК РФ законодатель дает перечень деяний, которые составляют сущность воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг:

- незаконный отказ в созыве общего собрания владельцев ценных бумаг;

- незаконное уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг;

- незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании;

- проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума;

- иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов. По сути, законодатель определяет здесь формы (способы) воспрепятствования осуществлению и незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг. Причем указание на иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение предполагает, что перечень этих способов законодатель не ограничил.

---

[1]Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1955. – Т.IV. – 688 с.

[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. - С. 436.

Все выше перечисленные деяния, кроме иного воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов направлены на нарушение порядка подготовки, созыва и проведение общего собрания владельцев ценных бумаг.

Незаконный отказ в созыве общего собрания владельцев ценных бумаг образуют первую форму воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг. Такой отказ проявляется в нарушении положений ст. ст. 49 и 55 Федерального закона «Об акционерных обществах». Для общего собрания владельцев инвестиционных паев, прежде всего, –в нарушении положений ст. 18 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», для владельцев облигаций– в нарушении требований ст.29.9 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

Статья 49 Федерального закона «Об акционерных обществах» определяет порядок созыва годового общего собрания акционеров. В обязанности общества входит ежегодное проведение годового общего собрание акционеров, которое проводится в устанавливаемые уставом данного общества сроки, но не ранее чем через два месяца и не позднее чем через шесть месяцев после окончания финансового года. В соответствии со ст.55 Федерального закона «Об акционерных обществах» проведение внеочередного собрания возможно по требованию акционеров (акционера), являющихся владельцами не менее чем 10% голосующих акций общества на дату предъявления требования. В случае, если требование о созыве внеочередного общего собрания акционеров исходит от акционеров (акционера), оно должно содержать имена (наименования) акционеров (акционера), требующих созыва такого собрания, и указание количества, категории (типа) принадлежащих им акций. В течение пяти дней с даты предъявления требования акционеров (акционера), являющихся владельцами не менее чем 10 процентов голосующих акций общества, о созыве внеочередного общего собрания акционеров советом директоров (наблюдательным советом)

общества должно быть принято решение о созыве внеочередного общего собрания акционеров либо об отказе в его созыве. Решение об отказе в созыве внеочередного общего собрания акционеров по требованию ревизионной комиссии (ревизора) общества, аудитора общества или акционеров (акционера), являющихся владельцами не менее чем 10 процентов голосующих акций общества, может быть принято в случае, если: не соблюден установленный настоящим Федеральным законом порядок предъявления требования о созыве внеочередного общего собрания акционеров..[1]

Согласно ст. 18 Закона «Об инвестиционных фондах» общее собрание владельцев инвестиционных паев предусмотрено только для закрытого паевого инвестиционного фонда: «Общее собрание владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда (далее –общее собрание) созывается по письменному требованию владельцев инвестиционных паев, составляющих не менее 10 процентов общего количества инвестиционных паев на дату подачи требования о созыве общего собрания. Отказ допускается в случае, если требование владельцев инвестиционных паев о созыве общего собрания не соответствует настоящему Федеральному закону или ни один вопрос, предлагаемый для включения в повестку дня, не относится к компетенции общего собрания.

Письменное требование владельцев инвестиционных паев о созыве общего собрания должно содержать повестку дня общего собрания. Письменное требование о созыве общего собрания должно быть направлено управляющей компании и специализированному депозитарию закрытого паевого инвестиционного фонда. Сообщение о созыве общего собрания должно быть раскрыто в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона, а в случае, если инвестиционные паи закрытого паевого инвестиционного фонда ограничены в обороте, сообщение предоставляется всем владельцам

[1]Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ//Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

инвестиционных паев в порядке и форме, которые предусмотрены правилами доверительного управления таким паевым инвестиционным фондом. О созыве общего собрания должны быть уведомлены специализированный депозитарий этого фонда, а также Банк России.»[1]

В соответствии со ст. 29.9. Федерального закона «О рынке ценных бумаг» общее собрание владельцев облигаций проводится по требованию лиц (лица), являющихся (являющегося) владельцами (владельцем) не менее чем 10 процентов находящихся в обращении облигаций соответствующего выпуска. В случае заявления требования о проведении общего собрания владельцев облигаций решение о его проведении или решение об отказе в его проведении должно быть принято эмитентом облигаций не позднее трех рабочих дней со дня предъявления ему соответствующего требования.[2]

Второй формой воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг является незаконное уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг. Это деяние проявляется в нарушении сроков созыва общего собрания владельцев ценных бумаг. Согласно статьи 47 Федерального закона «Об акционерных обществах» годовое общее собрание акционеров проводится в сроки, устанавливаемые уставом общества, но не ранее чем через два месяца и не позднее чем через шесть месяцев после окончания отчетного года. В ст. 55 вышеназванного Закона указывается, что внеочередное общее собрание акционеров, созываемое по требованию акционеров (акционера) должно быть проведено в течение 40 дней с момента представления требования о проведении внеочередного общего собрания акционеров. Если предлагаемая повестка дня внеочередного общего собрания акционеров содержит вопрос об избрании членов совета директоров (наблюдательного совета)

---

[1]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах»от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49. - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

[2]Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ //Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. -Ст. 1918. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

общества, такое общее собрание акционеров должно быть проведено в течение 75 дней с даты представления требования о проведении внеочередного общего собрания акционеров, если более короткий срок не предусмотрен уставом общества. В случаях, когда в соответствии со статьями 68 - 70 настоящего Федерального закона совет директоров (наблюдательный совет) общества обязан принять решение о проведении внеочередного общего собрания акционеров, такое общее собрание акционеров должно быть проведено в течение 40 дней с момента принятия решения о его проведении советом директоров (наблюдательным советом) общества, если меньший срок не предусмотрен уставом общества.

В случаях, когда в соответствии с настоящим Федеральным законом совет директоров (наблюдательный совет) общества обязан принять решение о проведении внеочередного общего собрания акционеров для избрания членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, такое общее собрание акционеров должно быть проведено в течение 70 дней с момента принятия решения о его проведении советом директоров (наблюдательным советом) общества, если более ранний срок не предусмотрен уставом общества.

В соответствии с п.2 ст.29.9 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»общее собрание владельцев облигаций должно быть проведено не позднее 20 рабочих дней со дня предъявления соответствующего требования. Согласно п.п.2,3 ст.18 Закона «Об инвестиционных фондах» созыв общего собрания по требованию владельцев инвестиционных паев осуществляется в срок, который определен правилами доверительного управления паевым инвестиционным фондом и не может превышать 40 дней с даты получения такого требования[1].

Третьей формой воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг является незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц,

[1]Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ//Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. -Ст. 1918. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

имеющих право на участие в общем собрании. В общем собрании могут принимать участие лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании, лица, к которым права указанных лиц на ценные бумаги перешли в порядке наследования или реорганизации, либо их представители, действующие на основании доверенности или закона. Пункт 4 ст. 29.2 Закона «О рынке ценных бумаг» запрещает представительство владельцев облигаций для:

1) эмитента облигаций, контролирующие его лица и подконтрольные ему организации;

2) лица, предоставившего обеспечение по облигациям эмитента, контролирующие его лица и подконтрольные ему организации;

3) лица, оказывающего услуги по организации размещения и (или) по размещению облигаций эмитента, контролирующие его лица и подконтрольные ему организации, за исключением случаев, если такой представитель избран общим собранием владельцев облигаций или определен эмитентом с согласия общего собрания владельцев облигаций;

4) юридического лица, в котором лица, указанные в подпунктах 1 - 3 настоящего пункта, прямо или косвенно самостоятельно или совместно с подконтрольными им организациями имеют право распоряжаться более 50 процентами голосов в высшем органе управления этого юридического лица;

5) юридического лица, у которого имеется иной конфликт интересов, препятствующий надлежащему исполнению обязанностей представителя владельцев облигаций.[1]

При регистрации осуществляется сравнение данных, содержащихся в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании, с данными документов, представляемых (предъявляемых) лицами, прибывшими для участия в общем собрании.[2]

---

[1]Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ //Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. -Ст. 1918. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

[2] Приказ ФСФР России «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев

Согласно ст. 52 Федерального закона «Об акционерных обществах» список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, составляется на основании данных реестра акционеров общества. Список таких лиц содержит имя (наименование) каждого такого лица, данные, необходимые для его идентификации, данные о количестве и категории (типе) акций, правом голоса по которым оно обладает, почтовый адрес в Российской Федерации, по которому должны направляться сообщение о проведении общего собрания акционеров, бюллетени для голосования в случае, если голосование предполагает направление бюллетеней для голосования, и отчет об итогах голосования.[1]

Список лиц, имеющих право на участие в общем собрании владельцев инвестиционных паев, составляется лицом, созывающим общее собрание, на основании данных реестра владельцев инвестиционных паев фонда на дату принятия решения о созыве общего собрания. Для составления указанного списка номинальный держатель представляет данные о лицах, в интересах которых он владеет инвестиционными паями, на дату составления списка.

Регистрации для участия в общем собрании, проводимом в форме собрания, подлежат лица, включенные в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании (их представители), за исключением лиц (их представителей), бюллетени которых получены не позднее даты проведения общего собрания. Регистрация лиц, прибывших для участия в общем собрании, но не зарегистрировавшихся до его открытия, оканчивается не ранее завершения обсуждения последнего вопроса повестки дня общего собрания.[2]

инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда»от 07 февраля 2008 №08-5/пз-н //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 21.04.2008. - № 16. (в посл. ред. Приказа ФСФР России от 30.07.2013 № 13-61/пз-н)

[1]Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ //Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

[2]Приказ ФСФР России «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда» от 07 февраля 2008 №08-5/пз-н //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной

Проведение общего собрания владельцев ценных бумаг без необходимого кворума представляет собой четвертую форму воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов

В соответствии со ст.58ФЗ «Об акционерных обществах» « общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества.

Принявшими участие в общем собрании акционеров считаются акционеры, зарегистрировавшиеся для участия в нем, в том числе, на указанном в сообщении о проведении общего собрания акционеров сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также акционеры, бюллетени которых получены или электронная форма бюллетеней которых заполнена на указанном в таком сообщении сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее двух дней до даты проведения общего собрания акционеров.

Принявшими участие в общем собрании акционеров, проводимом в форме заочного голосования, считаются акционеры, бюллетени которых получены или электронная форма бюллетеней которых заполнена на указанном в сообщении о проведении общего собрания акционеров сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» до даты окончания приема бюллетеней.

Принявшими участие в общем собрании акционеров считаются также акционеры, которые в соответствии с правилами законодательства Российской Федерации о ценных бумагах дали лицам, осуществляющим учет их прав на акции, указания (инструкции) о голосовании, если сообщения об их волеизъявлении получены не позднее двух дней до даты проведения общего

власти. - 21.04.2008. - № 16 (в посл. ред. Приказа ФСФР России от 30.07.2013 № 13-61/пз-н).

собрания акционеров или до даты окончания приема бюллетеней при проведении общего собрания акционеров в форме заочного голосования.

Если повестка дня общего собрания акционеров включает вопросы, голосование по которым осуществляется разным составом голосующих, определение кворума для принятия решения по этим вопросам осуществляется отдельно. При этом отсутствие кворума для принятия решения по вопросам, голосование по которым осуществляется одним составом голосующих, не препятствует принятию решения по вопросам, голосование по которым осуществляется другим составом голосующих, для принятия которого кворум имеется.

При отсутствии кворума для проведения годового общего собрания акционеров должно быть проведено повторное общее собрание акционеров с той же повесткой дня. При отсутствии кворума для проведения внеочередного общего собрания акционеров может быть проведено повторное общее собрание акционеров с той же повесткой дня.

Повторное общее собрание акционеров правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие акционеры, обладающие в совокупности не менее чем 30 процентами голосов размещенных голосующих акций общества. Уставом общества с числом акционеров более 500 тысяч может быть предусмотрен меньший кворум для проведения повторного общего собрания акционеров.

Сообщение о проведении повторного общего собрания акционеров осуществляется в соответствии с требованиями статьи 52 настоящего Федерального закона. При этом положения абзаца второго пункта 1 статьи 52настоящего Федерального закона не применяются. Вручение, направление и опубликование бюллетеней для голосования при проведении повторного общего собрания акционеров осуществляются в соответствии с требованиями статьи 60 настоящего Федерального закона.

При проведении повторного общего собрания акционеров менее чем через 40 дней после несостоявшегося общего собрания акционеров лица, имеющие право на участие в таком общем собрании акционеров, определяются (фиксируются) на

дату, на которую определялись (фиксировались) лица, имевшие право на участие в несостоявшемся общем собрании акционеров.

При отсутствии кворума для проведения на основании решения суда годового общего собрания акционеров не позднее чем через 60 дней должно быть проведено повторное общее собрание акционеров с той же повесткой дня. При этом дополнительное обращение в суд не требуется. Повторное общее собрание акционеров созывается и проводится лицом или органом общества, указанными в решении суда, и, если указанные лицо или орган общества не созвали годовое общее собрание акционеров в определенный решением суда срок, повторное собрание акционеров созывается и проводится другими лицами или органом общества, обратившимися с иском в суд при условии, что эти лица или орган общества указаны в решении суда.

В случае отсутствия кворума для проведения на основании решения суда внеочередного общего собрания акционеров повторное общее собрание акционеров не проводится».[1]

В соответствии со ст. 7ФЗ «Об инвестиционных фондах «общее собрание акционеров акционерного инвестиционного фонда проводится в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

Повторное общее собрание акционеров акционерного инвестиционного фонда, проведенное взамен несостоявшегося из-за отсутствия кворума, за исключением общего собрания акционеров, повестка дня которого включала вопросы о реорганизации и ликвидации акционерного инвестиционного фонда, о назначении ликвидационной комиссии, о внесении изменений и дополнений в инвестиционную декларацию, правомочно независимо от количества акционеров, принявших в нем участие.

---

[1]Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ //Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

Повторное общее собрание акционеров акционерного инвестиционного фонда с числом акционеров более 10 тысяч, созванное взамен несостоявшегося из-за отсутствия кворума, при принятии решений по любым вопросам, относящимся к компетенции общего собрания акционеров акционерного инвестиционного фонда, правомочно независимо от количества акционеров, принявших в нем участие».[1]

Согласно ст.18 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» решение общего собрания принимается большинством голосов от общего количества голосов владельцев в соответствии с количеством принадлежащих им инвестиционных паев на дату принятия решения о созыве общего собрания, если большее количество голосов не предусмотрено правилами доверительного управления паевым инвестиционным фондом. При этом количество голосов, предоставляемых владельцу инвестиционных паев при голосовании, определяется количеством принадлежащих ему инвестиционных паев.[2]

Иное воспрепятствование или незаконное ограничение осуществлению установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов является общей категорией по отношению к четырем предыдущим формам объективной стороны рассматриваемого преступления". Иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, по сути, предполагает и воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения на общем собрании акционеров, или на заседании совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества.

---

[1]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49. - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

[2]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49. - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

Данный состав преступления сформулирован как материальный, поэтому законодатель описал преступные последствия, которые должны наступить в результате совершенного общественно опасного деяния: крупный ущерб гражданам, организациям или государству; доход в крупном размере, полученный преступником. Только лишь при наличии причинно-следственной связи между деянием и преступным результатом возможна уголовная ответственность по ст.185.4 УК РФ.

Согласно примечания к ст. 185 УК РФ крупным ущербом, доходом в крупном размере в 185.4 УК РФ понимается ущерб, доход в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей.

Как правило, после рейдерского захвата происходит «отмывка» имущества, которое в конечном итоге поступает в собственность добросовестного приобретателя, у которого истребовать его практически невозможно.

Особенностью некоторых действий, предусмотренных диспозицией ст. 185.4 УК РФ (незаконный отказ в созыве общего собрания владельцев ценных бумаг или уклонение от его созыва; незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании; проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума) является то, что сами по себе они не могут непосредственно причинить предусмотренный данной статьей имущественный ущерб или повлечь за собой извлечение какого-либо дохода. Следствием указанных действий может быть лишь принятие на общем собрании участников общества выгодного решения (например, прекращения полномочий совета директоров общества, одобрения крупной сделки и т.д.). И лишь опосредованно (например, в ходе деятельности вновь избранного органа управления хозяйственного общества) они могут причинить имущественный ущерб обществу в виде отчуждения его имущества, а впоследствии и акционеру в виде уменьшения размера его дивидендов. Однако доказать на практике причинно-следственную связь между указанными действиями и перечисленными

последствиями достаточно сложно.[1]Поэтому совершенно справедливо мнение тех ученых-юристов, которые для защиты прав добросовестного приобретателя и эффективной уголовно-правовой защиты прав прежнего собственника предпочитают в уголовном законодательстве статьи, которые предусматривают ответственность за действия, посредством которых создаются правовые предпосылки для вывода имущества из-под контроля компании. При этом, составы таких преступлений должны быть формальными, то есть общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба выводятся за рамки основного состава.[2]

Интересен опыт самого законодателя в решении таких коллизий. Так в 2010 году произошли изменения в сфере ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества. Криминообразующий в составе ч. 1 ст. 174 УК РФ признак крупного размера, был исключен и перенесен в ч.2 ст.174 УК РФ, став, таким образом, квалифицирующим признаком. С учетом этого опыта предлагаем исключить из ч.1 ст. 185.4 УК РФ такие криминообразующие признаки, как крупный ущерб и доход в крупном размере. Однако такое предложение приведет к тому, что сотрется грань между составом правонарушения, предусмотренного ст.185.4 УК РФ и ст. 15.23.1.Кодекса РФ об административных правонарушениях (КОАП РФ), предусматривающую ответственность за нарушение требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов. В данном случае нам поможет

---

[1]Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ) / URL: http://отрасли-права.рф/article/8052.

[2]Святкина Н.И. Способы защиты права собственности при незаконных захватах недвижимости (рейдерстве): проблемы правоприменения // Право и экономика. - 2009. - № 10. - С. 60-63.; Смирнов Г.К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства России в сфере противодействия рейдерству // Российская юстиция. - 2009. - № 12. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

имеющийся в российском уголовном праве опыт административнойпреюдиции.[1] Более подробно эта идея будет рассмотрена при анализе субъекта, анализируемых нами преступлений.

Состав преступления, предусмотренный ст.185.5 УК РФ сформулирован как формальный, т.е. ответственность наступает за само совершение общественных противоправных деяний и не требует наступления преступного результата для признания преступления оконченным.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, представлена такими деяниями как:

- искажение результатов голосования всегда представлено в форме действия. Законодатель в ст.185.5 УК РФ четко определил, что под искажением результатов голосования следует понимать внесение в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о результатах голосования. Таким образом, ограничиваются права участника, которое он высказал в ходе голосования. В результате искажения результатов голосования сокращается объем реальных волеизъявлений одних участников и искусственно увеличивается волеизъявление других. Надо заметить , что сокращение или увеличение объема волеизъявления всегда будет происходить в рамках определенного кворума участников. Иными словами сокращение, а значит и ограничение реального волеизъявления сторонников одного решения будет иметь место всегда. Искажено при внесении в документы заведомо недостоверных сведений будет конкретное волеизъявление участника, которое в свою очередь приводит к ограничению совокупных прав

[1] Конструкция административной преюдиции включает как факт привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения в течение определённого срока в качестве условия привлечения к уголовной ответственности за совершённое аналогичное деяние, так и неоднократность совершённых административных правонарушений в течение определённого срока. Детальный научный анализ проблемы содержится в статье Колосовой В.И. Административнаяпреюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2011. - № 5 (1). - С. 246-254.

сторонников конкретного волеизъявления. Искажение результатов голосования иллюстрирует ситуацию, когда право осуществлено, но уменьшено в какой-то своей важной части, влияющей на конечный результат. Вполне уместно в данном случае, используя терминологию ст.185.4 УК РФ, говорить об ограничении прав при принятии решения на общем собрании участников хозяйственных обществ;

- воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения. Как было сказано ранее воспрепятствование может быть представлено как в форме действия, так и бездействия. Особенностью воспрепятствования осуществлению прав владельцев ценных бумаг, предусмотренных ст. 185.4 УК РФ, и воспрепятствовании свободной реализации права при принятии решения, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, является то, что законодатель в ст. 185.5 УК РФ по существу говорит об однопорядковых категориях. Статья 185.4 УК РФ указывает на «воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав». В ст.185.5 УК РФ говорится о «воспрепятствовании свободной реализации права при принятии решения». Свободная реализация права и осуществление такого права это одно и тоже. С точки зрения принципов законодательной техники в анализируемых нами статьях желательно употреблять одну и ту же терминологию. Другое дело, что воспрепятствование в ст.185.5 УК РФ является по существу частным случаем воспрепятствования права, изложенного в ст. 185.4 УК РФ, так как касается лишь реализации права при принятии решений на общем собрании или заседании совета директоров.

Обращает на себя внимание тот факт, что сама ст.185.5 УК РФ обозначена законодателем как «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества».

Таким образом, законодатель считает, что искажение результатов голосования и воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения представляют собой элементы фальсификации. Что касается искажения результатов голосования, то это так, т.к. фальсификация (от лат. falcificare -

подделывать) означает подделку, сознательное искажение, подмену (подлинного, настоящего) ложным. В уголовном праве эта категория устоялась в составах преступлений, предусмотренных ст. 142 УК РФ (фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов), ст 142.1 УК РФ (фальсификация итогов голосования), ст.195 УК РФ (фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность, если эти действия совершены руководителем или собственником организации-должника либо индивидуальным предпринимателем при банкротстве или в его предвидении), ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств). Фальсификация предполагает подмену, подчистку, дописку в документ, искажённое отражение в документе действительных данных.

Воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения» не умещается в понятие фальсификации. Это более объемная категория по сравнению с фальсификацией. Последняя резюмирует наличие какого-то решения (документа), которое фальсифицируется. А воспрепятствование возможно еще на стадии подготовки такого решения (документа). Поэтому, более корректно с точки зрения законодательной техники и понимания устоявшихся категорий уголовного права в названии ст.185.5 УК РФ говорить о воспрепятствовании и ограничении свободной реализации права при принятии решения.

Все вышесказанное позволяет говорить о принципиальной похожести объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.185.4 и ст.185.5 УК РФ. Содержание объективной стороны обеих статей охватывается категорией «воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев (участников)». Трудно объяснить почему законодатель, конкретизируя объективную стороны анализируемых нами составов преступлений «развел» конкретные формы «воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев (участников)» по разным уголовно-правовым нормам. Формальное объяснение этого феномена возможно лежит в том, что законодатель, формулируя ст. 185.5 УК РФ в 2010 году, пытался

исправить концептуальные недостатки ст.185.4 УК РФ, принятой в 2009 году. Об этом свидетельствует и судебно-следственная практика, которая практически отказалась от применениястат.185.4 УК РФ. Примечательно, что в административном законодательстве все способы такого воспрепятствования и ограничения перечислены в одной статье, а именно в ст. 15.23.1 КоАП РФ.

На практике содержание объективной стороны преступлений, предусмотренных как ст.185.4 УК РФ, так и ст.185.5 УК РФ представлены следующими способами: незаконный отказ или уклонение от внесения в повестку дня общего собрания вопросов и (или) предложений о выдвижении кандидатов в совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный исполнительный орган, ревизионную комиссию (ревизоры) и счетную комиссию; - нарушение порядка или срока направления (вручения, опубликования) сообщения о проведении общего собрания, а равно непредоставление или нарушение срока предоставления информации (материалов), подлежащей (подлежащих) предоставлению в соответствии с федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами, при подготовке к проведению общего собрания;- нарушение требований федеральных законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов к составлению списков лиц, имеющих право на участие в общем собрании; - ненаправление (невручение, неопубликование) или нарушение срока направления (вручения, опубликования) бюллетеня для голосования лицу, указанному в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании; - нарушение требований федеральных законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов к форме, сроку или месту проведения общего собрания с нарушением формы, даты, времени или места его проведения, определенных органом акционерного общества или лицами, созывающими общее собрание при отсутствии кворума, необходимого для его проведения, или рассмотрение отдельных вопросов повестки дня при отсутствии необходимого кворума, а равно изменение повестки дня общего собрания после направления (вручения, опубликования) сообщения о проведении общего собрания; - уклонение члена

счетной комиссии (лица, осуществляющего ее функции) или лица, созывающего общее собрание, от подписания протокола об итогах голосования на общем собрании; - нарушение председателем или секретарем общего собрания требований к содержанию, форме или сроку составления протокола общего собрания, а равно уклонение указанных лиц от подписания указанного протокола; - нарушение требований федеральных законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов по оглашению или доведению до сведения акционеров (владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда) решений, принятых общим собранием, либо результатов голосования;- внесение в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования.;- составление заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа к голосованию;- несообщение сведений о проведении общего собрания) либо сообщения недостоверных сведений о времени и месте проведения собрания; - голосования от имени акционера (участника) хозяйственного общества по заведомо подложной доверенности, лица, заведомо не имеющего полномочий. Характерно, что некоторые вышеперечисленные способы в одних случаях могут составлять содержание объективной стороны преступления, предусмотренного ст.185.4 УК РФ, в других–ст.185.5 УК РФ.

С учетом предложенных нами уточнений объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, в целом можно определить как воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, связанных с порядком установления контроля в хозяйствующем субъекте.

Законодатель в ст.ст.185.4, 185.5 УК РФ, детализируя объективную сторону данных составов преступлений, помимо обязательных ее признаков фиксирует и

факультативные признаки в диспозициях вышеуказанных статей, что, с одной стороны, утяжеляет их а, с другой стороны, свидетельствует о внимательном, детально проработанном отношении законодателя к этой проблеме. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст.185.4 УК РФ, таким факультативным признаком, который стал обязательным, является обстановка совершения данного преступления, которая характеризуется отсутствием необходимого кворума при проведении общего собрания.

В диспозиции ст.185.5 УК РФ указывается на такие факультативные признаки объективной стороны, как способ и место совершения преступления. Умышленное искажение результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права совершается только на общем собрании акционеров, общем собрании участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью или на заседании совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» (ст. 185.5 УК РФ). Именно здесь могут совершаться данные общественно опасные деяния: искажение результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права.

Понимание таких категорий как «общее собрание», «заседание совета директоров» не вызывают никаких дискуссий ни в науке ни в правоприменительной практике. Эти категории четко прописаны в нормативны актах и юридической литературе.

Способы (пути) совершения, предусмотренного ч. 1 ст.185.5 УК РФ, законодателем перечислены очень подробно и чётко ограничены:

- внесение в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования.

Следует обратить внимание на то, что протокол, а равно иные отражающие ход и результаты голосования документы не являются официальными документами. Поэтому их фальсификация влечет ответственность не по ст. 327 УК РФ, а по ст. 185.5 УК РФ. Так расследованием уголовного дела № 706508,

возбужденного СУ СК РФ по г. Москве 5 августа 2010 г. установлено, что 12 июля 2010 г. в Межрайонную ИФНС России № 1 по Мурманской области неустановленным лицом были представлены заявление по форме № Р14001, содержащее заведомо ложные сведения о назначении на должность гендиректора ЗАО «Беломорская нефтебаза» С., а также соответствующее подложное решение единственного акционера ЗАО от 5 июля 2010 г.

Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров с последующим представлением регистрирующему органу документа, в котором отражено такое решение, для внесения соответствующих недостоверных данных в ЕГРЮЛ образует реальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.5 и 170.1 УК РФ[1];

- составление заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании;

- заведомо недостоверный подсчет голосов;

- заведомо недостоверный учет бюллетеней для голосования;

- блокирование фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию;

- ограничение фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию;

- несообщение сведений о проведении общего собрания акционеров (участников) или заседания совета директоров (наблюдательного совета) либо о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета);

- сообщение недостоверных сведений о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета);

---

[1]Федоров А.Ю. Практика уголовно-правовой квалификации рейдерских поглощений // Право и экономика. - 2011. - № 10(11). / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

- голосование от имени акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) по заведомо подложной доверенности, лицом, заведомо не имеющего полномочий;

- принятие незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества;

- принятие незаконного решения об одобрении крупной сделки;

- принятие незаконного решения об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность;

- принятие незаконного решения об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества);

- принятие незаконного решения об избрании членов совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества;

- принятие незаконного решения о досрочном прекращении полномочий членов совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества;

- принятие незаконного решения об избрании управляющей организации либо управляющего;

- принятие незаконного решения об увеличении уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций;

- принятие незаконного решения о реорганизации;

- принятие незаконного решения о ликвидации хозяйственного общества.

Такое перечисление способов совершения преступления, во-первых, затрудняет правоприменителю понимание самой сущности статьи, не отвечает требованиям законодательной техники. Вряд ли оптимальным можно назвать формулировку при существующем положении ст.185.5 УК РФ, которая на указанные в статье способы, обозначенные в диспозиции термином «путем» и конкретно описанные, накладывает новые способы совершения данного преступления, охватывающиеся термином «посредством» также четко определенные в диспозиции статьи.

Во-вторых, четко иллюстрирует, что многие из перечисленных способов практически зеркально повторяют методы, указанные в ст. 15.23.1.Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающиеся нарушений требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов. Объективная сторона административного проступка и преступления на сегодняшний день абсолютно идентична. Правда, законодатель разделил эти деяния по субъективной стороне, указав в ст.185.5 УК РФ на цель преступления. Но данная цель не отрицается и при совершении административного проступка. В нашем случае было бы уместно оптимизировать конструкцию диспозиции ст.185.5 УК РФ и вернуться к предложению о применении в данной статье административной преюдиции.

В-третьих, анализ методов совершения преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, позволяет утверждать, что многие из них, бесспорно, зеркально повторяют элементы объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.185.4 УК РФ.

Судебная практика уже пошла фактически по пути декриминализации ст.185.4 УК РФ. Об этом свидетельствует не только фактическое отсутствие рассмотренных уголовных дел данной категории, но и квалификация правоохранителями конкретных общественно опасных действий, предусмотренных как ст. 185.4, так и ст. 185.5 УК РФ. Например, Уголовное дело против М., которое широко освещалось средствами массовой информации и стало известно в связи с пиар-акциями (голодовками и пикетами), устраиваемыми супругой рейдера. В апреле 2016 года бывший бизнесмен был приговорен к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима за рейдерский захват ООО «А.». Обвинением было доказано совершение М. преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 185.5 УК РФ (фальсификация решения общего собрания участников хозяйственного общества путем внесения в протокол общего собрания заведомо недостоверных сведений о количестве

голосовавших, кворуме или результатах голосования), ч. 1 ст. 170.1 УК РФ (фальсификация Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг) и ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (покушение на мошенничество в особо крупном размере).[1] Примечательно, что отсутствие кворума при принятии решения с доказанным покушением на ущерб в крупном размере предполагает уголовную ответственность как по ст.185.4, так и по ст.185.5 УК РФ. Однако суд квалифицировал действия виновного как покушение на мошенничество и фальсификация решения общего собрания участников хозяйственного общества путем внесения в протокол общего собрания заведомо недостоверных сведений о кворуме.

В-четвертых, четкая конкретизация способов совершения преступления снижает эффективность охраны законного порядка установления корпоративного контроля, так как описать в законе все способы невозможно. Формальность в этом случае вредит делу, создает проблемы при правоприменении. Так, государственным обвинителем было внесено кассационное представление на приговор Подольского городского суда Московской области от 21 ноября 2011 года, которым С. был осужден по ч.1 ст. 185.5 УК РФ за то, что совершил общественно опасное деяние посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, об изменении состава органов управления этого общества, об избрании его единоличным участником и о досрочном прекращении полномочий другого участника. В этом представлении государственный обвинитель оспаривал квалификацию деяния по ст. 185.5 УК РФ. Одним из оснований этого явилось то, что речь в ст. 185.5 УК РФ идет об изменении состава органов управления этого общества, но никак ни об избрании участников общества и о досрочном прекращении полномочий. В нашем случае кассационным определением решение суда первой инстанции оставлено в силе.[2] Данный пример является иллюстрацией того, что излишняя формализация

[1] Зорин А. Рейдерство в законе // Жилищное право. - 2016. - № 11. - С. 107 - 112.

[2] Дело № 22-180 Архив Красногорского суда Московской области // Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда / URL:http://www.gcourts.ru

способов совершения преступлений подрывает эффективную профилактику общественно опасного деяния, «затмевает» для практических работников, как в нашем случае, саму сущность уголовно-правовой нормы.

Все вышесказанное позволяет говорить о фактическом совпадении основополагающих элементов объективной стороны анализируемых нами преступлений в части касающейся незаконного воспрепятствования или ограничение прав участников, без указания конкретных способов совершения этих деяний. Данный факт может служить объективным основанием к возможной фактической и юридической интеграции двух самостоятельных уголовно-правовых норм (ст.ст.185.4,185.5УК РФ) в одну. В новом формате объективная сторона преступления должна носить смешенный характер и представлять собой незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов.

2.2. Субъективные признаки составов преступлений, посягающих на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом

Субъективная сторона представляет собой характеристику преступления психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию.[1]

В литературе по-разному понимают вину лиц, совершивших преступления, посягающие на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом.

---

[1]Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001. - С. 15.

Общепризнанным является мнение о том, что общественно-опасные деяния, предусмотренные ст.ст.185.4,185.5 УК РФ, являются умышленными преступлениями.

По поводу понимания субъективной стороны в преступлении, предусмотренном ст. 185.4 УК РФ большинство ученых считает, что данное преступление совершается только с прямым или косвенным умыслом. При прямом умысле преступник осознает, что он незаконно отказывает в созыве или уклоняется от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг, в регистрации для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании, проводит общее собрание владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума, иным образом воспрепятствует осуществлению или незаконно ограничивает установленные законодательством Российской Федерации права владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов; предвидит возможность причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо получение преступного дохода в крупном размере[1]; желает наступление этих последствий. При косвенном умысле интеллектуальный момент совпадает с прямым умыслом, поэтому уточним только волевой момент косвенного умысла: преступник не желал, но сознательно допускал наступление описанных выше последствий, либо относился к ним безразлично. Как правило, воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг совершается с прямым умыслом. С учетом того, что ст.185.4 УК РФ задумана как инструмент борьбы с рейдерством, никакой вины кроме умышленной тут не может быть.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, представлена умышленной формой вины в виде прямого умысла. Указание на форму вины в виде умысла четко дано в диспозиции ст. 185.5 УК РФ, которая начинается со слов « умышленное искажение…». Наличие только прямого, а не

[1] В нашем случае именно возможность, а не неизбежность.

косвенного умысла подтверждается присутствием цели: незаконный захват управления в юридическом лице. Понимание цели очень важно при квалификации данного преступления. Описание признаков комментируемого состава довольно сложно (с использованием конструкций с двойной целью: промежуточной и итоговой), и эти юридико-технические особенности изложения запрета порождают проблему установления связей между элементами деяния, которые обязательно должны входить в оконченный состав преступления. К примеру, воспрепятствование свободной реализации права акционера при принятии решения на общем собрании акционеров путем блокирования фактического доступа акционера к голосованию в целях принятия решения об одобрении крупной сделки не будет образовывать состав комментируемого преступления, если лицо не желало посредством указанных действий незаконно захватить управление в юридическом лице.

Напротив, преступление будет иметь место и считаться оконченным в случае, к примеру, полного совершения деяния в виде умышленного искажения результатов голосования при принятии решения на заседании совета директоров общества путем внесения в протокол заседания совета директоров заведомо недостоверных сведений о результатах голосования относительно увеличения уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций (подп. 5 п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об акционерных обществах»), если, однако, лицо, совершившее указанные действия, имело целью незаконный захват управления в обществе».[1]

Некоторые считают, что в ст. 185.5 УК РФ указывается на целый ряд равноценных и однопорядковых преступных целей:

1. Незаконный захват управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения.

2. Одобрения крупной сделки.

3. Одобрения сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

---

[1]Комментарий к Уголовному кодексу РФ. / Отв. ред. В. М. Лебедев. - 7- е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2013. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

4. Изменения состава органов управления хозяйственного общества.

5. Избрания членов органов управления хозяйственного общества и досрочном прекращении полномочий.

6. Избрания управляющей организации либо управляющего.

7. Увеличения уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций.

8. Реорганизации либо ликвидация хозяйственного общества.[1]

Такие разные точки зрения по поводу цели объясняются сложностью восприятия следующего периода высказывания: «совершенные в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, или об одобрении крупной сделки, или об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, или об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества), или об избрании его членов и о досрочном прекращении их полномочий, или об избрании управляющей организации либо управляющего, или об увеличении уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций, или о реорганизации либо ликвидации хозяйственного общества». Грамматическое токование данной диспозиции ст. 185.5. УК РФ позволяет утверждать, что ст. 185.5 УК РФ с лингвистической точки зрения представляет собой простое предложение, которое включает в себя осложняющие конструкции различных уровней, относящиеся как к группам подлежащего и сказуемого, так и к распространяющим конструкциям второго, третьего рядов и т.д. Смысловым центром статьи является грамматическая основа, выраженная однородными подлежащими «искажение либо воспрепятствование». Вся приведенная конструкция представляет собой причастный оборот, относящийся к подлежащим

[1] Комментарий к статье 185.5 УК РФ. Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества // Налоги и право / URL:http://nalogcodex.ru/Kommentariy-k-st-1855/UK-RF/

«искажение либо воспрепятствование» (употребление причастия «совершенные» в форме множественного числа обусловлено его соотношением одновременно с двумя указанными подлежащими). От причастия «совершенные» зависит обстоятельство цели (в целях), имеющее значение «конкретизация причин искажения результатов голосования либо воспрепятствования свободной реализации права». Поэтому цель преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, одна:«незаконный захват управления в юридическом лице».

Таким образом, субъект анализируемого нами преступления осознает общественную опасность фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, предвидит возможность или неизбежность наступления преступных последствий и желает их наступления в целях незаконного захвата управления в юридическом лице. Поэтому случайная ошибка, например, в подсчете голосов не влечет уголовной ответственности лица по ст.185.5 УК РФ.

Незаконность означает нарушение требований законов, регулирующих порядок осуществления управления в юридическом лице. Незаконный захват управления в соответствии с положениями ст.185.5 УК РФ выражается в таких самостоятельных формах, как искажение результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения «путем внесения в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования, путем составления заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию, несообщения сведений о проведении общего собрания акционеров (участников) или заседания совета

директоров (наблюдательного совета) либо сообщения недостоверных сведений о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета), голосования от имени акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) по заведомо подложной доверенности, лица, заведомо не имеющего полномочий» (ст.185.5 УК РФ). Особо следует подчеркнуть, что вышеперечисленные формы могут доказывать наличие цели, связанной с незаконным захватом управления, но никак не саму цель, которую четко обозначил законодатель. Такая цель достигается, как это четко зафиксировал законодатель, путем принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, об одобрении крупной сделки, об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, исполнительного единоличного или коллегиального органа общества), об избрании его членов и досрочном прекращении их полномочий, об избрании управляющей организации или управляющего, об увеличении уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций, о реорганизации или ликвидации хозяйственного общества.[1]

Цель незаконного захвата управления легко просматривается в таких предусмотренных ст.185.5 УК РФ способах, как принятие незаконного решения об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества), или об избрании его членов и о досрочном прекращении их полномочий, или об избрании управляющей организации либо управляющего. Здесь практика не испытывает никаких затруднений. Так, «СУ СК при прокуратуре РФ по Костромской области осенью 2010 г. возбуждено уголовное дело по ст. 185.5 УК РФ. Следствием установлено, что один из участников хозяйственного общества, который обладал относительно крупной долей участия

[1]Валласк Е.В. Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства. - 2012. - № 6. - С. 9-16.

в его уставном капитале, счел ненужным сообщить остальным участникам о проведении общего собрания и без их участия принял решение о смене генерального директора общества.

В этой ситуации именно благодаря данной уголовно-правовой норме удалось пресечь вывод активов компании уже на начальном этапе, т.е. когда было принято незаконное управленческое решение о смене органа управления общества»[1].

Однако при принятии незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества или об одобрении крупной сделки, или об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность о незаконном захвате управления на предприятии цель просматривается не всегда. Ее отсутствие не может повлечь уголовную ответственность по ст.185.5 УК РФ. В этом случае речь идет скорее о преступления против собственности. Цели таких деяний могут быть различные.

Безусловным противоречием законодательной конструкции диспозиции ст. 185.5 УК РФ является такая ее структура как «совершенные в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о…ликвидации хозяйственного общества». Если общество ликвидировано, то зачем стремиться к захвату управления в этом юридическом лице. Рейдер, как справедливо отмечает Рыбакова Е.А. –это некий человек, разрабатывающий тактику и стратегию захвата чужой собственности.[2]Следовательно, конечной целью незаконного рейдерства (захвата предприятия) является захват чужой собственности. В этом случае конечная цель фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества напрямую связана с ликвидацией хозяйственного общества. Но, как отмечалось ранее, идея появления ст. ст. 185.4.,

---

[1]Федоров А.Ю. Практика уголовно-правовой квалификации рейдерских поглощений //Право и экономика. - 2011. - № 11. - С.15-17.

[2]Рыбакова Е.А. Рейдерство: новые этапы борьбы (криминологический аспект) //Юридический мир. - 2012. - № 11.

185.5. УК РФ, особенно с учетом развившихся корпоративных отношений, состоит в регулировании корпоративных конфликтов, участники которых выходят за рамки требований предписанных законом об организации корпоративных отношений. Не всегда действия участника корпоративного конфликта могут быть непосредственно направлены на хищение имущества или ликвидацию предприятия. Так, участник может преследовать цель уменьшения совокупной доли голосов действительных владельцев акций или долей (т.н. «размывание голосов»), например, путем подтасовки решения о дополнительной эмиссии акций и размещения их среди аффилированных лиц или внесения в реестр определенного количества заведомо ненадлежащих акционеров или владельцев долей в обществе с ограниченной ответственностью, что хищением не является.

В этой ситуации, по сути, начать проверку сообщения о преступлении и возбудить уголовное дело представляется возможным только после фактического наступления негативных последствий в виде хищения имущества или иного противоправного его вывода из-под контроля компании, то есть лишь на завершающем этапе рейдерского захвата».[1]«Если фальсификации на общем собрании участников юридического лица совершались с целью хищения его имущества, то для этого уже имеется ст. 159 УК РФ, которая вполне результативно применяется. Уйти от перспективного доказывания корыстной цели – это задача»[2], которую пытается решить законодатель. Противоправное завладение чужим имуществом может осуществляться и без цели обогащения.[3]

---

[1] Смирнов Г.К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства России в сфере противодействия рейдерству // Российская юстиция. - 2009. - № 12. - С. 23-25.

[2]МусаелянМ.Ф.Рейдерство: понятие, виды и пути противодействия // Журнал российского права. - 2010. - № 11.

[3]Шульга А.В. Лазарева Д.Л. Корысть как признак цели хищения // Роль и значение современной науки и техники для развития общества: Сборник статей международной научно-практической конференции, 28 апреля 2017 г. Часть 2. - Екатеринбург, 2017. - С. 34.

Указание в качестве цели преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, на незаконный захват управления в юридическом лице более точно отражает эту идею, хотя, как было показано выше, вступает в противоречие с требованиями законодательной техники. Выходом из создавшейся ситуации, который бы оставил в силе законодательную превентивную идею, могло бы послужить указание в качестве цели на установление контроля за деятельностью юридического лица. Результатом такой деятельности может стать и ликвидация предприятия. Учитывая все вышеизложенное,целью данного преступления является установление контроля.

Сегодня общепризнанной является точка зрения, согласно которой субъект является обязательным элементом состава преступления.[1]

Субъектом преступления, в соответствии с Уголовным кодексом, может быть только лицо, обладающее законодательно установленными признаками. В современном уголовном законодательстве впервые сформулированы общие признаки, которым должен отвечать субъект преступления, т.е. лицо, способное и обязанное нести уголовную ответственность. Эти признаки являются обязательными и исчерпывающими[2]. В ст.19 УК РФ говорится, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. Если такой субъект наделяется специальными признаками, то это уже – специальный субъект. Эти признаки могут быть как прямо указаны в уголовно-правовой норме, так и не указаны. Если прямое указание в законе отсутствует, их можно установить путем

---

[1] Ранее в научной литературе существовала и другая точка зрения. Так, Трайнин А.Н. считал, что субъект преступления не может рассматриваться в системе элементов состава преступления, т.к. человек не является элементом совершенного им преступного деяния. Где нет человека - виновника преступления, там не может быть и самого вопроса о наличии или отсутствии состава. Где нет вменяемого человека, достигшего законом установленного возраста, там отсутствует и вопрос об уголовной ответственности, а, следовательно, и вопрос о самом составе преступления. // Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. - М.: 1957. - С. 123.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и судебной практикой. / Научный редактор С.И. Улезько - Ростов - на-Дону, 2002. - С. 33.

толкования такой нормы.[1] В науке уголовного права существуют различные авторские классификации специальных субъектов. Практически все обращают внимание на социальную роль и правовое положение субъекта.[2] В нашем случае, следует обратить внимание, прежде всего, на правовое положение субъекта. Именно это положение позволяет правоприменителю отграничить составы преступлений, предусмотренные анализируемыми нами статьями, от других смежных составов.

Так, 25 февраля 2011 г. СУ СК РФ по Республике Марий Эл возбудило уголовное дело № 100024 по ч. 1 ст. 185.5 УК РФ. «В ходе расследования установлено, что участник ООО «МИК» С.-1, не уведомив второго участника данного общества С.-2 о проведении общего собрания участников, изготовил протокол общего собрания участников общества от 10 декабря 2010 г. № 2, в который внес сведения о принятии решения об увеличении уставного капитала общества путем внесения в него С.-1 денежных средств в сумме 40 тыс. руб., с последующим распределением долей участников в уставном капитале общества пропорционально размерам вкладов, а именно: С.-1 - 90%, С.-2 - 10%. При этом подпись С.-2 в протоколе общего собрания была подделана.

Здесь следует отметить следующее. Внесение в протокол общего собрания участников хозяйственного общества, протокол заседания совета директоров хозяйственного общества и иные документы, отражающие ход и результаты голосования, заведомо недостоверных сведений может квалифицироваться по ст. 185.5 УК РФ только в тех случаях, когда собрание участников или заседание совета директоров в действительности проведено и фальсификационные действия совершались кем-либо из лиц, уполномоченных вносить подобные сведения в

---

[1] Уголовное право РФ. Общая часть. / Под ред. А.И. Рарога. - М.: Юристъ, 2005. - С. 210.

[2] Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, Л.В. Иогамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. - М.: ТК Велби, Проспект, 2007. - С.215.; Лейкина Н.С., Грабовская Н.П. Личность преступника и уголовная ответственность. Уголовное право. - 2000. - № 4. - С.45.

указанные документы и (или) подписывать их».[1]Если же общее собрание участников или заседание директоров общества не проводилось, содеянное не может квалифицироваться по ст. 185.5 УК РФ. Если протокол общего собрания участников хозяйственного общества или протокол заседания совета директоров, выписка из него или иные документы полностью подделывались лицами, не имеющими права составлять или подписывать подобного рода документы, то содеянное не может быть квалифицироваться по ст. 185.5 УК РФ. Данное утверждение полностью относится и к ст. 185.4 УК РФ.

В федеральных законах и иных нормативных актах четко указан круг лиц, на которых возложены обязанности по созыву, проведению заседания, регистрации, подсчете голосов, оформлению результатов общего собрания (совета директоров), участников хозяйственных обществ, инвестиционных фондов при принятии решений. Порядок проведения заседания совета директоров (наблюдательного совета) и оформление его результатов также четко регламентируется нормативными актами.

Например, в соответствии с п. 5 ст. 29.6. Закона «О рынке ценных бумаг» «при проведении общего собрания владельцев облигаций функции, связанные с проверкой полномочий и регистрацией лиц, участвующих в таком собрании, разъяснением вопросов, возникающих в связи с реализацией владельцами облигаций (их представителями) права голоса на таком собрании, разъяснением порядка голосования по вопросам, выносимым на голосование, обеспечением установленного порядка голосования и права владельцев облигаций на участие в голосовании, подсчетомголосов и подведением итогов голосования, составлением протокола об итогах голосования, может исполнять только депозитарий, осуществляющий обязательное централизованное хранение облигаций, либо по его поручению регистратор, а для именных облигаций – регистратор,

[1]Федоров А.Ю. Практика уголовно-правовой квалификации рейдерских поглощений // Право и экономика. - 2011. - № 11. - С. 15-17.

осуществляющий ведение реестра владельцев таких облигаций»[1]. Таким образом, действия, связанные с созывом и проведением общего собрания осуществляются специальным субъектом: либо депозитарием, осуществляющим обязательное централизованное хранение облигаций, либо по его поручению регистратором. Депозитарий – это профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий депозитарную деятельность, т.е. оказывает услуги по хранению сертификатов ценных бумаг и/или учету и переходу прав на ценные бумаги. В России депозитарием может быть только юридическое лицо. Регистратор– это профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий деятельность по ведению реестра. Такой деятельностью имеют право заниматься только юридические лица. Следовательно, субъектами преступления в этом случае могут быть вменяемые физические лица, состоящие в трудовых или договорных отношениях с юридическим лицом (депозитарием или регистратором).

Что касается вопросов, связанных с подготовкой и проведением собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда, то согласно ст.18 № ФЗ «Об инвестиционных фондах» такие обязанности помимо самих владельцев возложены на определенных законом юридических лиц: управляющую компанию, специализированного депозитария.[2]Любой надлежащим образом уполномоченный сотрудник этих юридических лиц может быть субъектом анализируемых нами преступлений.

---

[1]Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ // Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. - Ст. 1918. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

[2]Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49 - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

В соответствии с ч. 1 ст. 54 Федерального закона «Об акционерных обществах» функции по подготовки и проведения собрания, защите прав акционеров возлагаются на совет директоров (наблюдательный совет).[1]

Члены счетной комиссии, либо лица, выполняющие ее функции, тоже являются субъектами данного преступления. Они проверяют полномочия и регистрируют лиц, участвующих в общем собрании акционеров, определяют кворум общего собрания акционеров, разъясняют вопросы, возникающие в связи с реализацией акционерами (их представителями) права голоса на общем собрании, разъясняют порядок голосования по вопросам, выносимым на голосование, обеспечивают установленный порядок голосования и права акционеров на участие в голосовании, подсчитывают голоса и подводят итоги голосования, составляют протокол об итогах голосования, передают в архив бюллетени для голосования счетная комиссия. Таким образом, в случае нарушения установленных законом требований, они совершают действия, составляющие объективную сторону состава преступления.

В соответствии с приказом ФСФР России «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда» от 07.02.2008 № 08-5/пз-н (ред. от 30.07.2013) председателем и секретарем общего собрания являются уполномоченные представители лица, созывающего общее собрание.[2]

---

[1]Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ //Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

[2] Приказ ФСФР России «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда» от 07 февраля 2008 №08-5/пз-н //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 21.04.2008. - № 16.(в посл. ред. Приказа ФСФР России от 30.07.2013 № 13-61/пз-н).

Согласно ч. 9 ст. 55, ч. 5 ст. 58 ФЗ «Об акционерных обществах» исполнение решения суда о понуждении общества провести внеочередное общее собрание акционеров возлагается на истца.[1]

С учетом этого некоторые ученые, анализируя деяния, связанные с воспрепятствованием осуществлению или незаконным ограничением прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, утверждают, что субъект данного преступления – специальный.[2] Аналогичное мнение касаемо специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, также имеет место в литературе.[3] Третьи, в одном случае, говорят о наличии общего субъекта преступлений, предусмотренных ст. 185.5. УК РФ, в другом применительно к ст. 185.4 УК РФ – о специальном.[4]

В большинстве случаев субъект обоих преступлений –специальный. Но в некоторых случаях общественно опасные деяния может совершать любой субъект. Законодатель в диспозиции ст. 185.4 УК РФ говорит об ином воспрепятствовании осуществлению или незаконному ограничению прав владельцев, т.е. закон не уточнил методы (способы) осуществления преступного деяния. Коль способы преступного деяния не детализированы, то можно смело предположить, что всегда найдется способ, который может совершить любой субъект. То есть субъект преступления может быть общим.

Совершенно в Санкт-Петербурге было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 185.4 УК РФ. Где неустановленное лицо, не обладающие никакими правомочиями, предоставило реестродержателю акций ЗАО «Единый

---

[1]Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ //Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 13-е изд., перераб. и доп. /Отв. ред. В.М. Лебедев. - М.: Юрайт, 2013. / Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст.185.4 УК РФ) //Российский следователь. - 2013. - № 22. - С. 23-24.

[3]Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст.185.4 УК РФ) //Российский следователь. - 2013. - № 22. - С. 23-24.

[4]Уголовный кодекс РФ 2017 / URL: http://www.ukrfinfo.ru

регистратор» заведомо ложные сведения о не направлении ОАО «Концерн «Авионика», являющимся владельцем 102296 акций(50,0005%) обыкновенных акций, публичной оферты акционерам ОАО «Техприбор», от имени которого это лицо выступило, о приобретении у них ценных бумаг. Именно поэтому ЗАО «Единый регистратор» ограничило права ОАО «Концерн «Авионика» на простое большинство голосов при голосовании, в результате чего ОАО «Концерн «Авионика»был причинен ущерб в размере 14500000 руб. [1]

Любой работник может, например, не направить сообщения о проведении общего собрания владельцев, нарушить срок направления (вручения, опубликования) бюллетеня для голосования или вообще его не направить, не предоставить в соответствии с федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами, при подготовке к проведению общего собрания акционеров, выполнять функции счетной комиссии ненадлежащим органом (лицом) или лицами, избранными в состав счетной комиссии акционерного общества с нарушением требований федерального закона, либо лицами, срок полномочий которых истек; просто умышленно с применением насилия ограничивать фактический доступ к голосованию, голосовать от имени акционера (участника) хозяйственного общества по заведомо подложной доверенности и т.п.Это могут быть владельцы ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, участники хозяйственных обществ, «так и сторонние лица, которые, злоупотребляя своими правами, осуществляют умышленное использование этих прав вопреки интересам конкретного юридического лица»[2], а также технические работники, занимающиеся делопроизводством на предприятии, регистраторы, любые лица, выполняющие поручения согласно приказа или доверенности, лица, занимающие

[1] Уголовное дело № 617110 Архив ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской области; Уголовное дело № 4/15623 Архив ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской области.

[2]Карпович О.Г. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями в отношении владельцев ценных бумаг. Правила квалификации // Российский следователь. - М.: Юрист, 2011. - № 9. - С. 20-24.

руководящие должности в организации (директор, зам. директора, главный бухгалтер и др.); профессиональные участники рынка ценных бумаг; бухгалтера и т.д.

Подытоживая сказанное, мы видим, что, хотя специфика охраняемых уголовным законом общественных отношений и само изложение диспозиции ст. ст. 185.4. 185.5 УК РФ свидетельствует о наличии в основном специального субъекта, но эти же причины обуславливают и наличие общего субъекта. Кроме того, любые права владельцев (участников), связанные с участием и управлением могут делегироваться согласно доверенности. В случае якобы передачи полномочий по заведомо подделанной доверенности субъект преступления будет всегда общий. Чтобы такие лица не смогли избежать уголовной ответственности, необходимо декларировать в данных составах преступлений наличие общего субъекта.

С учетом изложенного, можно утверждать, что субъект преступления, предусмотренный ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ, общий. Им может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, которое воспрепятствует осуществлению или незаконно ограничивает права владельцев ценных бумаг или фальсифицирует решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества.

Однако в случае принятия новой уголовно-правовой нормы на базе ст.ст. 185.4,185.5 УК РФ субъект данного преступления может стать специальным. Так как в целях разделения уголовной и административной ответственности, обеспечения эффективности охраны корпоративных отношений было бы целесообразно наделить общий субъект таким признаком, как ранее привлечение к административной ответственности. Анализируя объективную сторону преступлений, предусмотренных ст.ст.185.4,185.5 УК РФ, мы упоминали о необходимости учета существующего ранее опыта административной преюдиции.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. формально исключил «административную преюдицию» из уголовно-правовых норм. Однако за период

2011-2015 гг. сложилось устойчивое отношение законодателя к возврату административной преюдиции в уголовном законе в ее классическом виде. Законодатель не просто излагает административную преюдицию в диспозиции правового предписания, но и конструирует после изложения соответствующей нормы УК РФ примечания, в которых излагает сущность административной преюдиции применительно к сформулированной статье.

Это мы наблюдаем в ст. 151.1 УК РФ (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции), ст. 212.1. УК РФ (неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) ст. 314.1 УК РФ (уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений), ст. 284.1. (осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности), ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию».

Несмотря на практически полный отказ от прямой формулировки административной преюдиции в Уголовном кодексе РФ 1996 г., динамика развития современного уголовного законодательства показала, что этот институт постепенно возвращается из доктринальной научной плоскости в поле нормативно-правовой регламентации составов преступлений, закреплённых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оценивая научный дискурс, развернувшийся в науке административного и уголовного права, следует отметить, что при всём уважении к учёным, выступающим против введения института административной преюдиции в уголовном праве (А.А. Гогин, Н.И. Хавронюк, А.Н. Тарбагаев, В.В. Марчук, А.В. Рагулин), их точка зрения уступает позиции научных оппонентов (Г.Н. Борзенков, А.В. Иванчина, Д.В. Карпухин, М.А.Лапина, В.П. Малков, В.И. Радченко, Т.В

Семенов, Ю.В. Трунцевский, Т.Д. Устинова, Е.В. Ямашевой, А.П. Шергин)[1], ратующих за применение указанного института в уголовном праве, поскольку точка зрения последних объективно подтверждена внесёнными изменениями в Особенную часть УК РФ, формально закрепившими институт административной преюдиции в рассмотренных составах уголовных преступлений.[2]«В качестве общих возражений относительно использования административной преюдиции в доктрине обычно указывается на нарушение принципа nonbisidem, меньший уровень процессуальных гарантий в административном производстве по сравнению с уголовным, отсутствие повышения общественной опасности при повторном совершении административных правонарушений, наличие существенной качественной разницы между административными правонарушениями и преступлениями; нарушаются сложившиеся теории преступления и вины.

Сегодня существует необходимость в обсуждении не столько вопросов о допустимости, целесообразности, юридико-технической возможности выражения административной преюдиции, как выработка общих, пронизывающих все уголовное право положений, правил или условий ее использования, анализ

---

[1]Критика противников административной преюдиции за последнгее время представлена в работах Малкова В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2011. - № 3. - С. 58 - 63; Иванчина А.В. Конструирование составов преступлений с административнойпреюдицией: proetcontra // Вестник Ярославского государственного университета. - 2012. - № 3. - С. 65 - 68; Ямашевой Е.В. К вопросу о восстановлении административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. - 2009. - № 10. - С. 69-79; Лапиной М.А., Трунцевского Ю.В., Карпухина Д.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // NB: Административное право и практика администрирования. - 2015. - № 2. - С.24-56 и т.д.

[2] Лапина М.А., Трунцевский Ю.В., Карпухин Д.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // NB: Административное право и практика администрирования. - 2015. - № 2. - С.24-56.

возможности имплементации административной преюдиции в конкретные составы преступления.»[1]

С учетом изложенного в новой уголовно-правовой норме необходимо сформулировать новый криминообразующий признак, характеризующий субъекта преступления,–«если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года».

Таким образом, проанализированные объективные и субъективные признака составов преступлений, предусмотренных ст.ст.185.4,185.5 УК РФ, с учетом выявленных в них недостатков позволяют сформулировать более оптимальную редакцию новой уголовно-правовой нормы, охраняющей легально установленный порядок корпоративного контроля в следующем виде: «незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов с целью установление контроля за деятельностью хозяйствующего субъекта, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние».

ГЛАВА 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕЗАКОННОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ

[1]Семенов Т.В. О целесообразности административной преюдиции в конструкции ст. 185.1 УК РФ // Административное право и процесс. - 2016. - № 3. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

3.1. Состояние, тенденции и детерминанты преступности, связанной с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом

Незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, рейдерство как негативные социально-экономические явления исследуется учеными и практиками в различных областях знаний. Учёные-криминалисты также подвергают анализу данные общественно-опасные явления[1].

В криминологической литературе для характеристики преступной деятельности употребляются термин «криминологическая характеристика преступлений». Под криминологической характеристикой понимают совокупность данных об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном деянии, используемых для их предупреждения[2].

По оценкам Национального антикоррупционного комитета, ежегодно в России происходит до 700 тыс. посягательств, связанных с криминальным установлением контроля над хозяйствующим субъектом. Эти цифры отражают результаты рейдерства как высокоинтеллектуального высокодоходного криминального бизнеса, специализирующегося на противоправной деятельности в области незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами и корпоративных конфликтов, перешедших в криминальную фазу.[3]

---

[1] Алехина А.В. Криминальноерейдерство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2013; Брагин И.А., Криминологическая природа рейдерства: генезис, эволюция, прогноз и проблемы нейтрализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2014; Проженина А.Н. Криминологическое изучение и предупреждение преступлений, связанных с противоправным поглощением юридических лиц (рейдерством): Дисс. канд. юридич. наук. - Москва, 2010. - 207с. и пр.

[2] Криминология: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. - С. 211.

[3] Сычев П.Г. Новые законодательные инициативы: защита системы корпоративного управления или подарок рейдерам? // Безопасность бизнеса. - 2011. - № 1. - С. 30-35.

Первоначально деяния, предусмотренные сегодня в ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, использовались в 90-е годы XX века в ходе приватизации в форме акционирования и являлись формой корпоративных конфликтов.

Сегодня такие формы корпоративных конфликтов могут использоваться рейдерами, а также являться самостоятельной преступной деятельностью, связанной с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом. Важной особенностью, как уже отмечалось, является то обстоятельство, что субъекты ее осуществляющие, имеют непосредственное отношение к корпоративному объединению, над которым устанавливается такой незаконный контроль. Преступниками являются сособственники компании, ее руководящий состав и прочие лица, выполняющие организационно-распорядительные и иные функции в хозяйствующем субъекте. Такая преступная деятельность, чаще всего,является результатом внутреннего корпоративного конфликта или инспирированного извне. Следует обратить внимание, даже инспирированная извне такая деятельность все равно должна существовать в рамках корпоративного конфликта, т.е. затрагивать корпоративные отношения. Именно таким образом выявляется устойчивая взаимосвязь рейдерства и корпоративного конфликта как единого социального явления.

Долгое время правоохранительные органы в ситуациях криминальных корпоративных конфликтов либо занимали позицию невмешательства во внутренние споры субъектов корпоративных отношений, либо считали такие конфликты гражданско-правовыми спорами. Также все упиралось в невозможность возбудить уголовное дело в связи с отсутствием в Уголовном кодексе Российской Федерации состава преступления, позволявшего привлекать к ответственности лиц за фальсификацию документов хозяйственного общества или преступное воспрепятствование осуществлению прав владельцев ценных бумаг общества, имеющие своей целью установление незаконного контроля над хозяйствующим субъектом. После того, как преступный контроль устанавливался, имущество компании могло быть продано третьим лицам. В таких случаях защита прав участников корпоративного образования могла

осуществляться только в оспаривании сделок в гражданско-правовом поле, которое ограничено институтом защиты добросовестного приобретателя.[1] Таким образом, можно констатировать, что права владельцев ценных бумаг общества не были защищены ни уголовно-правовыми, ни гражданско-правовыми нормами.

Несмотря на то, что фальсификация общих собраний акционеров, подтасовка бюллетеней, недопуск конкретных участников общества на собрание и прочие ухищрения – это прерогатива криминальных корпоративных конфликтов, а криминализация деяний, предусмотренных составами статей 185.4 и 185.5 УК РФ, в большей степени направлена на борьбу с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом в ходе корпоративных конфликтов, нельзя исключать совершение рассматриваемых противоправных деяний в ходе рейдерских атак. Поскольку рейдерство представляет собой достаточно сложную деятельность, чаще всего, включающую множество противоправных деяний, можно предположить, что в орбиту такой деятельности могут быть вовлечены преступления, предусмотренные ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, профилактика и предупреждение таких деяний в ходе рейдерства является немаловажной.[2].

Дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации указанными нормами осуществлено с учетом повышенной общественной опасности криминального установления контроля над хозяйствующим субъектом и необходимостью дальнейшей борьбы с криминальным разрешением корпоративных конфликтов. При этом важно подчеркнуть, что рейдер может «взломать» установленный порядок корпоративных отношений лишь в случае, если он сам или аффилированные лица становятся участниками вышеназванных отношений.

Причины корпоративных конфликтов кроются в различного рода разногласиях: относительно условий конкретных сделок, стратегии компании, состава ее менеджмента, системы корпоративного управления, размера

---

[1] Федоров А.Ю. Там же. - С. 40.

[2] Мусаелян М.Ф. Об уголовно-правовой борьбе с рейдерством // Адвокат. - 2010. - № 3. - С. 57-62.

вознаграждений и прочее.[1] Такие конфликты вкупе с несовершенной правовой защитой собственников, неотработанным деловым оборотом, слабой корпоративной культурой и традициями страны являются плодородной почвой для совершения незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами.

Так, в феврале 2013 года мировым судьей судебного участка Московского района г. Н. Новгорода было рассмотрено дело по обвинению 59-летнего жителя г. Бор С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 185.5 УК РФ и ч. 1 ст. 170.1 УК РФ. С., являясь одним из участников общества с ограниченной ответственностью и его директором, желая единолично принимать решения по текущим вопросам деятельности общества, в том числе распоряжением имуществом, сфальсифицировал протокол общего собрания учредителей общества, внес в устав общества изменения о размере уставного капитала и о размере долей его участников, существенно уменьшив долю К. в уставном капитале общества. После этого С. представил в ИФНС России по Московскому району для регистрации сведения, содержащие заведомо ложные данные об учредителях данного общества, о размерах долей их участия в уставном капитале общества. В результате незаконных действий С. доля К. в уставном капитале общества существенно уменьшилась с 79,39% до 24%.

К. обратился в правоохранительные органы с заявлением о том, что без его ведома, в уставе общества, где он является учредителем, внесены изменения, в результате которых его доля значительно уменьшилась. Следственным отделом Московского района Следственного управления Следственного комитета России по Нижегородской области в отношении С. было возбуждено уголовное дело по ст. ст. 185.5 ч. 1, 170.1. ч. 1 УК РФ и ему предъявлено обвинение в фальсификации решения общего собрания учредителей хозяйственного общества, совершенной в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав

[1] Степанов С., ГабдрахмановС.Корпоративные конфликты в современной России и за рубежом. - Москва, 2011. - С. 5-7.

хозяйственного общества и фальсификации единого государственного реестра юридических лиц.

В суде С. вину признал полностью, в содеянном раскаялся, причиненный вред, полностью загладил, принес извинения потерпевшему К., доля уставного капитала общества, принадлежащая К., восстановлена. Потерпевший К. подтвердил данное обстоятельство, ходатайствовал в суде о прекращении уголовного дела в отношении С., в связи с примирением.[1]

Поскольку незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом с точки зрения общественной опасности было рассмотрено нами в первой главе настоящего исследования, сразу обратимся к состоянию и тенденциям преступности, связанной с криминальным установлением контроля над хозяйствующим субъектом посредствам совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4-185.5 УК РФ.

Криминогенная обстановка, связанная с криминальным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, из года в год продолжает оставаться сложной.

Сегодня указанная преступная деятельность наносит существенный ущерб экономической безопасности государства, и имеет своими последствиями:

1) подрыв основ частной собственности и предпринимательства;

2) увеличение коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, государственных служащих, в том числе представителей судейского корпуса;

3) утрата конкурентоспособности;

4) повышение уровня безработицы;

5) ухудшение инвестиционного климата, снижение инвестиционной привлекательности российской экономики;

6) деформация правовой идеологии и распространение правового нигилизма;

7) активизация процессов отмывания денег, полученных преступным путем.[2]

---

[1] Криминальные новости / URL: http://prokuratura-nn.ru/?p=5686

[2] Лопашенко Н. Рейдерство // Законность. - 2007. - № 4. - С. 7-12.

По убеждению известного криминолога М.П. Клейменова, корпоративные захваты являются первостепенной угрозой экономической безопасности страны.[1]

В последние годы сложились несколько характерных тенденций криминального установления контроля над хозяйствующим субъектом.

Во-первых, такая преступная деятельность четко разделилась на два уровня: рейдерство и криминальный корпоративный конфликт. При этом рейдерским атакам характерно совершенствование механизмов криминального установления контроля над хозяйствующим субъектом, которое характеризуется снижением количества преступлений, сопряженных с насильственным (физическим) посягательством. Анализ сложившейся практики свидетельствует о широком распространении многоступенчатых схем рассматриваемой преступной деятельности, включающей в себя манипулирование реестрами, скупку акций, создание параллельных советов директоров, фальсификацией различных документов. Вместе с тем усложняются технологии сокрытия преступления, маскировки его под правомерное поведение.[2] Для криминальных корпоративных конфликтов никогда не были характерны насильственные посягательства. Так, ни в одном из рассмотренных нами приговоров, не упоминалось о каких-либо насильственных действиях или угрозах их совершения.

Во-вторых, если еще 7-10 лет назад рейдерским захватам и корпоративным конфликтам были подвержены крупные стратегические, социально значимые предприятия, то сегодня вектор посягательств смещается в сторону среднего, несколько реже малого бизнеса, так как они являются менее защищенными. Малые и средние корпорации зачастую не имеют возможности тратить существенные финансовые средства на службу безопасности, специальные меры по защите инсайдерской информации и т.д., но обладают, при этом дорогостоящими, ликвидными объектами недвижимости, конкурентными преимуществами, стабильно высокой прибылью, и с этой точки зрения являются

---

[1] Клейменов М.П. Криминология: Учебник. - М., 2008. - С. 420.

[2] Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративныхслияний и поглощений (рейдерских захватов): Дисс. … канд. юрид. наук. - Москва, 2015. - С. 103-104.

интересными для преступников. Внутренние криминальные корпоративные конфликты затрагивают сферу среднего и малого бизнеса, где доли капитала сконцентрированы у небольшой группы участников.

В-третьих, изменилась отраслевая структура рассматриваемой преступной деятельности. Если в 90-х и 2000-х захваты и корпоративные конфликты имели место в сфере тяжелой промышленности, нефтегазовой отрасли, добыче металлов и т.д., то сейчас тенденция такова, что чаще всего конфликтные ситуации возникают в торговле, машиностроении, в сфере недвижимости, пищевом секторе, сельском хозяйстве, легкой промышленности. В настоящее время географией рассматриваемого вида преступности все реже становится центр, все больше происходит смещение в сторону регионов.

Уголовные дела по фактам совершения преступлений, предусмотренных статьями 185.4 и 185.5 УК РФ, начиная с 2010 года были возбуждены в 31-ом регионе станы, в частности: в Краснодарском крае, Республике Башкортостан, Республике Адыгея, в Волгоградской, Московской, Ростовской, Тюменской, Челябинской областях и т.д.

По данным статистики ГИАЦ МВД в 2009 году не было возбуждено ни одного уголовного дела по ст. 185.4 УК РФ, в 2010 году было возбуждено 2 уголовных дела по ст. 185.4 УК РФ и 8 по ст. 185.5 УК РФ. В 2011 году было 1 уголовное дело по ст. 185.4 УК РФ и 38 по ст. 185.5 УК РФ, в 2012 и 2014 годах – ни одного дела по 185.4 УК РФ, 24 и 67 уголовных дел соответственно по ст. 185.5 УК РФ.[1] Менее половины из них дошли до суда. Руководствуясь отчетами Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно представить статистику рассмотренных в судах РФ дел: в 2013 году по ст. 185.4 УК РФ не было ни одного дела, по ст. 185.5 УК РФ – 6 дел, в 2014 году – 0 и 5 дел соответственно, в 2015 году – 0 и 6, в 2016 году – 0 и 5 дел[2].

---

[1] Коррупция: состояние противодействия и направление оптимизации борьбы / Под ред. проф. А.И Долговой., Российская криминологическая ассоциация, 2015. - С. 337.

[2] Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации /URL: www.cdep.ru

По словам М.М. Фирсовой, заместителя прокурора Московского района г. Нижнего Новгорода, уголовные дела вышеуказанной категории встречаются достаточно редко, так как завладение контролем над хозяйствующим субъектом обычно происходит на грани закона. Преступник направляет значительные усилия на придание своим действиям легитимности. Немаловажное значение имеет используемая в составах законодательная техника, требующая пересмотра.

Оценивая вышеуказанную статистику, с полной уверенностью можно говорить, что большая часть преступлений, предусмотренных составами ст.ст. 185.4-185.5 УК РФ остаются латентными, что делает актуальным проблему предупреждения данного вида преступности.

В криминологии в системе предупреждения преступности выделяются три структуры – виды предупреждения: общесоциальное, специальное и индивидуальное.[1]

Представляя собой систему мер по устранению процессов детерминации и причинности преступности, адресованную всему населению или его группам и включая в себя меры по оздоровлению экономической, политической, социальной и духовной сфер жизни общества, общесоциальное предупреждение корпоративной преступности[2], также как и экономической преступности в целом,должно включать в себя создание достойных условий жизнедеятельности человека с тем, чтобы предупредить формирование у него вредных потребностей и привычек, а также обеспечить эффективное решение им своих проблем и удовлетворение потребностей в рамках закона, то есть стимулировать правомерное, общественно полезное поведение. Материальное благосостояние граждан, недостатки в нравственно-психологической и духовной сферах общества влияют на совершение преступлений, связанных с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом. Поэтому повышение благосостояния

---

[1] Криминология: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. - С. 486.

[2] Щердин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие. - Красноярск, 1999. - С. 67.

жизни граждан в указанных сферах реализует антикриминогенный потенциал общества.

Общепрофилактическое значение будут иметь меры, связанные с укреплением вертикали власти, обеспечением политики государства в области укрепления государственного устройства.

Для России в исторической ретроспективе характерен феномен политической борьбы, которая не ослабевает и в нынешнее время. Неустойчивость политического курса в России по-прежнему стимулирует отток финансовых ресурсов за рубеж. В связи с чем важно снизить политическую напряженность в стране, разработать и сохранить последовательную внутреннюю политику, направленную на развитие предпринимательской деятельности, малого и среднего бизнеса для формирования прослойки ответственных собственников.

Общепрофилактическое значение наряду с политическими имеют и экономические меры. Современный этап социально-экономического развития России характеризуется резким усилением конкурентной борьбы между предприятиями, наличием значительного числа корпоративных конфликтов.[1]

При совершении посягательств, связанных с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, действия преступников, чаще всего, обусловлены экономическими целями, получением экономических выгод.

Экономические цели предполагают реализацию потребностей, определяемых как необходимость и возможность приобретать, сохранять и использовать различные блага. Если некое благо для человека оказывается значимым, оно превращается в стимул – внешний объект стремления, в дальнейшем перерастающий в мотив – внутреннее побуждение к действию. Комплексы мотивов, ведущих свое происхождение из трех главных источников – социальной нормы, интереса и принуждения, определяют побуждение человека к действию.

---

[1] Федоров А.Ю. Актуальные виктимологические проблемы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях корпоративных конфликтов // Право и экономика. - 2011. - № 6. - С.27.

Каждое экономическое действие начинается с конкретных правомочий осуществлять это действие тем или иным законным способом. Основой экономического поведения необходимо считать именно систему норм, которая определяет его границы, порядок и пределы реализации. В том или ином отношении любой экономический ресурс или благо представляет собой ценность для неопределенного числа экономических субъектов. Это также относится и к тем, кто легитимного или легального права на это не имеет.[1]

Природа преступлений в сфере экономической деятельности обуславливает совершение такого преступного посягательства индивида тогда, когда ожидаемая от этого преступного деяния польза выше пользы, которую он мог бы получить, иным образом используя свои силы и время. Преступность в сфере экономической деятельности обладает характерной особенностью – рациональностью, стремлением максимизировать выгоду при ограниченных ресурсах.

Американский экономист Майкл Сесновиц в 1972 году разработал формулу зависимости чистого дохода преступника от различных факторов:

R = (l-P)xS + Px(S-D) = S-PxD, где

R – доход преступника;

P – вероятность, что преступник будет пойман и наказан;

S – величина украденного;

D – денежная величина потерь преступника, которые он несет в результате наказания[2].

Указанная формула доходности преступной деятельности универсальна, и может быть использована для расчета любого вида преступлений, в том числе, незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом. Так, предположив, что переменные P и D стремятся к нулю, поскольку вероятность задержания и наказания виновного очень мала, доход преступника будет равен

---

[1] Нефедов И.В. Корпоративные захваты: явление, причины, профилактика. - СПб, 2014. - С. 143-151.

[2] Преступная трудовая деятельность: экономические аспекты // Проблемы современной экономики. - 2012. - № 3 (43) / URL: http://www.m-economy.ru/

величине незаконно полученного ресурса (блага). Это делает незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом достаточно привлекательной с позиций доходности преступной деятельности.

Таким образом, задача государства обеспечить, прежде всего, экономическую невыгодность незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами. При этом, начать необходимо с улучшения общего фона как экономической деятельности в целом, так и корпоративной культуры в частности.

Остро назрел вопрос осуществления экономических программ, которые позволили бы создать цивилизованные условия для нормального развития мелкого и среднего предпринимательства, сформировав при этом внушительный класс законопослушных эффективных собственников.

Ситуация в современной России такова, что государство больше заботится о собственных интересах и устанавливает правила и условия ведения бизнеса, не выгодные для добросовестного субъекта. Рыночные отношения и так в значительной степени предопределяют противоречивость государственных и частных интересов, а виктимная экономическая политика государства еще более усугубляет ситуацию. При таких условиях частному бизнесу приходится «выживать» за счет противоправного поведения, в том числе, путем незаконного установления контроля над хозяйствующими субъектами.

Назрела необходимость формирования здоровых нравственных ориентиров. Начиная с 90-х годов, в стране выработался культ обогащения незаконным путем. Молодежь перенимает этот опыт и рассматривает его как естественный в российских реалиях способ «заработать». В связи с этим необходимо выработать единую государственную идеологию, ориентирующую на правомерное поведение в сфере экономической деятельности. Возможно, существенную пользу могут принести центры правовой поддержки и грамотности населения, необходимые для искоренения правового нигилизма, в частности в сфере корпоративных отношений. Зачастую миноритарные акционеры АО не знают ни о своих правах на участие в деятельности юридических лиц, ни о способах их защиты в случае их

нарушения. Это тем более актуально, если государство выстраивает свою политику на привлечение свободных денежных средств в сферу ценных бумаг.

Рассмотренные направления должны быть положены в основу подготовки мероприятий по устранению детерминант незаконного установления контроля над хозяйствующим субъектом и выступать при организации предупреждения преступлений в качестве основополагающих, а также явиться фундаментом создания правовых основ организации противодействия современным видам преступлений – криминальным угрозам в сфере корпоративных отношений.

В России система специальных мер предупреждения[1]как нарушений корпоративных прав в целом, так и противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами, в частности, все еще формируется. На протяжении последнего десятилетия был принят целый комплекс мер, направленных на минимизацию криминальных посягательств на незаконное установление контроля над хозяйствующими субъектами. В частности, были осуществлены административная деликтолизация и криминализация названных деяний.

Рассмотрение вопроса взаимосвязи уголовно-правовых и административно-деликтных отношений представляется достаточно важным в рамках задач специального предупреждения. В связи с предложенными ранее изменениями ст.ст. 185.4, 185.5 УК РФ, введением административной преюдиции необходима корреляция уголовной и административной ответственности, которая позволила бы, с одной стороны, упорядочить отношения, с другой –ликвидировать лазейку для преступников, позволяющую уходить им от ответственности. Очевидно, что норма 15.23.1 КоАП РФ перегружена альтернативными вариантами совершения незаконных действий (бездействия) и, с точки зрения универсальности не

[1] Специальное предупреждение преступности подразумевает под собой систему воздействия на процессы детерминации и причинности преступности по отношению к определенным социальным группам, сферам деятельности и объектам, характеризующимся повышенной вероятностью совершения преступления.На основе криминологических исследований в рамках специального предупреждения выделяются повышенно-криминогенные и повышенно-виктимные социальные группы, сферы деятельности и объекты и предлагаются конкретные направления снижения их криминогенности и виктимности.

согласуется с предложенными нами изменениями в УК РФ. В связи с этим, необходимо внести изменения, изложив ст. 15.23.1 КоАП РФ в следующей редакции: «незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов».

Так как новая редакция ст. 15.23.1 КоАП РФ не предполагает конкретный перечень общественно опасных деяний, необходимо привести ее в соответствие со ст. 15.20.КоАП РФ, убрав из данной нормы «за исключением случаев, предусмотренных частями 1, 2, 4, 5, 8 и 10 статьи 15.23.1 настоящего Кодекса».

Говоря о системе противодействия криминальному установлению контроля над хозяйствующим субъектом, нельзя не упомянуть о мерах, направленных на устранение виктимологических факторов, порождающих это явление. Изучение вопросов зарождения и развития виктимности хозяйствующего субъекта, способствующей криминальному установлению контроля над ним, не нашлопока широкого освещения в современной правовой науке. Отечественные ученые только начали обращаться к изучению специфических виктимных свойств хозяйствующих субъектов, способствующих формированию условий, при которых возникает возможность совершения рассматриваемых деяний.

Виктимность хозяйствующего субъекта, развивающаяся в контексте предпринимательской деятельности и приводящая к его незаконному установлению контроля над ним, имеет межотраслевую природу. Здесь стоит согласиться с Е.А. Рыбаковой, что «грань между легальным отбором чужой, неэффективной собственности и нелегальным завладением ее бывает очень тонкой, если не сказать – условной»[1]. Формируясь под влиянием гражданского права, контроль над хозяйствующим субъектом в дальнейшем становится достоянием уже уголовного права.

[1] Рыбакова Е.А. Рейдерство: новые этапы борьбы (криминологический аспект) // Юридический мир. - 2012. - № 11. - С. 39-45.

Активы хозяйствующего субъекта являются ведущим его виктимным свойством, превращают его в объект преступных посягательств.[1]

Следующее виктимное свойство хозяйствующего субъекта стоит в правомочиях собственника (право владения, пользования и распоряжения), которые должны быть соответствующим образом оформлены.

На одно из важнейших свойств виктимности хозяйствующих субъектов – недобросовестную их государственную регистрацию и существование пробелов в учредительных документах в 2014 г. обратила внимание Федеральная налоговая служба РФ.[2]

Таким образом, благоприятные свойства виктимности хозяйствующего субъекта, способствующие криминальному установлению контроля над ним, «непосредственно связаны с формально-юридической природой виктимности данного субъекта. Однако существуют и иные благоприятные свойства виктимности, которые носят организационно-управленческий характер и могут быть изначально устранимы учредителями хозяйствующего субъекта»[3]. К ним могут быть отнесены:

- отсутствие в штате организации или предприятия юриста или недостаточный уровень его компетенции;

- отсутствие регулярного мониторинга текущего состояния документов, в том числе финансовых и правоустанавливающих;

- отсутствие контроля со стороны руководства и собственников налоговой и финансовой отчетности;

---

[1] Воронова О.С. Благоприятные свойства виктимности юридического лица (предприятия) как обстоятельства, способствующие рейдерским захватам (недружественным поглощениям) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. - 2015. - № 3-3 (53). - С. 25-27.

[2] Письмо ФНС России «О доведении рекомендаций по взаимодействию территориальных налоговых органов с правоохранительными органами» от 23 апреля 2014. № СА-4-14/7872 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). - 2014. - № 21 / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[3] Воронова О.С. Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. - С. 16.

- отсутствие оценки предпринимательских рисков;

- игнорирование возможностей системы страхования применительно к защите прав собственности;

- отсутствие мер по внутреннему аудиту хозяйствующего субъекта[1].

Исходя из вышеизложенного, стоит признать, что благоприятные свойства виктимности хозяйствующего субъекта, способствующие незаконному установлению контроля над ним, возникают и развиваются на основе недостатков не столько уголовно-правового, сколько гражданско-правового регулирования и правоприменения.

Подводя итог оценке криминальной ситуации в сфере преступного установления контроля над хозяйствующим субъектом в Российской Федерации, можно констатировать, что рассматриваемая категория преступности остается одним из наиболее опасных явлений, способствующих криминализации экономики, препятствующих нормальной предпринимательской деятельности. Исходя из количества обращений в Национальный антикоррупционный комитет, криминогенная обстановка из года в год остается нестабильной, число посягательств на контроль над хозяйствующим субъектом, сопряженных с рейдерством и криминальными корпоративными конфликтами не снижается.

С криминологической точки зрения существование рейдерства и криминальных корпоративных конфликтов, разрешающихся преступным путем, указывает на значительную криминальную составляющую экономических отношений в России. В этой связи можно согласиться с точкой зрения М.А. Сергеева о том, что преодоление кризисного положения в направлении противодействия противоправному установлению контроля над хозяйствующими субъектами возможно, прежде всего, путем активизации «исследования проблем прогнозирования, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений,

[1]Воронова О.С.Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. - С. 17.

объектом посягательства которых являются права собственности на имущественные комплексы»[1].

3.2. Особенности личности преступника, совершившего преступление, посягающее на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом

Для разработки научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью, связанной незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, определения детерминант и описания количественных и качественных показателей выявленных преступлений недостаточно. Необходимым является тщательное изучение личностных характеристик преступников.[2] Криминологический аспект проблемы профилактики преступности рассматриваемого вида должен охватывать вопросы составления обобщенной личности преступника. Такая работа просто необходима для повышения эффективности индивидуального предупреждения.

Личность преступника представляет собой систему социальных и психических свойств, которые образуют ее общественную опасность, детерминирующую совершение преступления.[3] Принимая личность преступника, совершившего незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, в качестве объекта исследования, необходимо определить и исследовать его криминологическую характеристику.

Необходимо отметить, что приводимые исследователями характеристики личности какого-либо вида преступника (рецидивиста, насильственного,

---

[1] Сергеев М.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2008. - С. 22.

[2] Под индивидуальным предупреждением можно понимать деятельность государственных и негосударственных органов, а также организаций и их представителей по выявлению лиц, от которых, исходя из объективно установленных данных, можно ожидать совершения преступных посягательств, и оказание на них и окружающую их социальную микросреду позитивного корректирующего воздействия.

[3] Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Д. Малкова. - 27е изд., перераб. и доп. - М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. - С. 82.

террориста и т.д.) не обладают абсолютной полнотой и достоверностью, несмотря на то, что получены на основе статистической и другой информации. Криминологи используют различные методики и методы, при этом, весьма часто используется выборочный метод, основанный не на сплошном наблюдении всех без изъятий единиц генеральной совокупности, а на отборе отдельных характеристик, обладающих признаком репрезентативности и способствующих достижению необходимого результата. Использование выборочного метода позволяет с учетом «погрешности репрезентативности» сделать правомерные выводы о целом на основании изучения его выборки. Исследование всей генеральной совокупности, результаты которого могут быть более достоверными и объективными и отличаться от результатов выборочного исследования, является более длительным и затратным. Более того, исследование всей генеральной совокупности характеристик также не гарантирует стопроцентно объективный результат, так как определенная часть преступной деятельности и соответственно личностей, ее осуществляющих остаются за рамками наблюдения. В связи с чем,в данной работе при изучении личности преступника, совершившего деяние, предусмотренное ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, мы будем руководствоваться выборочным методом.

В рамках настоящего исследования источниками изучения личности преступников являются:

- результаты анализа судебной практики, сложившейся по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст.185.4,185.5УК РФ;

- материалы уголовных дел;

- результаты опроса представителей контрольных групп.

Для исследования личности изучаемой нами категории преступников автором методом случайного отбора была проведена выборка приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции Российской Федерации за период с 2009г. по 2016 г.

В литературе и научных трудах различных авторов криминологическую характеристику личности преступника принято начинать с описания социально-

демографических признаков (пол, возраст, образование, семейный и социальный статус). Автор настоящего исследования полагает, что при изучении личности лица, посягающего на общественные отношения, охраняемые статьями 185.4 и 185.5 УК РФ, целесообразнее сначала охарактеризовать уголовно-правовые признаки. Такая позиция обусловлена тем, что рассматривая в данном случае личность преступника, уместно говорить о двухуровневой структуре. В рамках первой главы нами был обоснован тезис, согласно которому в настоящее время необходимо различать рейдерство и корпоративные конфликты, перешедшие в криминальную фазу[1], как противоправную деятельность, предполагающую совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ. Нами было отмечено, что рейдерство носит организованный внешний характер, т.е. посягательство на контроль над хозяйствующим субъектом осуществляется лицами, не имевшими к нему непосредственного отношения. Криминальное разрешение корпоративного конфликта предполагает неправомерные действия со стороны одного или группы субъектов корпоративных отношений хозяйствующего субъекта.

Личность преступника, являющегося членом ОПГ, занимающейся рейдерством на постоянной основе, будет значительно отличаться от личности преступника, совершившего единолично или в составе группы лиц по предварительному сговору единичный акт незаконного установления контроля над управлением хозяйствующим субъектом в рамках криминального разрешения корпоративного конфликта. Соответственно социально-демографические признаки указанных групп лиц будут существенно различаться.

Рассматривая уголовно-правовые признаки личности, в первую очередь, выделяют такой показатель как соучастие. Анализ приговоров по уголовным делам, возбужденным в соответствии с рассматриваемыми нами статьями УК РФ, позволяет говорить о совершении преступлений как в соучастии, так и

[1] Сычев П.Г. Новые законодательные инициативы: защита системы корпоративного управления или подарок рейдерам? // Безопасность бизнеса. - 2011. - № 1. - С. 30-35.

единолично. Групповой характер посягательств выявлен автором в 10% зафиксированных криминальных ситуаций.

В предыдущем параграфе уже отмечалось, что рассматриваемые составы не свойственны рейдерству, но характерны криминальным корпоративным конфликтам. В связи с тем, что теоретически мы предполагаем возможность совершения рассматриваемых посягательств ОПГ, занимающимися рейдерством, им будет дана краткая характеристика.

Можно проследить некоторую зависимость масштабов хозяйствующего субъекта и такого показателя как соучастие. Чем крупнее предприятие, тем выше процент соучастия при осуществлении преступной деятельности (Таблица 1, приложение 1).

Корпоративным конфликтам, разрешающимся криминальным установлением контроля над управлением, в большей степени подвержены предприятия малого и среднего бизнеса. Они обладают небольшим или средним уставным капиталом и оборотными средствами, и достаточно ограниченным составом собственников (владельцев ценных бумаг, долей в уставном капитале), чаще это общества с ограниченной ответственностью. Права их владельцев подвергаются посягательствам единоличных преступников или групп лиц, которые в основном являются собственниками ценных бумаг (долей) данного хозяйственного общества (партнерами по бизнесу), членами совета директоров или лицами, компетентными принимать решения, имеющие правовое значение.

В редких случаях посягательства, предусмотренные ст. 185.5 УК РФ, совершаются лицами в отношении экономической деятельности малых предприятий, к которым они не имеют непосредственного отношения.

В рамках уголовно-правовой характеристики большого внимания заслуживает характеристика преступников по их общественной опасности, анализ допреступного поведения. Прежде всего, необходимо отметить количество судимостей.

Примечательно, что для лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных статьями 185.4 и 185.5 УК РФ, не характерно наличие судимости, это в равной

степени относится к лицам, совершившим указанные противоправные деяния как в рамках рейдерских атак, так и криминальных корпоративных конфликтов. Исходя из данных приговоров по уголовным делам, изученных в рамках данного исследования, только в 1% случаев лица, виновные в совершении указанных преступлений, имели судимость.

Длительность назначения наказания в виде лишения свободы является значимым показателем уголовно-правовой характеристики и свидетельствует об общественной опасности преступления и характере личности осужденного. В результате исследования судебной практики по делам данной категории, можно увидеть, что в большинстве случаев единоличные преступники или лица, совершившие рассматриваемые посягательства в составе группы лиц по предварительному сговору, приговариваются к мере наказания, не связанной с лишением свободы. В основном наказываются штрафами, размер которых не превышает 200 000 руб., чаще с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать руководящие должности.

Так, мировой судья судебного участка №1 Гиагинского района Республики Адыгея в приговоре постановил «…суд считает, что обвинение в совершении преступлений предусмотренных ч.1 ст. 170.1 и ч.1 ст. 185.5 УК РФ, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Назначая Ч. наказание, суд учитывает характер и степень общественной опасности преступления, отнесенного законом к категории преступления небольшой тяжести, личность виновного, ранее судимого, характеризуемого по месту жительства положительно, не состоящего на учёте у врача нарколога, психиатра и фтизиатра, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельств, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Суд, учитывая все обстоятельства, считает, что исправление подсудимого и его перевоспитание возможно без изоляции от общества и лишения свободы, в связи с чем, считает необходимым назначить наказание в виде наложения штрафа.

Кроме этого, учитывая, что Ч. совершил вышеуказанные правонарушения с использованием своего должностного положения, суд в соответствии с ч. 3 ст. 47 УК РФ, полагает необходимым назначить ему дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных полномочий»[1].

Реальное лишение свободы применяется в исключительных случаях, при наличии отягчающих обстоятельств.

Из приговора по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 185.5; ч.1 ст. 170.1; ч.4 ст.159; ч.1 ст.306 УК РФ: «Назначая подсудимому наказание за совершенные преступления, суд учитывает характер и степень общественной опасности содеянного и его личность. Обстоятельством, отягчающим наказание подсудимого, является рецидив преступлений. Учитывая изложенное, суд не находит оснований для назначения подсудимому иного, не связанного с лишением свободы наказания и считает необходимым назначить С. наказание в виде лишения свободы с отбыванием его в соответствии с п. «в» ч.1 ст. 58 УК РФ в исправительной колонии строгого режима поскольку, по мнению суда, именно такое наказание будет соответствовать таким целям наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление подсудимого и предупреждение совершения новых преступлений. Принимая во внимание характер и степень общественной опасности содеянного, объем похищенного, личность подсудимого и, в том числе, его имущественное и семейное положение, оснований для назначения подсудимому дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы суд не находит. Признать виновным С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, и назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок один год без штрафа»[2].

---

[1] Дело № 1-43/1-14 Архив мирового суда судебного участка № 1 Гиагинского района Республики Адыгея / URL: http://giagr1.adg.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=5156

[2] Дело № 1-361/2011 Архив Центрального районного суда города Челябинска // Судебные и нормативные акты РФ / URL: http://sudact.ru

Такая позиция правоприменителя обусловлена общей концепцией неприменения наказания в виде лишения свободы в отношении преступников, совершивших противоправное деяние в сфере экономической деятельности.

Подобное отношение зачастую приводит к тому, что преступник, заведомо зная, что законодатель и правоприменитель к преступлениям в сфере экономической деятельности относится с большой долей гуманности, не боится совершать подобного рода преступления в надежде, что о них не станет известно, а, если станет, то существенного наказания он не получит. С одной стороны, подобный подход к вопросам «минимизации наказания», мягкому отношению к преступникам в сфере экономической деятельности, не способствует эффективному предупреждению подобных преступлений и тем более не соответствует общей концепции обеспечения экономической безопасности страны. С другой стороны, такой подход неприменения в отношении лиц, совершивших незаконное установление контроля над управлением хозяйствующим субъектом, оправдан отсутствием рассмотренных нами уголовно-правовых признаков объективной характеристики личности. Кроме того, замена лишения свободы на иные виды уголовного наказания способствует исключению дальнейшей криминализации личности под влиянием «специфической микросреды, зараженной «вирусом» криминальной субкультуры»[1], общепризнано, что места лишения свободы обладают высокой криминогенностью.

Отдельно необходимо рассматривать личность преступника, члена организованной преступной группы, промышляющей рейдерскими атаками на постоянной основе. Посягательства ОПГ чаще осуществляются в отношении экономической деятельности крупных и средних предприятий, обладающих существенными активами, когда выгода от получения контроля над таким предприятием значительно превышает расходы на осуществление его захвата.

---

[1] Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: Автореф. дисс. док. юрид. наук. - Тамбов, 2009. - С. 2.

Такие группировки имеют четкое вертикальное структурное построение, ориентированы на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, как в сфере экономической деятельности, так и общеуголовных. Деятельность таких ОПГ представляет собой вид криминального бизнеса. Ими разрабатываются схемы завладения имущественными комплексами, используя коррупционные связи, пробелы в законодательстве, силовые акции.[1]

Рейдерство в составе организованной группы предполагает значительную совокупность преступных деяний, направленных на завладение контролем над предприятием, которые при возбуждении уголовных дел квалифицируются по различным составам УК РФ. Как показывает практика рассмотрения дел о рейдерстве в судах, деяния рейдеров, если первоначально и квалифицируются следственными органами по ст.ст. 185.4-185.5 УК РФ, то в дальнейшем суды возвращают дела для устранения препятствий в их рассмотрении, либо переквалифицируют, либо в части совершения этих преступлений оправдывают. Практика осуждения рейдеров в составе ОПГ по указанным составам отсутствует. Однако, невозможно с полным убеждением отрицать существование подобных посягательств, совершаемых ОПГ в виду латентности рейдерской деятельности, и тем более, отвергать их совершение в будущем.

Криминологи дают различные классификации субъектов, задействованных в ОПГ.

Большой интерес представляет классификация, предложенная И.В. Нефедовым. Он выделил и дал криминологическую характеристику нескольким типам субъектов рейдерских захватов: заказчик, координатор, профессионал, солдат, коррупционер, каждый из которых выполняет свою особую роль.[2]

Руководствуясь судебной практикой, можно отметить, что состав такой преступной группы достаточно разнообразен. Помимо костяка группы

---

[1] Исаев О.Ю. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с противоправным установлением контроля над активами и управлением предприятия: Дис. … док.юрид. наук. - Москва, 2014. - С. 269-281.

[2] Нефедов И.В. Корпоративные захваты: явление, причины, профилактика. - СПб, 2014. - С. 143-151.

существует достаточно большой круг лиц, оказывающих содействие преступному установлению контроля над предприятием. Автор предлагает в составе такой преступной группы выделять наиболее характерных субъектов:

- организатора, чаще бизнесмена, владеющего крупным капиталом;

- специалистов в области экономики и юриспруденции;

- силовую структуру;

- лиц, на которых фиктивно оформляются правоустанавливающие документы или возлагаются организационно-распорядительные функции.

В большинстве случаев организатор представляется вполне законопослушным гражданином, ранее несудимым, являющимся руководителем крупного финансово-промышленного бизнеса, обладающим обширными связями в региональных и федеральных государственных органах. Организаторы редко привлекаются к уголовной ответственности.

Мозговым центром преступной группы, как правило, являются молодые, но при этом уже достаточно опытные, амбициозные специалисты в области экономики и юриспруденции. Эта категория высокообразованных, ранее несудимых лиц призвана, во-первых, выявить экономическую целесообразность захвата хозяйственного общества, во-вторых, обеспечить его правовое сопровождение, определить слабые места будущей жертвы: найти допущенные в ходе хозяйственной деятельности, регистрации эмиссии ценных бумаг и прочих документов ошибки, которые можно использовать в своих преступных целях, грамотно сфальсифицировать документы и пр. Они же составляют план действий, рассчитывают бюджет, необходимый для планируемых мероприятий.[1] Именно такими участниками ОПГ возможно выполнение объективной стороны деяний, предусмотренных составом статьи 185.5 УК РФ.

В качестве силовой структуры такой преступной группы могут привлекаться частные охранные предприятия, бывшие сотрудники правоохранительных

[1] Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративныхслияний и поглощений (рейдерских захватов): Дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2015. - С. 28.

органов или спецподразделений, бывшие спортсмены, ранее судимые лица. Они обеспечивают силовое воздействие для осуществления такого захвата, например, принуждают акционера хозяйствующего субъекта к голосованию определенным образом или отказу от голосования путем шантажа, угроз применения насилия и пр.

Лица, на которых фиктивно оформляются правоустанавливающие документы или возлагаются организационно-распорядительные функции, делятся на две подгруппы. Первая составляет круг лиц, приближенных к организатору: родственники, члены семьи, близкие друзья. Вторую группу составляют люди, которые за небольшую плату готовы формально стать собственником или руководителем захватываемого хозяйствующего субъекта.

Руководствуясь изученной практикой, можно отметить, что при совершении рейдерского захвата хозяйствующего субъекта организованной преступной группой, деяния лиц в нее входящих, квалифицируются по ст. 159, 170.1, 183, 185, 285.2, 327, 330 УК РФ. Необходимо отметить, что непонятной представляется логика законодателя, в том смысле, что если состав ст. 185.5 УК РФ вводился в дополнение к уже существующим «антирейдерским», то не предусмотреть квалифицирующий признак –совершение деяния в составе организованной группы, по меньшей мере – упущение.

Криминологическая характеристика лиц, входящих в такую организованную преступную группу, являлась задачей многих диссертационных исследований и не раз подробно описывалась в монографиях. Это связано с тем, что любая преступная деятельность, будучи организованной, всегда несет в себе большую общественную опасность. Можно заключить, что все те криминологические признаки лиц, входящих в ОПГ, занимающихся рейдерством, деяния которых были квалифицированны, например ст. 170.1, 185 УК РФ, и которые в последующем были неоднократно описаны при изучении этих составов, в полной мере соответствуют и составам ст. 185.4-185.5 УК РФ.

Ряд авторов полагают, что криминальное установление контроля над хозяйствующим субъектом носит исключительно групповые признаки[1], с такой точкой зрения согласиться сложно. Как показывает практика, большая доля преступлений данной категории совершается единолично. На фоне провозглашения на государственном уровне необходимости создания благоприятных экономических и правовых условий, а также защиты малого и среднего бизнеса, представляется необходимой подробная криминологическая характеристика единоличных субъектов - лиц, совершивших деяния в форме простого соучастия. Это позволит также работникам суда раскрыть мотивы противоправной деятельности и индивидуализировать наказание.

Для характеристики социально-демографических признаков автором предпринята попытка проанализировать совокупность статистических показателей, характеризующих рассматриваемую категорию преступников. При выявлении особенностей личности преступников, совершивших посягательства, предусмотренные ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, использовались результаты изучения материалов судебной практики (изучено 25 приговоров по уголовным делам за 2010-2016 гг.).

К социально-демографическим признакам относятся: пол, возраст, уровень образования, семейное положение, социальная принадлежность и так далее. Социально-демографические признаки позволяют получить общее представление о личности конкретных категорий преступников, сравнив их между собой. Важность социально-демографических признаков личности преступников подтверждается тем, что указанные характеристики личности фиксируются при

[1] Андреева Л.А. К вопросу о формах соучастия в рейдерском захвате (завладении) бизнесом // Актуальные вопросы права: материалы международной заочной научно-практической конференции (3 мая 2012 г.). - Новосибирск: Изд-во «Сибир. ассоц. консультантов», 2012. - С. 151-162; Ланцов П.П. Недружественные слияния и поглощения собственности как разновидность организованного мошенничества // Российский криминологический взгляд. - 2010. - № 4. - С. 402-404.

расследовании уголовных дел, а также при проведении оперативно-розыскных мероприятий[1].

Изучение судебной практики, связанной с воспрепятствованием осуществлению или незаконным ограничением прав и владельцев ценных бумаг, а равно с фальсификацией решения собрания акционеров или решения совета директоров хозяйственного общества, позволило установить процентное соотношение мужчин и женщин среди лиц совершивших такие деяния. Результаты исследования показали, что такие преступления совершаются в подавляющем большинстве случаев лицами мужского пола и лишь незначительная часть представительницами женского пола (ст. 185.4 УК РФ - 88% мужчин и 12% женщин, ст. 185.5 УК РФ – 79% мужчин и 21% женщин) (Таблица 2, приложение 1).

Тем не менее, представительницы женского пола также оказываются в поле зрения правоохранительных органов, в связи с совершением преступлений, предусмотренных ст. 185.4 – 185.5 УК РФ.

Так, С., будучи одним из участников и генеральным директором Общества с ограниченной ответственностью «Студия-ШИК», являясь, таким образом, лицом, осведомленным о состоянии дел в Обществе, имея умысел на незаконное приобретение права собственности на долю в размере 50% от Уставного капитала Общества, принадлежащей Н., приняла решение о незаконном захвате управления в ООО «Студия-ШИК» и внесении недостоверных сведений в п. 3.3 Устава Общества. С целью совершения указанного преступления она (Соловьева Л.В.), являясь лицом, длительное время осуществлявшим управленческие функции в ООО «Студия-ШИК», в том числе, по управлению имуществом и активами Общества, имея, таким образом, доступ к уставным и учредительным документам, а также печати Общества, разработала общий план совершения преступления. По итогам рассмотрения дела, действия С. суд квалифицировал по

[1] Коган В.М. Значение социально-демографических факторов для изучения причин преступности: Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 22. - М.: Изд-во «Юридическая литература»,1975. - С. 51.

ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, как умышленное воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью путем внесения в протокол общего собрания заведомо недостоверных сведений о кворуме и результатах голосования, несообщения сведений о проведении общего собрания участников, совершенные в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, признал ее виновной и вынес обвинительный приговор.[1]

Преобладание согласно вышеназванной статистике среди преступников лиц мужского пола не доказывает противоправную их ориентацию. Устойчивое преобладание мужчин связано лишь с их относительно большей активностью в сфере экономических отношений, а также с тем, что они традиционно преобладают в управленческом звене. В некоторых научных трудах обосновывается меньшая склонность женщин к совершению преступлений[2], что связано с психологией и социально-ролевой характеристикой полов. У представительниц женского пола в меньшей степени, чем у мужчин проявляется тяга к карьерному росту, самореализации в бизнес-сфере, а также нигилистическое отношение к запретам, излишняя уверенность в себе и зачастую присутствует приоритет семейно-бытовых интересов над интересами в сфере корпоративных отношений. В тоже время повышение преступной активности женщин связано с освоением ими ролей, прежде выполняемыми мужчинами (руководство хозяйствующим субъектом, владение собственным бизнесом и т.д.), усугубляемыми отсутствием возможности выполнения традиционных ролей матери, хозяйки и т.д.

Следующим немаловажным элементом социально-демографической характеристики личности преступника является возраст. В научной литературе многими учеными поддерживается точка зрения, что возрастные особенности

---

[1]Дело № 1-396/2013 Архив Тушинского районного суда г. Москвы //Судебные и нормативные акты РФ / URL: http://sudact.ru

[2]Лейкина Н.С. Криминология о преступнике. - Л., 1971. - С.12.

конкретного преступника находятся в тесной взаимосвязи с характером и формой преступной деятельности, так как на «каждом возрастном этапе развития личность, с ее социальным содержанием, неодинакова»[1].

По результатам изучения судебной практики можно сделать вывод, что лица в большинстве случаев совершают рассматриваемые преступления единолично в возрасте от 30 до 45 лет. Далее преступная активность значительно снижается. Возрастная структура лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, представлена в таблице 3 (Приложение 1).

В настоящее время в наиболее криминогенных сферах экономики активно принимает участие молодежь, поэтому можно отметить возрастающее число лиц в возрасте от 23 до 30 лет, совершающих указанные преступления.

Рассматривая молодежную группу, следует признать, что в таком возрасте еще не создан определенный круг условий, который благоприятствовал бы криминальным успехам в рассматриваемой сфере преступной деятельности. Это, прежде всего, отсутствие определенного статуса и должностного положения, способствующих совершению указанного рода преступлений, отсутствие опыта и необходимых профессиональных навыков. Участие или самостоятельное осуществление подобных афер, безусловно, требует достаточных знаний, умений, профессионализма и опыта. Типовая же модель преступной карьеры, начинающейся в молодости, чаще свидетельствует о склонности к более простым и легким вариантам преступной деятельности: торговле наркотиками, вымогательству, кражам и пр. Однако из всякого правила есть исключения, и среди молодежи встречаются лица, пытающиеся завладеть готовым бизнесом вместо того, чтобы создавать собственный с нуля.

Так, в декабре 2010 года 25-летняя уроженка г. Тольятти предоставила в налоговые органы документы, содержащие ложные сведения о том, что она является генеральным директором одного из хозяйственных обществ в целях

[1] Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. - М.: 1968. - С.57.

внесения в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) недостоверных данных. В январе 2011 года она воспрепятствовала свободной реализации права 50 % одному из учредителей общества при принятии решения на общем собрании участников, не сообщив ему о проведении общего собрания. В целях внесения в ЕГРЮЛ ложных сведений в январе 2011 года подозреваемая предоставила в налоговые органы документы, содержащие ложные сведения о том, что изменены размеры долей участников общества и номинальная стоимость. Вследствие чего, девушка незаконно отстранила генерального директора общества от руководства. Назначив себя генеральным директором, она незаконно увеличила свою долю в уставном капитале до 91%, что позволило ей в соответствии с уставом, без согласования с общим собранием участников общества, единолично распоряжаться средствами и имуществом общества в сумме более одного миллиона рублей.[1]

Лица старшего возраста почти не попадают в поле зрения правоохранительных органов в связи с рассматриваемыми противоправными деяниями, так как либо вообще не имеют представления об организации деятельности хозяйственных обществ, либо занимают такой социальный статус, который не предполагает участия в противоправных деяниях в сфере управления предприятием.

Можно констатировать, что рассматриваемые преступные деяния осуществляются экономически активной частью населения. Совершение преступлений, посягающих на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, в зрелом возрасте от 30 до 45 лет связано с «интеллектуальностью» таких посягательств и достижением определенного статуса в обществе. Возрастные ориентиры виновных фактически противоположны характеристикам общеуголовных преступников, но вполне соответствуют преступникам, совершающим посягательства в сфере экономической деятельности.

---

[1] Данные УМВД России по Тюменской области // Официальный интернет-сайт МВД России /URL: https://mvd.ru/news/item/163935

То обстоятельство, что определенная возрастная группа проявляет криминальную активность в сфере преступного установления контроля над хозяйственным обществом, объясняется рядом иных социально-демографических признаков. Бесспорным представляется тот факт, что фальсификация решений общества, воспрепятствование осуществлению или ограничение прав владельцев ценных бумаг требует от преступника наличия определенных знаний, возможностей, хороших аналитических способностей. Это обусловлено соответствующим уровнем образования, наличием определенного опыта в сфере экономики и управления хозяйственным обществом. Данные зависимости количества посягательств и уровня образования представлены в таблице 4 (Приложение 1).

Указанное подчеркивается и в решениях судов. Так, судья Егорьевского городского суда Московской области, вынося приговор по делу подсудимого Б., признавая его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 185.5 УК РФ отмечает «..в ходе судебного следствия, стороной обвинения была доказана вина Б. в том, что им были умышленно искажены результаты голосования при принятии решения на общем собрании участников ООО путем внесения в протокол общего собраниярешения об одобрении крупной сделки, заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших на данном собрании участников общества, кворуме и результатах голосования по вопросам избрания его директором ООО и одобрении крупной сделки, а именно продажи принадлежащего обществу недвижимого имущества – здания гаража с профилакторием… Суд, учитывая наличие у Б. высшего образования, большого жизненного опыта и длительного срока осуществления деятельности, связанной с руководством предприятием, считает, что подсудимый… не мог не знать о порядке проведения общего собрания участников, не мог не понимать, что при отсутствии разрешения участников ООО «(данные изъяты)», имеющих более чем 50% голосов от общего числа голосов на осуществление крупной сделки, он не

вправе был заключить с ООО «(данные изъяты)» договор купли-продажи недвижимого имущества…»[1].

Анализ судебной практики показывает, что лица, совершающие рассматриваемую категорию преступлений, имеют высокий образовательный уровень: высшее образование имели – 92%, из них высшее экономическое образование 63 %, высшее юридическое – 25%, иное – 12%. Примерно к таким же показателям пришли и другие исследователи..[2] Таким образом, наличие у указанных лиц хорошего образования не только не является существенным сдерживающим фактором и не оказывает антикриминогенного влияния, напротив, в определенном смысле способствует совершению рассматриваемых преступлений.

Корень данной проблемы видится автору в том, что сегодня происходит все больший разрыв между формальным уровнем образования и уровнем осознания личностью факта противоправности самого деяния, а также потребностью и психологической готовностью совершить преступление ради собственных корыстных побуждений в противовес соблюдению общественных или государственных интересов.

Необходимо отметить, что среди привлеченных к уголовной ответственности в соответствии со ст. 185.4-185.5 УК РФ есть небольшой процент с неполным высшим образованием — 5,3%, средним специальным и средним образованием — 2,6%. Этот факт позволяет сделать предположение, что среди преступников, посягающих на экономическую деятельность предприятия и право управления активами, есть от природы талантливые люди, самоучки, и решающую роль в их деяниях играли субъективные признаки вкупе с благоприятными внешними условиями.

---

[1] Дело № 1-332/13 Архив Егорьевского городского суда Московской области //Судебные и нормативные акты РФ / URL: http://sudact.ru

[2] Сергеев М.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями: Дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2008. - С. 80.

Для осуществления объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, необходим определенный уровень знаний и умений. Криминальное установление контроля над управлением хозяйствующим субъектом является достаточно высокоинтеллектуальным видом преступной деятельности. Именно знания и умения, полученные в рамках высшего образования, в особенности юридические и экономические, предопределяют возможность для лица совершить преступление, предусмотренное ст. 185.4 и 185.5 УК РФ.

Важное место в криминологической характеристике принадлежит социальному положению личности, так как позволяет определить, в каких социальных слоях наиболее высока концентрация субъектов указанных преступных посягательств. В рамках характеристики социального положения рассматриваются семейный статус и должностное положение.

Семья – это первая и основная ячейка социального бытия человека. В социальном аспекте семья является стабилизирующим фактором. Оценивая роль семейных отношений в линии поведения рассматриваемой категории лиц, необходимо высказать ряд суждений. Поскольку основная масса виновных – лица зрелого возраста, вполне закономерно, что они проявляли интерес к семейным отношениям. Однако антикриминогенную миссию это обстоятельство не выполняло по двум возможным причинам. Во-первых, сложное материальное положение в семье, например, наличие кредитных задолженностей и пр., при ее внешнем благополучии, зачастую несет в себе криминогенную нагрузку, поскольку внутренне обстановка не до конца благоприятная. Так, подсудимый Н., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, давая в судебном заседании показания, говорил об ухудшившихся отношениях с супругой, что побудило его на формальное переоформление 1/2 доли общества на Д., также привлекаемого по указанной статье.[1] Во-вторых, в нынешних российских реалиях, в условиях привитой современным гражданам идеи все

[1] Дело № 1-1/2014 Архив Судебного участка №1 г. Муравленко (Ямало-Ненецкий автономный округ) // ГАС «Правосудие» / URL: https://sudrf.ru/

возрастающего потребления наиглавнейшей задачей становится обеспечение материального благополучия своей семьи.Если это удается, приводится в действие корыстная мотивация, стремление к большим доходам, что, в известной степени, стимулирует противоправное поведение.

Согласно полученным автором в ходе исследования данным, около 70% лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 185.4 – 185.5 УК РФ, состояли в фактическом или гражданском браке, имели детей. Внешне семейное положение указанных лиц выглядело вполне благополучным, однако взаимоотношения в семье не всегда были устойчивыми. Около 20% лиц указывали, что члены их семей неудовлетворительно оценивали материальное положение и сетовали на отсутствие предполагаемых доходов от занимаемой в хозяйственном обществе должности.

Должностное положение личности, в рамках рассматриваемой категории преступлений имеет особое значение, так как именно этот признак зачастую предопределяет возможность для лица совершить изучаемые преступные деяния. 80 % лиц, совершивших указанные посягательства, занимали должности, связанные с управлением или распоряжением активами юридического лица, с руководством деятельностью хозяйственного общества, то есть выполняли организационно-распорядительные функции и административно-хозяйственные обязанности.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 201 УК РФ выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации признается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации независимо от формы собственности, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

Изучение правоприменительной практики показало, что по фактам совершения противоправных деяний правоохранительные органы проводили

проверку в отношении таких лиц как: члены совета акционеров или директоров, председателей правлений, генеральных и исполнительных директоров, управляющих, заместителей руководителей, руководителей структурных подразделений.

Именно такие должности предусматривают лицам возможность использовать в качестве средства обеспечения своих корыстных интересов, свои полномочия вопреки законным правам других членов хозяйственного общества.

Так, К., являясь генеральным директором Общества, в соответствии с п. 2 ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ и Уставом ЗАО «Ч.» К., наделенный соответствующими полномочиями, совершил пять фактов фальсификации решений общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров при обстоятельствах, изложенных в приговоре Суда Железнодорожного района г. Читы. Его действия были квалифицированны по ч. 1 ст. 185.5 УК РФ[1].

Рассмотрение социального положения личности преступника, совершившего посягательство, связанное с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, в частности, семейный статус и должностное положение, позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на то, что в социальном аспекте семья является стабилизирующим фактором, зачастую неблагоприятная семейная обстановка, сложное материальное положение несут в себе криминогенную нагрузку, способствующую совершению преступлений, предусмотренных ст. 185.4 и 185.5 УК РФ. Должностное положение личности, в рамках рассматриваемой категории преступлений имеет особое значение, так как именно должность, связанная с управлением или распоряжением активами юридического лица, с руководством деятельностью хозяйственного общества, дает возможность лицу осуществить рассматриваемую преступную деятельность.

Проведенный анализ уголовно-правовых и социально-демографических признаков, характеризующих личность преступников, совершающих

[1] Дело № 1-141-2014 Архив суда Железнодорожного района г. Читы // ГАС «Правосудие»/ URL: https://sudrf.ru/

рассматриваемую категорию посягательств, бесспорно, позволяет наметить пути предупреждения таких преступных деяний. Однако только эти признаки без исследования внутреннего мира личности преступника не могут в полной мере раскрыть причины подобных посягательств.

Что побуждает успешных, образованных людей совершать рассматриваемые преступления – низкие нравственные и моральные качества, которые далеко не всегда соответствуют диплому об образовании, низкие ценностные ориентации, отдельные психологические установки?

Для более полной картины, отражающей истинность рассмотренных криминологических признаков, необходимо обратиться к социально-психологической подсистеме личности, раскрывающей интересы, потребности, морально-нравственные позиции личности, развитость ее воли и чувств. Указанные признаки определяют степень устойчивости личности к воздействию внешних негативных факторов.

Преступники, посягающие на охраняемые статьями 185.4-185.5 УК РФ общественные отношения, как правило, умеют управлять своими внутренними процессами и состояниями. Успешное выполнение преступного умысла требует профессионально-психологической ориентированности личности. Таким лицам характерны: амбициозность, стремление к материальному благополучию, коммуникативные качества, умение владеть собой в сложных ситуациях, хорошие аналитические способности, профессиональная наблюдательность, конкретность мышления, способность подчинять себе волю противника, принимать необходимые решения, способность преобразовывать информацию, готовность к риску. Фактор риска играет в данном случае весомую роль. Современное психологическое воздействие на человека зиждется на пропаганде рыночного механизма хозяйствования, цель которого оправдывает любые средства.

Все вышеперечисленные внутренние качества характерны лицам с положительной направленностью. Однако общеизвестно, что преступление – это проявление в поведенческом девиантном акте определенных особенностей личности, связанных с деформацией потребностей, интересов, ценностных

ориентаций в процессе жизнедеятельности. Криминогенные особенности личности являются результатом длительного процесса ее искаженного развития в неблагоприятной среде.[1] Поэтому изменение поведения, появление склонности к правонарушениям, пренебрежению законом, интересами общества и государства, скорее всего, связано с переменами в жизни всего российского общества, начавшимися в 90-е годы XX века и продолжающимися по сей день.

В наше время материальное благополучие, высокий жизненный уровень, успешность в карьере заняли наивысшее место в системе ценностей общества. Практически любой человек вынужден преодолевать большие сложности, чтобы создать материальное благополучие, обеспечить достойное существование себе и своей семье. Характерная черта современного общества такова, что большинство людей нацеливаются на такую систему ценностей. Однако государство до настоящего времени не создало условий для ее достижения исключительно законным путем. Более того, государство в течение двух последних десятилетий вследствие собственной неграмотной внутренней и внешней экономической политики создает ситуации, при которых происходит массовое обнищание населения, осуществляется криминальный передел собственности и прочие шоковые потрясения. В этом кроется виктимный аспект деятельности государства. Этим оно подталкивает людей, занятых в сфере бизнеса, к девиантному поведению. В последние два десятилетия достаточно открыто доводилась до населения информация о возможностях криминального накопления капитала, реализация различных схем рейдерства и пр., и при этом, все эти преступления зачастую оставались безнаказанными.

В таких условиях потребностно-мотивационная сфера, являясь доминирующей ориентацией, может обуславливать отклоняющееся, преступное поведение корыстной направленности личности. Личность находится перед соблазном совершения преступления небольшой тяжести, которое поможет

[1] Изосимов С.В., Кузьменко В.С. Характеристика личности субъектов, совершающих преступления в сфере экономической деятельности с использованием должностных полномочий // Вестник Чебоксарского кооперативного института. - 2009. - № 1. - С. 142-150.

быстро достичь желаемого материального благополучия или решить конфликт наиболее коротким путем. Конечно, необходимо отметить, что при совершении данного вида преступлений мотивы могут быть различными: корысть, сосредоточение в своих руках руководства компанией, нежелание делиться прибылью, повышение собственного социального статуса, желание доказать собственное превосходство, завоевать авторитет. Во всяком случае, экономическая политика государства долгое время создавала тепличные условия для совершения преступных деяний в сфере экономики. Конечно, человек, находясь под воздействием такой виктимной политики государства, может и не допустить преступного поведения, обладая высокой долей нравственного здоровья или боясь быть привлеченным к ответственности. Взаимодействие личности и внешней среды предполагает, что личность избирательно относится к ее сигналам, нормам и требованиям и меняет эту среду в соответствии со своими деформированными потребностями и мотивацией. Таким образом, решающую роль в формировании личности преступника играет субъективный момент – решимость лица совершить преступное деяние, который связан со всеми рассмотренными признаками и обстоятельствами и в совокупности образует систему условий, необходимых для совершения преступления, предусмотренного статьями 185.4 и 185.5 УК РФ.

Полезно отметить еще несколько существенных характеристик в социально-психологической подсистеме личности преступника, посягающего на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. Проведенный нами опрос участников корпоративных отношений, в отношении которых по их убеждению совершались рассматриваемые посягательства, сотрудников правоохранительных органов и лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, показал, что важнейшими признаками девиантной направленности личности в данном случае являются:

- негативно-пренебрежительное отношение к важнейшим правам человека, закрепленным Конституцией Российской Федерации – праву на свободную экономическую деятельность, праву на частную собственность;

-корыстные и частнособственнические взгляды. Совершение посягательства, предусмотренного ст. 185.4 или 185.5 УК РФ, обусловлено не эмоциональным состоянием личности, а трезвым расчетом. Это следствие коммерциализации жизни общества, усиление противоречий между духовными и материальным началами.

Таким образом, социально-психологическая подсистема личности преступника, посягающего на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, характеризуется набором положительных волевых качеств: амбициозность, умение владеть собой в сложных ситуациях, хорошие аналитические способности, профессиональная наблюдательность, конкретность мышления и т.д., находящихся в диссонансе с девиантной мировоззренческой позицией противопоставления своих корыстных интересов как обществу в целом, так и конкретным участникам корпоративных отношений, в совокупности с искаженной системой ценностей, где благополучие, высокий жизненный уровень, успешность в карьере превалируют над правосознанием и правопослушностью.

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо отметить следующее.

Изучение особенностей личности преступника, совершающего преступления, предусмотренные ст. 185.4 или 185.5 УК РФ, уместно говорить о двухуровневой структуре. Во-первых, о личности преступника, являющегося членом ОПГ, занимающейся криминальным бизнесом по осуществлению рейдерских захватов, и во-вторых, личность преступника, совершившего единолично или в составе группы лиц по предварительному сговору единичное деяние, предусмотренное ст. 185.4 или 185.5 УК РФ.

Личность преступника, осуществившего посягательство, предусмотренное ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, в рамках корпоративного конфликта, представляет собой совокупность свойств и качеств лица, умышленно совершившего такое деяние, зачастую, в связи с наличием у него соответствующего должностного статуса, укоренившихся в сознании за годы переходного периода нашей страны антиправовых форм установления контроля над хозяйствующими субъектами, предопределяющих его противоправную линию поведения.

Рассмотренные признаки, характеризующие личность преступника, совершившего вышеуказанное деяние, позволяют составить обобщенную картину личности преступника, которая представляет собой довольно интересное с точки зрения криминологии лицо. Это чаще всего мужчина в возрасте от 30 до 45 лет, на момент совершения преступления, как правило, состоящий в браке, имеющий детей, высшее образование, обладающий достаточно высоким интеллектуальным уровнем развития, ранее несудимый и при всей этой совокупности антикриминогенных факторов попадающий в категорию асоциальных лиц. Корень проблемы видится в непродуманной социально-экономической политике государства, оказывающей негативное воздействие на лиц, занятых в сфере управления экономической деятельностью хозяйственных обществ.

Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего деяние, предусмотренное ст. 185.4-185.5 УК РФ, диктует необходимость принятия ряда мер, способных обеспечить противодействие рассматриваемой преступности.

Поскольку ключевыми моментами в формировании личности посягающего на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом являются субъективный момент, то есть готовность лица преступить закон, и виктимный аспект деятельности государства, необходимо сочетание специальных профилактических мер с индивидуально-профилактическими и общепрофилактичекими. Индивидуально-профилактические меры призваны воздействовать на личность таким образом, чтобы удержать потенциально склонных к противоправному поведению от совершения посягательства. К таким мерам можно отнести: развитие программ повышения правовой культуры, спецкурсы для молодежи и лиц среднего возраста, занятых в среднем и малом бизнесе, а также собирающихся заниматься любыми видами предпринимательской деятельности, проведение тренингов по процедурам медиации – урегулирования корпоративных конфликтов. Объектом индивидуально-профилактической работы должны стать студенты экономических и юридических вузов, у которых необходимо развивать стереотип легитимного

поведения, чтобы обезопасить их от соблазна извлечь выгоды для себя противоправным путем, в том числе, завладеть чужим бизнесом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившиеся на этапе перестройки социально-экономические условия в России, активное перераспределение собственности на фоне существенных упущений в правовом регулировании перехода прав корпоративного контроля, слабая система государственного регулирования такого контроля, несоответствие нормативно-правовой базы сложившимся социально-экономическим условиям, отсутствие эффективной политики государственного управления в Российской Федерации предопределило криминализацию корпоративных отношений, появление различных способов посягательств, направленных на противоправное установление контроля над хозяйствующими субъектами. Участникам корпоративных отношений свойственно постоянное стремление к установлению контроля над хозяйствующим субъектом. Объективно сложившаяся в постсоветской России неэффективная модель корпоративного управления перманентно заложила основу для ее смены, в том числе и криминальными средствами.

Под незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом понимаются действия (бездействие) участников корпоративных отношений, нарушающие законодательно определенный порядок установления возможности для участника корпоративных отношений влиять на деятельность, законные права участников корпорации, определять судьбу имущества хозяйствующего субъекта, стратегические, тактические и управленческие решения.

Современная преступная деятельность, связанная с незаконным установлением контроля над хозяйствующим субъектом, окончательно сформировалась со всеми присущими ей признаками и преобладанием высокоинтеллектуальных псевдо-легальных способов противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами с 2003 по 2008 год.

В связи с массовым применением псевдо-легальных способов установления контроля над хозяйствующими субъектами установленный законом порядок функционирования корпоративных отношений значительно деформировался.

Такая деформация стала реальной угрозой не только корпоративным отношениям, но представляла значительную общественную опасность для развития российской экономики. На такие угрозы государство обязано было реагировать. Так, корпоративные отношения из ноумена или «вещи в себе» стали превращаться в феномен или «вещи для нас». Начала происходить активная криминализация общественно опасных деяний связанных с этим феноменом.

Рассматривая незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом через призму отношения субъекта преступления к организации-цели и степени организованности совершаемых посягательств, можно выделить два направления таких посягательств: криминальный корпоративный конфликт и рейдерство. Содержание этих понятий ставится в зависимость от того, какое отношение имеет субъект преступления к хозяйствующему субъекту (является ли он одним из собственников или руководителем, например), целям посягательства (рейдеры преследуют цель захвата активов предприятия, а не получение каких-либо дополнительных корпоративных прав или привилегий. Получение контроля над хозяйствующим субъектом для рейдеров — это промежуточный этап, поскольку именно получение такого контроля обеспечивает доступ к имуществу хозяйствующего субъекта. Таким образом, рейдерство – это посягательство, в первую очередь, на собственность, но не на корпоративные права), а также степени организованности совершаемых противоправных деяний (аксиомой является факт большей степени организованности рейдеров).

Сегодня ни один из видов юридической ответственности, кроме уголовной, не способны создать надежный барьер для рейдеров и недобросовестных участников корпоративных отношений. Криминализация деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующими субъектами, предпринятая в рамках ст. ст. 185.4 и 185.5 УК РФ, соответствует общепризнанным научным критериям криминализации деяний, и на момент принятия данных норм являлась социально обусловленной.

Однако, правоприменительная практика сегодня испытывает существенные сложности из-за того, что разработчики вышеуказанных уголовно-правовых норм

исходили из социальных, экономических и политических условий периода становления корпоративных отношений и могли лишь отчасти спрогнозировать дальнейшее развитие общества. Незрелость прогноза проявилась в недостатках законодательной техники, явных противоречиях положений диспозиции статьи. Современные формулировки диспозиций ст.ст. 185.4, 185.5 УК РФ не позволяют эффективно бороться с преступлениями, посягающими на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, поэтому возникла необходимость их пересмотра.

Законодатель, введя уголовную ответственность за преступления, направленные на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, в рамках предупредительной функции уголовного закона, с одной стороны, криминализировал один из возможных способов рейдерского захвата, с другой, – нашел меры уголовно-правовой защиты прав участников корпоративных отношений при внутренних корпоративных конфликтах.

Обращение к опыту зарубежной регламентации уголовно-правовых запретов деяний, направленных на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом, позволило выделить три направления работы в этой сфере. Первое характерно странам англосаксонской системы, в которых искоренение подобных деяний осуществляется посредством детальной регламентации перехода корпоративного контроля в гражданско-правовой сфере в отсутствии их запрета в уголовном законе. Второе направление предполагает установление рядом стран общих уголовно-правовых запретов, позволяющих в случае необходимости применять их к преступникам, совершившим деяние, направленное на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом. Третье направление связано с криминализацией некоторыми странами в уголовном законе различных способов противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами. Россия в настоящее время придерживается третьего направления, в рамках которого были введены ст. 185.4 и 185.5 УК РФ. С учетом изменчивости способов противоправного установления контроля над хозяйствующими субъектами полезно постепенно, с учетом российских реалий перенимать и

адаптировать опыт стран первых двух направлений. В частности существенное внимание должно быть уделено опыту англосаксонской системы, в которой подобные деяния искореняются не посредством их запрета в уголовном законе, а посредством более детальной регламентации перехода корпоративного контроля в гражданско-правовой сфере.

Родовой объект преступлений, предусмотренных ст. ст.185.4 и 185.5 УК РФ, представляет собой комплекс общественных отношений, обеспечивающих соблюдение уставленного законом порядка, касающегося производства, обмена и распределения общественного продукта в рамках капиталистического способа производства.

Сегодня большинство сотрудников правоохранительных органов, менеджеров компаний, акционеров, преподавателей юридических вузов считают, что в случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг, инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов речь идет о правах, упомянутых в любом нормативном акте и не противоречащих закону. Сложившаяся ситуация свидетельствует о негативной тенденции в понимании сущности данной уголовно-правовой нормы, которая может изменить правоприменительную практику в сторону, явно противоречащую закону.

Из всех владельцев ценных бумаг только владельцы закрытого паевого инвестиционного фонда, облигаций, акций имеют право на участие в общем собрании. Именно эти субъекты являются участниками корпоративных отношений, связанных с управлением. Следует иметь в виду, что владельцы облигаций, акций обладают такими правами не только сами по себе , но и в рамках закрытого паевого инвестиционного фонда (ЗПИФа), т.к. существуют ЗПИФы облигаций, смешанных инвестиций и акций.

В случае иного воспрепятствования или незаконного ограничения установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг и инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов речь идет о правах, связанных с участием в общем собрании владельцев, фактически только для владельцев облигаций, акций, инвестиционных паев

закрытых инвестиционных фондов. Выделив в части корпоративных отношений «часть, касающуюся участия в корпорации» не всех владельцев ценных бумаг, а лишь владельцев эмиссионных ценных бумаг и владельцев паевых инвестиционных фондов законодатель по существу не изменил круг участников охраняемого уголовным законом общественного отношения. Это те же участники, которые являлись субъектами корпоративных отношений, связанных с управлением.

Видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 185.4 185.5 УК РФ является комплекс общественных отношений, характеризующий легально уставленный порядок контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 185.4 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с установленным законом порядком реализации прав субъектов корпоративных объединений, касающихся участия и управления в них. Частью таких управленческих отношений, на которые сделал акцент сам законодатель, является установленный им порядок корпоративного контроля за деятельностью акционерного общества, закрытых паевых инвестиционных фондов и владельцев облигаций.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, можно считать общественные отношения, касающиеся установленного легального порядка корпоративного контроля. Охраняемые ст.185.4 УК РФ общественные отношения носят дуалистический характер. Общественные отношения, охраняемые ст.185.5 УК РФ, являются защищающими.

С учетом современных тенденций в экономике и праве необходимо однозначно оценить общественные отношения, охраняемые ст. 185.4, 185.5. УК РФ, как защищающие, т.е. управленческие и комплексные отношения между физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и государством, урегулированные нормами публичных отраслей права, предназначенные для нормального функционирования защищаемых отношений или их неприкосновенности. Результатом такой оценки должна стать новая уголовно-правовая норма , объединившая в себе элементы обоих составов преступлений,

предусмотренных ст. 185.4, 185.5. УК РФ . Формулировка новой статьи должна исключить уголовно-правовую охрану корпоративных отношений, связанных с участием в корпоративном объединении.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 185.4, 185.5. УК РФ, носит смешанный характер и может выражаться как форме действия, так и в форме бездействия.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.185.4 УК РФ, сформулирована как воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав. Воспрепятствование и ограничение не являются синонимами, но взаимно дополняют друг друга по смысловому содержанию. Воспрепятствовать –значит не дать осуществиться праву. При ограничении право может быть осуществлено, но уменьшено в какой-то своей важной части, влияющей на конечный результат.

В диспозиции ст. 185.4 УК РФ законодатель дает перечень деяний, которые составляют сущность воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг:

- незаконный отказ в созыве общего собрания владельцев ценных бумаг;

- незаконное уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг;

- незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании;

- проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума;

- иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов. По сути, законодатель определяет здесь формы (способы) воспрепятствования осуществлению и незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг. Причем указание на иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение предполагает, что перечень этих способов законодатель не ограничил.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, представлена такими деяниями как:

- искажение результатов голосования всегда представлено в форме действия. Законодатель в ст.185.5 УК РФ четко определил , что под искажением результатов голосования следует понимать внесение в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о результатах голосования. Таким образом, ограничиваются права участника, которое он высказал в ходе голосования. Вполне уместно в данном случае, используя терминологию ст.185.4 УК РФ, говорить об ограничении прав при принятии решения на общем собрании участников хозяйственных обществ;

- воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения. Как было сказано ранее, воспрепятствование может быть представлено как в форме действия, так и бездействия. Особенностью воспрепятствования осуществлению прав владельцев ценных бумаг, предусмотренных ст. 185.4 УК РФ, и воспрепятствовании свободной реализации права при принятии решения, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, является то, что законодатель в ст. 185.5 УК РФ по существу говорит об однопорядковых категориях. Статья 185.4 УК РФ указывает на «воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав». В ст.185.5 УК РФ говорится о «воспрепятствовании свободной реализации права при принятии решения». Свободная реализация права и осуществление такого права– это одно и то же.

«Воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения» не умещается в понятие фальсификации. Это более объемная категория по сравнению с фальсификацией. Последняя резюмирует наличие какого-то решения (документа), которое фальсифицируется. А воспрепятствование возможно еще на стадии подготовки такого решения (документа). Поэтому более корректно с точки зрения законодательной техники и понимания устоявшихся категорий

уголовного права в названии ст. 185.5 говорить о воспрепятствовании и ограничении свободной реализации права при принятии решения. Все вышесказанное позволяет говорить о принципиальной похожести объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 185.4 и ст. 185.5 УК РФ. Содержание объективной стороны обеих статей охватывается категорией «воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев (участников)».

Конкретизируя объективную стороны анализируемых нами составов преступлений законодатель «развел» конкретные формы «воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев (участников)» по разным уголовно-правовым нормам, потому что, формулируя ст. 185.5 УК РФ в 2010 году, пытался исправить концептуальные недостатки ст. 185.4 УК РФ, принятой в 2009 году, повысить эффективность охраны корпоративных отношений, обеспечить раннюю профилактику рейдерских захватов.

Законодатель в ст.ст. 185.4,185.5 УК РФ, детализируя объективную сторону данных составов преступлений, помимо обязательных ее признаков фиксирует и факультативные признаки в диспозициях вышеуказанных статей, что, с одной стороны, утяжеляет их а, с другой стороны, свидетельствует о внимательном, детально проработанном отношении законодателя к этой проблеме. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст.185.4 УК РФ, таким факультативным признаком, который стал обязательным, является обстановка совершения данного преступления, которая характеризуется отсутствием необходимого кворума при проведении общего собрания.

В диспозиции ст.185.5 УК РФ указывается на такие факультативные признаки объективной стороны как способ и место совершения преступления.

Способы (пути) совершения, предусмотренного ч.1 ст.185.5 УК РФ, законодателем перечислены очень подробно и чётко ограничены:

- внесение в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных

сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования. Протокол, а равно иные отражающие ход и результаты голосования документы не являются официальными документами. Поэтому их фальсификация влечет ответственность не по ст. 327 УК РФ, а по ст. 185.5 УК РФ;

- составление заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании;

- заведомо недостоверный подсчет голосов;

- заведомо недостоверный учет бюллетеней для голосования;

- блокирование фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию;

- ограничение фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию;

- несообщение сведений о проведении общего собрания акционеров (участников) или заседания совета директоров (наблюдательного совета) либо о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета);

- сообщение недостоверных сведений о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета);

- голосование от имени акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) по заведомо подложной доверенности, лицом, заведомо не имеющего полномочий;

- принятие незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества;

- принятие незаконного решения об одобрении крупной сделки;

- принятие незаконного решения об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность;

- принятие незаконного решения об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества);

- принятие незаконного решения об избрании членов совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества;

- принятие незаконного решения о досрочном прекращении полномочий членов совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества;

- принятие незаконного решения об избрании управляющей организации либо управляющего;

- принятие незаконного решения об увеличении уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций;

- принятие незаконного решения о реорганизации;

- принятие незаконного решения о ликвидации хозяйственного общества.

Подробное перечисление способов совершения преступления, во-первых, затрудняет правоприменителю понимание самой сущности статьи, не отвечает требованиям законодательной техники. Вряд ли оптимальным можно назвать формулировку при существующем положении ст.185.5 УК РФ, которая на указанные в статье способы, обозначенные в диспозиции термином «путем» и конкретно описанные, накладывает новые способы совершения данного преступления, охватывающиеся термином «посредством» также четко определенные в диспозиции статьи.

Во-вторых, четко иллюстрирует, что многие из перечисленных способов практически зеркально повторяют методы, указанные в ст. 15.23.1.Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающиеся нарушений требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров, участников обществ с ограниченной (дополнительной) ответственностью и владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов. Объективная сторона административного проступка и преступления на сегодняшний день абсолютно идентична. Правда, законодатель разделил эти деяния по субъективной стороне, указав в ст.185.5 УК РФ на цель преступления. Но данная цель не отрицается и при совершении административного проступка. В нашем случае было бы уместно оптимизировать

конструкцию диспозиции ст.185.5 УК РФ и вернуться к предложению о применении в данной статье административной преюдиции.

В-третьих, анализ методов совершения преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, позволяет утверждать, что многие из них, бесспорно, зеркально повторяют элементы объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.185.4 УК РФ.

В-четвертых, четкая конкретизация способов совершения преступления снижает эффективность охраны законного порядка установления корпоративного контроля, так как описать в законе все способы невозможно. Формальность в этом случае вредит делу, создает проблемы при правоприменении.

Анализ содержания объективной стороны преступления, предусмотренного ст.185.4 и ст.185.5 УК РФ, показал фактическое совпадениеосновополагающих элементов объективной стороны этих преступлений в части, касающейся незаконного воспрепятствования или ограничение прав участников, без указания конкретных способов совершения этих деяний. Данный факт может служить объективным основанием к возможной фактической и юридической интеграции двух самостоятельных уголовно-правовых норм (ст.ст.185.4,185.5УК РФ) в одну. В новом формате объективная сторона преступления должна носить смешанный характер и представлять собой незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, представлена умышленной формой вины в виде прямого умысла. Цель преступления, предусмотренного ст.185.5 УК РФ, одна–незаконный захват управления в юридическом лице. Такая формулировка цели противоречит положениям самой диспозиции данной нормы, где говорится о совершении « в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о…ликвидации хозяйственного общества». Выходом из создавшейся ситуации, который бы оставил в силе законодательную

превентивную идею, могло бы послужить указание в качестве цели установление контроля.

Субъект преступления, предусмотренный ст. ст. 185.4,185.5 УК РФ, общий. Им может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, которое воспрепятствует осуществлению или незаконно ограничивает права владельцев ценных бумаг или фальсифицирует решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества.

В целях разделения уголовной и административной ответственности, обеспечения эффективности охраны корпоративных отношений целесообразно наделить общий субъект таким признаком как ранее привлечение к административной ответственности.

Оптимальная редакция новой уголовно-правовой нормы, охраняющей легально установленный порядок корпоративного контроля: «« незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов с целью установление контроля за деятельностью хозяйствующего субъекта, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние».

С криминологической точки зрения существование рейдерства и корпоративных конфликтов, разрешающихся преступным путем, указывает на продолжающееся развитие экономических отношений в России по криминальному вектору. В последние годы сложились несколько характерных тенденций криминального установления контроля над хозяйствующим субъектом. Во-первых, такая преступная деятельность четко разделилась на два уровня: рейдерство и криминальный корпоративный конфликт. Во-вторых, вектор посягательств смещается от крупного бизнеса в сторону среднего, несколько реже малого, так как они являются менее защищенными. В-третьих, изменилась отраслевая структура рассматриваемой преступной деятельности: все больше криминальных явлений подобного рода наблюдается в торговле,

машиностроении, в сфере недвижимости, пищевом секторе, сельском хозяйстве, легкой промышленности, все больше происходит смещение географии посягательств из цента на периферию.

Введение ст. 185.5 УК РФ имеет положительный результат в борьбе с криминальными последствиями корпоративных конфликтов, ее охранительная функция в отношении рейдерства достаточно спорна. Статья 185.4 УК РФ на сегодняшний день практически не применяется, дела по ней, если и возбуждаются, то не доходят до суда.

Рейдерство и корпоративные конфликты будут развиваться и далее во всех без исключения видах экономической деятельности. Введения «антирейдерских составов» недостаточно для борьбы с такими негативными общественно опасными явлениями, необходима разработка комплексных мер противодействия, в том числе специальных мер предупреждения. В рамках специальных мер предупреждения необходимо сбалансировать административную и уголовную ответственность, предусмотрев следующие изменения ст. 15.23.1 КоАП: «незаконное воспрепятствование осуществлению или ограничение прав участников хозяйственных обществ, владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов». При этом, необходимо привести ее в соответствие со ст. 15.20.КоАП РФ, убрав из данной нормы «за исключением случаев, предусмотренных частями 1, 2, 4, 5, 8 и 10 статьи 15.23.1 настоящего Кодекса».

Необходимо сочетание индивидуально-профилактических мер наряду с общепрофилактичекими, поскольку ключевыми моментами в формировании личности посягающего на незаконное установление контроля над хозяйствующим субъектом являются субъективный момент, то есть готовность лица преступить закон, и виктимный аспект деятельности государства. К индивидуально-профилактическим мерам можно отнести: развитие программ повышения правовой культуры, спецкурсы для молодежи и лиц среднего возраста, занятых в среднем и малом бизнесе, а также собирающихся заниматься любыми видами предпринимательской деятельности, проведение тренингов по процедурам

медиации – урегулирования корпоративных конфликтов. Объектом индивидуально-профилактической работы должны стать студенты экономических и юридических вузов, у которых необходимо развивать стереотип легитимного поведения, чтобы обезопасить их от соблазна извлечь выгоды для себя противоправным путем, в том числе, завладеть чужим бизнесом.

Вышеназванные меры не будут эффективными без обеспечения стабильности политического устройства России, укрепления вертикали власти, непримиримой борьбы с коррупцией, обеспечения грамотной работы Федеральной службы по финансовым рынкам, создание реально работающих профсоюзов. Необходимы меры по созданию разветвленной сети третейских судов, разрешающих споры в экономической деятельности.

При анализе личности преступника, совершающего посягательства, предусмотренные ст. 185.4 или 185.5 УК РФ, уместно говорить о двухуровневой структуре. Во-первых, о личности преступника, являющегося членом ОПГ, занимающейся криминальным бизнесом по осуществлению рейдерских захватов, и во-вторых, личность преступника, совершившего единолично или в составе группы лиц по предварительному сговору единичное деяние, предусмотренное ст. 185.4 или 185.5 УК РФ.

Личность преступника, совершившего вышеуказанное деяние, предусмотренное ст. 185.4 или 185.5 УК РФ, выглядит следующим образом: это мужчина в возрасте от 30 до 45 лет, на момент совершения преступления, как правило, имеющий высшее образование, обладающий достаточно высоким интеллектуальным уровнем развития, состоящий в браке, ранее несудимый, и при всей этой совокупности антикриминогенных факторов попадающий в категорию асоциальных лиц. При всей положительности социально-психологическая подсистема личности преступника характеризуется девиантной направленностью, проявляющейся в негативно-пренебрежительном отношении к важнейшим правам человека, в частности праву на свободную экономическую деятельность, корыстных и частнособственнических взглядах, обусловленных не эмоциональным состоянием личности, а трезвым расчетом, искаженной системе

ценностей, где благополучие, высокий жизненный уровень, успешность в карьере превалируют над правосознанием и законопослушанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 5.12.1994. - № 32. - Ст. 3301. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 259–ФЗ).

2. Уголовный кодекс РФ 2017 / URL: http://www.ukrfinfo.ru

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах от 09 февраля 2009 № 9-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 16.02.2009. - № 7. - Ст. 777. (в посл. ред. Федерального закона 23 июля 2013 № 249-ФЗ)

4. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. - 28.12.2002. - № 4. - Ст. 251. (в посл. ред. Федерального закона от 1 июля 2017 г. № 155-ФЗ).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 29.12.1996. - № 32. - Ст. 3301. (в посл. ред. Федерального закона от 29июля 2017 г. № 259 - ФЗ).

6. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 12.05.2014. - № 19. - Ст. 2304. (в посл. ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ).

7. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1.01.1996. - №1. - Ст.1. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ).

8. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ // Собрание законодательства. - 22.04.1996. - № 17. - Ст. 1918. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 164-ФЗ).

9. Кодекс торгового мореплавания (КТМ РФ) от 30 апреля1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.05.1999. - № 18. - Ст. 2207. (в посл. ред. Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 177-ФЗ).

10. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 3.12.2001. - № 49. - Ст. 4562. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 281-ФЗ).

11. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 31.12.2012. - № 53 (часть I). - Ст. 7627. (в посл. ред. Федерального закона от 4 марта 2013 № 21-ФЗ)

12. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 31.07.2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3434. (в посл. ред. Федерального закона от 29 июля 2017г. № 279–ФЗ).

13. Федеральный закон «О переводном и простом векселе» от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 17.03.1997. - № 11. - Ст. 1238.

14. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 30 октября 2009 № 241-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2.11.2009. - № 44. - Ст. 5170. (последняя редакция)

15. Постановление Правительства Российской Федерации «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации

в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции»)» от 3 декабря 2004 г. № 738 // Российская газета. - № 489, - 15.12.2004. (в посл. ред. Постановления Правительства РФ от 19 июля 2017 г. № 851-ФЗ).

16. Постановление Правительства РФ «Об утверждении типовых правил доверительного управления биржевым паевым инвестиционным фондом» от 15 июля 2013 г. №600 //Собрание законодательства РФ. - 29.07.2013. - №30 (часть II). - Ст. 4111.

17. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» от 17 ноября 2008 г. № 1663-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1.12.2008. - № 48. - Ст. 5639. (в посл. ред. Распоряжения Правительства РФ от 14 декабря 2009 г. № 1926-р)

18. Национальный план противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы от 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Российская газета. - № 164, 05.08.2008. (в посл. ред. от 14 января 2011 г.)

19. Приказ ФСФР России «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда» от 07 февраля 2008 №08-5/пз-н //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 21.04.2008. - № 16. (в посл. ред. Приказа ФСФР России от 30.07.2013 № 13-61/пз-н)

20. Письмо ФНС России «О доведении рекомендаций по взаимодействию территориальных налоговых органов с правоохранительными органами» от 23 апреля 2014. № СА-4-14/7872 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). - 2014. - № 21. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

2. Материалы судебной практики

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19 декабря 2013 № 41 //

Российская газета. - № 294, - 27.12.2013. (в посл. ред. Постановления Правительства РФ от 24мая 2016г. № 2).

22. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 23 сентября 2013 г. по делу № А53-26504/2011 / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

23. Дело № 22-2870/2016 Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края // «РосПравосудие» - судебная практика / URL: http://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-rraj-s/act-535052433/

24. Дело № 10-10/2015 Архив Мирового суда судебного участка № 12 Индустриального района г. Перми // https://rospravosudie.com/court-industrialnyj-rajonnyj-sud-g-permi-permskij-kraj-s/act-469556099/

25. Дело № 22-180/2012 Архив Подольского городского суда Московской области // «РосПравосудие» - судебная практика / URL: https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-482224512/

26. Дело № 12-294/12 Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга // Судебные решения РФ / URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2262121

27. Дело № 12-163/12 Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода // Судебные решения РФ / URL: http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/226455

28. Дело № 22-180 / Архив Красногорского суда Московской области // Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда / URL: http://www.gcourts.ru

29. Дело № 1-43/1-14 Архив Мирового суда судебного участка № 1 Гиагинского района Республики Адыгея /URL: http://giagr1.adg.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=5156

30. Дело № 1-361/2011 Архив Центрального районного суда города Челябинска // Судебные и нормативные акты РФ / URL: http://sudact.ru

31. Дело № 1-396/2013 Архив Тушинского районного суда г. Москвы //Судебные и нормативные акты РФ / URL: http://sudact.ru

32. Дело № 1-1/2014 Архив Судебного участка №1 г. Муравленко (Ямало-Ненецкий автономный округ) // ГАС «Правосудие» / URL: https://sudrf.ru/

33. Дело № 1-141-2014 Архив суда Железнодорожного района г. Читы // ГАС «Правосудие»/ URL: https://sudrf.ru/

34. Дело № 1-332/13 Архив Егорьевского городского суда Московской области //Судебные и нормативные акты РФ / URL: http://sudact.ru

35. Уголовное дело № 617110 Архив ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской области; Уголовное дело № 4/15623/ Архив ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу Ленинградской области.

36. Комментарий депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2003 - 2011 гг.) Владимира Груздева о поправках, внесенных Федеральным законом от 01 июля 2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Группа РБК / URL:http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100609133235.shtml

37. Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации /URL: www.cdep.ru

38. Данные УМВД России по Тюменской области // Официальный интернет-сайт МВД России /URL: https://mvd.ru/news/item/163935

39. SciCenter.online / URL: https://scicenter.online

3. Монографии, учебники и иная учебная литература

40. Антонян Ю.М., Верзилина А.Н., Елисов П.П., Ларичев В.Д., Позняк Н.В., Рязанцева С.В., Тимошина Е.М. Корыстная преступность в России: Монография. - Москва: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. - 244 с.

41. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль: Избранные статьи. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 322 с.

42. Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография / Отв. ред. А.В. Габов. - М.: ИНФРА-М, 2014 / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

43. Гританс Я. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм. - М.: ВолтерсКлувер, 2005. – 154с .

44. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1955. – Т.IV. – 688 с.

45. Данельян А.А. Корпорация и корпоративные конфликты. - М., 2007. – 192 с.

46. Дегтярев С.В., Исаев О.Ю., Ларичев В.Д.Особенности выявления и раскрытия рейдерских захватов имущественных комплексов: Аналитический обзор. - Москва: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. - 36 с.

47. Дедов Д.И. Конфликт интересов. - М.: ВолтерсКлувер, 2004. –288 с.

48. Исаев О.Ю., Ларичев В.Д.Уголовная ответственность за преступления, совершаемые на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия (рейдерство): Монография. - М.: Юрлитинформ, 2013. - 224 с.

49. Клейменов М.П. Криминология: Учебник. - М., 2008. – 432 с.

50. Клепицкий С.И. Система хозяйственных преступлений. - М., 2005. –572 с.

51. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 7 е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.И. Рарог. - М.: Проспект, 2011. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

52. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 13-е изд., перераб. и доп. /Отв. ред. В.М. Лебедев. - М.: Юрайт, 2013. / Справочная правовая система «Консультант Плюс»;

53. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. - 8-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2012. - 969 с.

54. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и судебной практикой. / Научный редактор С.И. Улезько. - Ростов -на- Дону, 2002. –864 с.

55. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). -2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. Т.1. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

56. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). - 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. Т.1. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

57. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. /Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

58. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. / Отв. ред. В. М. Лебедев. - 7- е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2013. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

59. Коррупция: состояние противодействия и направление оптимизации борьбы / Под ред. проф. Долговой А.И., - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. –361 с.

60. Криминальные новости / URL: http://prokuratura-nn.ru/?p=5686

61. Криминология: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. –1008 с.

62. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Д. Малкова. - 27 - е изд., перераб. и доп. - М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. - 528 с.

63. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. - М.: Юрид. лит., 1968. - 176 с.

64. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М., 2010. –767 с.

65. Ларичев В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности). Монография / Ларичев В.Д. - М.: ВНИИ МВД России, 2003. - 131 с.

66. Ларичев В.Д. Преступность экономической направленности: Монография. - М.: Юрлитинформ, 2011. - 160 с.

67. Лейкина Н.С. Криминология о преступнике. - Л., 1971. – 30 с.

68. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: Монография. - СПб., 2004. – 339 с.

69. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.

70. Осипенко О.В. Корпоративный контроль: Экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Книга первая: Установление корпоративного контроля. - М.: Статут, 2013. – 517 с.

71. Примерный уголовный кодекс США // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=5849

72. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001. – 134 с.

73. Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. - М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – 520 с.

74. Степанов С., Габдрахманов С. Корпоративные конфликты в современной России и за рубежом. - Москва, 2011. –140 с.

75. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. - М.: Госюриздат, 1957. – 364 с.

76. Уголовное право РФ. Общая часть. / Под ред. А.И. Рарога. - М.: Юристъ, 2005. – 480 с.

77. Уголовный кодекс Австрийской Республики // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=446&page=2

78. Уголовный кодекс Аргентины / Науч. редактирование и вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Ю. В. Голика; перевод с испанского Л.Д. Ройзенгурта. - СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – 240 с.

79. Уголовный кодекс Голландии/ Науч. ред. докт. юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ, проф. Б.В.Волженкин, пер. с англ. И.В.Мироновой. - 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: «Юридический центр Пресс», 2001. - 430 с.

80. Уголовный кодекс Грузии // URL: https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf

81. Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С.С. Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского канд. юрид. наук С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 230 с.

82. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=446&page=6584

83. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 декабря 2016 г.) // Параграф / URL:http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252#sub_id=2490000

84. Уголовный кодекс Республики Молдова от 1 апреля 2002 г. № 985-XV // Законодательство стран СНГ / URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3835

85. Уголовный кодекс Республики Польша // Конституции государств (стран) мира / URL: http://constitutions.ru/?p=446&page=3

86. Уголовный кодекс Эстонской Республики // Конституции государств (стран) мира / URL:http://constitutions.ru/?p=446&page=4445

87. Улезько С.И. Проблемы уголовно-правовой охраны налоговой системы Российской Федерации.- Ростов н/Д: РГЭА, 1998. – 152 с.

88. Улезько С.И., Серегина Е.В., Подройкина И.А. и др. Уголовное право: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. 3-е изд., перераб. и доп. /Под редакцией Улезько С.И., Серегиной Е.В. - М.: Юрайт, 2016. – 993 с.

89. Щердин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учебное пособие. - Красноярск, 1999. – 58 с.

4. Статьи

90. VII Петербургский Международный Юридический Форум16-20 мая 2017 года в Санкт-Петербурге/ Проблемы уголовной ответственности бенефициаров, участников и иных лиц: вызовы нашего времени/ Трек: 6. Судебная и арбитражная практика // Петербургский Международный Юридический Форум / URL: http://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_6_6

91. Алехина А.В. Корпоративный конфликт как условие осуществления рейдерского захвата // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2014. - № 4 (28). - С. 97-99.

92. Андреева Л.А. К вопросу о формах соучастия в рейдерском захвате (завладении) бизнесом // Актуальные вопросы права: материалы международной заочной научно-практической конференции (3 мая 2012 г.). - Новосибирск: Изд-во «Сибир. ассоц. консультантов», 2012. - С. 151-162.

93. Андрефф В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. - 2003. - №12. - С. 120-136.

94. Богданов А. Переход на «единый инвестиционный пай» // Рынок ценных бумаг. - 2006. - № 19 (322). - С. 48.

95. Борин Б.В., Ларичев В.Д Общая методика выявления преступлений экономической направленности // Оперативник (сыщик). - № 2 (43). - 2015. - С. 22-26.

96. Валласк Е.В. Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства. - 2012. - № 6. - С. 9-16.

97. Валласк Е.В. Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства // Юрист. - 2012. - № 6. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

98. Воронова О.С. Благоприятные свойства виктимности юридического лица (предприятия) как обстоятельства, способствующие рейдерским захватам (недружественным поглощениям) // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. - 2015. - № 3-3 (53). - С. 25-27.

99. Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности // Российская юстиция. - 2012. - № 3. - С. 55-57.

100. Дегтярев С.В., Ларичев В.Д. Классификация и характеристика способов совершения рейдерских захватов // Российский следователь. - № 24. - 2013. - С. 31-35.

101. Ерахтина О.С. Корпоративные конфликты и правовые способы их минимизации // Вестник Пермского университета. - 2010. - № 3 (9). - С. 103-113.

102. Жалинский А.Э. Уголовно-экономическое право: проблематика определенности закона (российские и немецкие взгляды) / Материалы III совместного российско-германского круглого стола «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт». - М.: ООО «Изд-во «Элит», 2012. - С. 64-81.

103. Жуковская И.В., Ларичев В.Д. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. - № 4. - 2015. - С. 26-32.

104. Зинченко А.И., Зинченко Е.А. Корпоративные отношения: теоретико-правовой анализ // Правовая культура. - 2017. - № 1 (28). - С. 76-83.

105. Зорин А. Рейдерство в законе // Жилищное право. - 2016. - № 11. - С. 107 - 112.

106. Иванчина А.В. Конструирование составов преступлений с административнойпреюдицией: proetcontra // Вестник Ярославского государственного университета. - 2012. - № 3. - С. 65 - 68.

107. Изосимов С.В., Кузьменко В.С. Характеристика личности субъектов, совершающих преступления в сфере экономической деятельности с использованием должностных полномочий // Вестник Чебоксарского кооперативного института. - 2009. - № 1. - С. 142-150.

108. Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст.

185.4 УК РФ) //Российский следователь. - 2013. - № 22. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

109. Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ) / URL: http://отрасли-права.рф/article/8052.

110. Исаев О.Ю. Уголовно-правовая характеристика воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг (ст.185.4 УК РФ) //Российский следователь. - 2013. - № 22. - С. 23-24.

111. Исаев О.Ю., Ларичев В.Д. Родовой и видовой объекты преступлений, совершаемых на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия // Библиотека криминалиста. - 2013. - № 6 (11). - С. 135-146.

112. Карпович О.Г Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями в отношении владельцев ценных бумаг. Правила квалификации //Российский следователь. - 2011. - № 9. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

113. Кашепов В.П. О разграничении пределов административной и уголовной ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / Отв. ред. Н.Г. Доронина. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2016. - С. 91-120.

114. Коган В.М. Значение социально-демографических факторов для изучения причин преступности: Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Изд-во «Юридическая литература». 1975. № 22. - С. 38-51.

115. Колосовой В.И. Административнаяпреюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2011. - № 5 (1). - С. 246-254.

116. Комиссаров В.С. Оценка состояния УК РФ и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги

и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30 - 31 мая 2002 г. - М.: ЛексЭст, 2003. - С. 11-17.

117. Комментарий к статье 185.5 УК РФ. Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества // Налоги и право / URL:http://nalogcodex.ru/Kommentariy-k-st-1855/UK-RF/

118. Корпоративный контроль и управление предприятий // Альманах Ассоциации независимых центров экономического анализа. - 2004. - № 5.

119. Кошаева Т.О. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: пути развития российского уголовного законодательства // Журнал российского права. - 2014. - № 6. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

120. Ланцов П.П. Недружественные слияния и поглощения собственности как разновидность организованного мошенничества // Российский криминологический взгляд. - 2010. - № 4. - С. 402-404.

121. Лапина М.А., Трунцевский Ю.В., Карпухина Д.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // NB: Административное право и практика администрирования. - 2015. - № 2. - С.24-56.

122. Ларичев В.Д. Объекты преступлений экономической направленности (проблемы установления) // Уголовная политика в сфере противодействия экономическим преступлениям: сборник научных трудов. - М.: Финансовый университет, 2012. - С. 36-43.

123. Ларичев В.Д.Правовые меры предупреждения преступности в сфере экономики // Безопасность бизнеса. - № 1. - 2014. - С. 27-31.

124. Лейкина Н.С., Н.П. Грабовская. Личность преступника и уголовная ответственность. // Уголовное право. - 2000. - № 4. - С.45.

125. Лопашенко Н. Рейдерство // Законность. - 2007. - № 4. - С. 7-12.

126. Малков В.П. Административнаяпреюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2011. - № 3. - С. 58 – 64.

127. Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2008. - № 4 (327). - С. 148-155.

128. Материалы «Свободной газеты» // Свободная Интернет-Газета / URL: http://svob-gazeta.ru/blogs

129. Меркулова Т.Н. Корпоративные отношения: определение места в системе гражданско-правового регулирования современных общественных отношений / Защите прав: проблемы теории и практика реализации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Верховный Суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2014. - С. 84-89.

130. Милюков С.Ф. О концептуальных подходах к Уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики / Под ред. В.И. Горобцова.- Красноярск, 2003. №. 6. - С. 23-27.

131. Мусаелян М.Ф. Об уголовно-правовой борьбе с рейдерством // Адвокат. - 2010. - № 3. - С. 57-62.

132. Мусаелян М.Ф. Рейдерство: понятие, виды и пути противодействия //Журнал российского права. - 2010. - № 11.

133. Пикуров Н.И. Четвертая пятилетка УК РФ: востребованность норм об ответственности за экономические преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2013. - № 10. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

134. Праслов Ю.П. Корпоративные отношения как предмет гражданского права // Территория науки. - 2013. - № 2. - С. 264-274.

135. Преступная трудовая деятельность: экономические аспекты // Проблемы современной экономики. - 2012. - № 3 (43) / URL: http://www.m-economy.ru/

136. Пряников Р.В. Ретроспективный анализ развития института рейдерства в России // Социально-экономические явления и процессы. - 2012. - № 4 (38). - С. 110-118.

137. Рыбакова Е.А. Рейдерство: новые этапы борьбы (криминологический аспект) // Юридический мир. - 2012. - № 11. - С. 39-45.

138. Садыков А. Просто, кратко и понятно о корпоративных конфликтах // Юридический блог Альберта Садыкова / URL: http://lawyerlife.ru/korporativnoe-pravo/prosto-kratko-i-ponyatno-o-korporativnyx-konfliktax.html

139. Свирин Ю.А., Скотецкий А.Н. Проблема защиты прав владельцев депозитарных расписок в свете реформы гражданского законодательства // Предпринимательство и право. Информационно-аналитический портал / URL:http://lexandbusiness.ru/

140. Святкина Н.И. Способы защиты права собственности при незаконных захватах недвижимости (рейдерстве): проблемы правоприменения // Право и экономика. - 2009. - № 10. - С. 60-63.

141. Семенов Т.В. О целесообразности административной преюдиции в конструкции ст. 185.1 УК РФ // Административное право и процесс. 2016. № 3. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

142. Семёнов Т.В. Уголовно-правовая охрана корпоративных отношений // Право. - 2014. - № 3. - С. 144–158.

143. Семенов Т.В. Уголовно-правовые запреты в сфере корпоративных отношений: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2015. - № 3. - С. 88-99.

144. Смирнов Г.К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства России в сфере противодействия рейдерству // Российская юстиция. - 2009. - № 12. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

145. Смирнов Г.К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства России в сфере противодействия рейдерству //Российская юстиция. - 2009. - № 12. - С. 23-25.

146. Степанов Д.И. Поглощение, осуществляемое путем приобретения крупного пакета акций, и вытеснение миноритарных акционеров // Хозяйство и право. - 2006. - №3-6. - С. 32.

147. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. - 2009. - № 3. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

148. Сычев П.Г. Новые законодательные инициативы: защита системы корпоративного управления или подарок рейдерам? // Безопасность бизнеса. - 2011. - № 1. - С. 30-35.

149. Турнаев А.В. Уголовно-правовые аспекты противодействия рейдерским деяниям за рубежом // Вестник Нижегородской Академии МВД России.- 2013. - № 4. - С. 267-271.

150. Ушаков О., Сизова М. Новеллы законодательства в отношении депозитарных расписок 2013. // «Рынок Ценных Бумаг» / URL:http://www.rcb.ru/dep/2013-01/208688/

151. Федоров А.Ю. «Антирейдерская» реформа уголовного законодательства // Адвокат. - 2010. - № 10. / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

152. Федоров А.Ю. Актуальные виктимологические проблемы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях корпоративных конфликтов // Право и экономика. - 2011. - № 6. - С. 66-68.

153. Федоров А.Ю. Правовая охрана корпоративных отношений: Актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт // Библиотека FictionBook.lib / URL: www.fictionbook.ru/author/f_yu_fedorov

154. Федоров А.Ю. Практика уголовно-правовой квалификации рейдерских поглощений // Право и экономика. - 2011. - № 10(11). / Справочная правовая система «Консультант Плюс».

155. Филимонов В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. - 2003. - № 2. - С. 83-85.

156. Хечиев А. Корпоративный контроль: проблемы правового регулирования // Отрасли права. Аналитический портал / URL:http://отрасли-права.рф/article/18146

157. Шульга А.В. Лазарева Д.Л. Корысть как признак цели хищения // Роль и значение современной науки и техники для развития общества: Сборник статей международной научно-практической конференции, 28 апреля 2017 г. Часть 2. Екатеринбург, 2017. - С.31 -34.

158. Чеховская С.А Субъекты корпоративного управления: правовые аспекты// Предпринимательское право. - 2016. - № 2. / Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

159. Чеховская С.А. Субъекты корпоративного управления: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2016. № 2. /Справочная правовая система «Консультант Плюс».

160. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. - 2009. - № 10. - С. 69-79.

161. Яценко Т.С. Гражданско-правовые меры пресечения незаконного завладения корпоративным контролем // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2015. - № 4 (29). - С. 61-69.

5. Диссертации, авторефераты диссертаций

151. Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративныхслияний и поглощений (рейдерских захватов): Дисс. … канд. юрид. наук. - Москва, 2015. – 195 с.

152. Алехина А.В. Криминальноерейдерство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2013. – 35 с.

153. Брагин И.А. Криминологическая природа рейдерства: генезис, эволюция, прогноз и проблемы нейтрализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2014. – 26 с.

154. Воронова О.С. Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. – 22 с.

155. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Дис. ... докт. юрид. наук. - Рязань, 2011. – 416 с.

156. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. - Тамбов, 2009. – 50 с.

157. Исаев О.Ю. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с противоправным установлением контроля над активами и управлением предприятия: Дис. … докт. юрид. наук. - Москва, 2014. – 412 с.

158. Козловская А.Э. Уголовно-правовая охрана имущества юридических лиц от незаконных корпоративных захватов (криминологическое и уголовно-правовое исследование): Дисс. ...канд. юрид. наук. - М., 2009. – 260 с.

159. Лавров М.В. Риск в сфере корпоративного контроля: гражданско-правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2006. – 200 с.

160. Лупашко С.В. Слияния и поглощения как фактор роста конкурентоспособности экономических систем: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2007. – 149с.

161. Нефедов И.В. Корпоративные захваты: явление, причины, профилактика: Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб, 2014. – 245 с.

162. Проженина А.Н. Криминологическое изучение и предупреждение преступлений, связанных с противоправным поглощением юридических лиц (рейдерством): Дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2010. - 207с.

163. Рудавин А.А. Преступное бездействие: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Научная библиотека диссертаций и авторефератов / URL: http://www.dissercat.com/content/prestupnoe-bezdeistvie#ixzz4fLBzHUF0

164. Сергеев М.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2008. – 22 с.

165. Сергеев М.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями: Дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2008. – 166 с.

166. Соколов И.А. Состояние и развитие уголовно-правового механизма противодействия незаконному захвату юридических лиц (рейдерству): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2014. – 199с.

167. Улезько С.И. Теоретические основы исследования уголовно-правовой охраны налоговой системы России: Дис. ... докт. юрид. наук. - Москва, 1998. – 306 с.

168. Шимбарева Е.В. Корпоративные конфликты и контроль: Дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2010. – 2013 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Масштаб хозяйствующего субъекта (в зависимости об объема выручки, млн. руб)	Количество единоличных посягательств, в %	Количество посягательств, совершенных в соучастии, в %
Микроорганизации (до 60)	80	20
Малые (до 400)	60	40
Средние (до 1 000)	40	60
Крупные (свыше 1 000)	0	100

Таблица 2

Пол	Совершение преступления, предусмотренного ст. 185.4 УК РФ, в %	Совершение преступления, предусмотренного ст. 185.5 УК РФ, в %
мужчины	88	79
женщины	12	21

Таблица 3

Возрастная категория	Количество обвиняемых	Количество лиц определенной возрастной категории в общем объеме обвиняемых, (%)
До 20 лет	–	–
21-30 лет	10	13,3
31-45 лет	51	68
45-55 лет	9	12
55-60 лет	5	6,6
Старше 61 года	0	0

Таблица 4

Уровень образования	Количество обвиняемых	Количество лиц с определенным уровнем образования в общем объеме обвиняемых, (%)
Высшее, в том числе:	69	92
● высшее экономическое	51	63
● высшее юридическое	9	25
● высшее иное	5	12
Неполное высшее	4	5,3
среднее специальное	2	2,6
Без образования	0	0